ЛИНА ЛУН

СВЕТ ВАЛЕРИ

ТОЧКА ОТСЧЕТА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лина Лун

Свет Валери. Точка отсчета. Том 1

«Автор»
2026

Лун Л.

Свет Валери. Точка отсчета. Том 1 / Л. Лун — «Автор», 2026

Валери тридцать, она водит старенький «Поло», проводит закрытые игры и с полуслова считывает чужие слабости. В её голове живёт совет директоров — Стратег, Психолог, Скептик, Бухгалтер, Женщина 30+ и Шутница. Когда на очередном покере в её жизнь врывается Дмитрий Вяземский, голоса трубят тревогу: он — тяжёлый, контролирующий собственник из другого мира. Но вместо того чтобы прогнуться или сбежать, Валери принимает вызов.Что ждёт внутри:— Взрослая адекватная героиня, которая отстаивает границы словами и логикой.— Настоящий властный мужчина, способный слышать аргументы и меняться на деле.— Очень горячие, откровенные сцены близости 18+ с фокусом на эмоциях и страсти.— Живой юмор, ироничные диалоги и закрытые совещания внутренних голосов.— История, которая начинается как реалистичный роман, но шаг за шагом выводит героиню к пробуждению необъяснимой силы.Осторожно: вызывает острое желание заварить чай с чабрецом, пересмотреть «Гарри Поттера» и навести порядок в своих границах.

© Лун Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый вечер 5
Глава 2. Первая ночь 25
Глава 3. Первое утро 52
Глава 4. Второй вечер 73
Глава 5. Второй день 93
Глава 6. Третья ночь 120
Конец ознакомительного фрагмента. 137

Лина Лун
Свет Валери. Точка отсчета. Том 1

Глава 1. Первый вечер

Вечер субботы, самое начало ноября. Экран Apple Watch на моём запястье коротко подсвечивается, когда я глушу двигатель: 19:32. До назначенного начала полчаса.

Сегодня предстоит несколько часов вести покер на дне рождения каких-то определённо богатеньких ребят. Хотя заказчица была довольно вежливой и милой. Посмотрим..

На широкой мощёной площадке перед двухэтажным загородным домом под соснами уже стоят три машины, включая массивный чёрный внедорожник у самого крыльца.

В голове тут же проснулся Бухгалтер.

Бухгалтер: Вот смотрите, чтобы нам накопить на такую машину, мы должны работать семь дней в неделю.

Женщина 30+: Ага. А жить когда?

Я забираю с заднего сиденья тяжёлый алюминиевый кейс с фишками, прихватываю под мышку тубус с рулоном сукна и поднимаюсь по широким ступеням к входной двери.

Не успеваю нажать на звонок — дверь распахивается раньше. На пороге стоит заказчица Анна в тёмно-синем коктейльном платье, зажав телефон между плечом и ухом. Одной рукой она пытается застегнуть замочек тонкого браслета на запястье, который никак не поддаётся.

— Да, курьер пусть сразу к калитке подъезжает, Максим встретит, — быстро говорит она в трубку, сбрасывает вызов и с облегчением выдыхает, поднимая взгляд на меня. — Валери! Привет, проходи, пожалуйста. Я эту застёжку сейчас просто оторву с мясом, честное слово, пять минут с ней воюю. Как добралась, на переезде не стояла?

— Привет! Всё отлично, куда повесить куртку?

В просторной прихожей тепло и пахнет свежим деревом, кофе и немного — дымком с улицы. Анна наконец защёлкивает браслет и забирает у меня тубус с сукном, кивая на вешалки.

Я ставлю кейс, снимаю верхнюю одежду и убираю её в гардеробную нишу. Затем подхватываю кейс и иду за Анной в гостиную.

Огромная светлая гостиная — со вторым светом и панорамными окнами во двор.

Пространство продумано удобно: справа — мягкая зона у камина и широкая деревянная лестница на второй этаж, слева — длинный кухонный остров из тёмного камня, за которым громоздятся коробки с бокалами, ведёрко со льдом и открытые бутылки вина. В самом центре комнаты стоит массивный дубовый стол на восемь персон, уже полностью освобождённый от посуды. За стеклянной дверью террасы виднеются двое мужчин у гриля — один из них в куртке поверх футболки активно жестикулирует, переворачивая щипцами мясо.

— Мы специально сдвинули стол ближе к центру, чтобы тебе было где развернуться, — тараторит Анна, кладя тубус на столешницу и оглядывая меня с улыбкой. — Выглядишь просто супер, с этим жемчугом — прямо как в закрытом клубе. Слушай, у нас часть ребят ещё паркуется на въезде, именинник вон на террасе возомнил себя шеф-поваром, а Димка со Светой наверху, Света после дороги пудрится. Тебе налить воды, кофе, может, сразу просекко? Хотя ты же за рулём...

— Я буду просто воду с лимоном, благодарю.

Я ставлю кейс на край стола, щёлкаю двумя металлическими замками и откидываю крышку, где ровными рядами лежат тяжёлые керамические фишки, две новые колоды в плёнке и пластиковая кнопка дилера. Анна подхватывает со стойки пустой поднос, бросает короткое

«я сейчас, только унесу это на кухню и принесу тебе стакан воды» и скрывается за перегородкой.

Я мельком оглядываю интерьер. Да-а, размах. Мне, чтобы накопить на такой дом, нужно или выйти замуж за миллионера по расчёту, или продать несколько органов.

Когда я достаю из тубуса плотное матовое сукно и раскатываю его вдоль дубовой столешницы, сверху, со стороны лестницы, раздаются неторопливые шаги по деревянным ступеням.

По лестнице спускается высокий широкоплечий мужчина в тёмно-серой футболке-хенли с расстёгнутой верхней пуговицей и тёмных джинсах. На середине пролёта он убирает телефон в задний карман, поднимает голову — и его взгляд сразу находит меня.

Женщина 30+: Всем внимание! На горизонте красивый мужчина!

Стратег: Не пялимся.

Он не сбавляет шаг, но последние несколько ступеней проходит, не отрывая от меня очень тёмных, почти чёрных глаз. Взгляд прямой, плотный и цепкий — скользит по гладко убранным в низкий хвост волосам, задерживается на линии шеи и жемчужном воротнике чёрной блузки, опускается к моим рукам на зелёном сукне и возвращается обратно к лицу.

Скептик: Зато он пялится. И взгляд у него, как у хищника.

Женщина 30+: Мы любим таких. Знают, чего хотят, а не мнутся 3 дня, чтобы написать.

На верхней площадке раздаётся сухой перестук каблуков. Вслед за ним спускается высокая блондинка в свободном шёлковом платье цвета шампанского и с крупными серьгами в ушах. Поравнявшись с мужчиной у нижней ступени, она привычным жестом кладёт ладонь с ярким маникюром ему на предплечье:

— Дима, ну ты хотя бы подождал, я вообще не ориентируюсь в этом доме, — произносит она прохладным, чуть тягучим голосом и тут же переводит оценивающий взгляд на меня и разложенный инвентарь. — О. А нам говорили, что будет обычный вечер с друзьями.

Женщина 30+: Отбой пожарной тревоги.. Не наш вариант.

Дмитрий не поворачивает к женщине головы. Он делает несколько шагов в сторону стола, так что её рука сама собой соскальзывает с его локтя, а из кухни как раз выходит Анна со стаканом воды с лимоном для меня. Я благодарю её кивком.

— Так, все в сборе, отлично! — Анна ставит стакан на угол стола рядом с моим кейсом. — Знакомьтесь, это Валери, наш сегодняшний крупье и главный арбитр. Валери, это наши друзья — Дмитрий и Светлана.

Светлана коротко, одними губами улыбается и сразу отходит к кухонному острову, потянувшись к высокому бокалу с шампанским. Дмитрий же останавливается по ту сторону стола прямо напротив меня, кладёт ладонь на спинку массивного стула и смотрит мне прямо в глаза:

— Добрый вечер, Валери. Аня весь день держала интригу. Значит, сегодня играем по вашим правилам?

Женщина 30+: Он подкатывает! Точно вам говорю!

Скептик: Он задал вопрос про наши правила, когда мы собрались играть в покер. Я уже сомневаюсь в его интеллектуальных способностях.

Женщина 30+: Это завуалированный подкат!

Мой взгляд замечает кольцо.

Скептик: У него есть жена.

Я вежливо улыбаюсь.

— Добрый вечер, Дмитрий. Сегодня у нас покер. Правила покера придумала не я, я лишь буду их контролировать. Вы знакомы с ними?

Уголок губ Дмитрия едва заметно приподнимается. Он не убирает ладонь со спинки стула.

— С базовыми знаком, — отвечает он ровным низким голосом. — Но правила везде одни, а вот то, как именно следят за порядком за столом, всегда зависит от человека. Посмотрим, насколько строгий у вас контроль, Валери.

В этот момент из прихожей доносятся голоса и смех — в гостиную заходит ещё одна пара: высокий кудрявый парень в светлой рубашке и рыжеволосая девушка в изумрудном брючном костюме с двумя большими подарочными пакетами в руках. Одновременно с этим сдвигается стеклянная дверь террасы, впуская в комнату волну вечерней прохлады и запах жареного мяса. Внутрь входят именинник Максим и коренастый мужчина с короткой бородой в чёрном поло.

— О, у нас тут уже настоящее подпольное казино! — Максим на ходу вытирает руки полотенцем, улыбается мне через комнату и кивает. — Привет! Я Максим. Сейчас мы быстро разберёмся с подарками, и все семь человек в вашем полном распоряжении.

Именинника тут же перехватывают у кухонного острова: рыжеволосая девушка лезет обниматься, вручая пакеты, бородатый приятель громко спорит с кудрявым, чья очередь открывать вторую бутылку вина, а Анна раздаёт бокалы. Светлана остаётся у дальнего края стойки — держит в пальцах ножку фужера с просекко и вполголоса что-то обсуждает с Анной.

Дмитрий в общей суматохе не участвует. Он отходит к острову ровно на полминуты: берёт низкий тяжёлый стакан, бросает туда щипцами два кубика льда и плещет на два пальца янтарного виски из открытой бутылки.

Вместо того чтобы остаться с остальными у бара, он неторопливо обходит стол и останавливается совсем рядом со мной — у места по левую руку от позиции дилера. Ставит стакан на деревянный бортик за краем раскатанного сукна, опирается бедром о край столешницы и смотрит, как я достаю из кейса запечатанные колоды и выстраиваю столбики тяжёлых керамических фишек.

Я не отвлекаюсь от подготовки стола.

Лёд в его стакане тихо звякает о стекло, когда он делает небольшой глоток и переводит взгляд с моих пальцев на часы на моём запястье, а затем к лицу:

— Семь человек за столом, половина после вина и шампанского, — негромко произносит он так, что за шумом у барной стойки его слышу только я. — Вы со всеми компаниями так вежливы в начале вечера или только пока фишки не розданы?

Скептик: С ним что-то не так.

Женщина 30+: Мы просто ему понравились.

Скептик: При живой жене?

Стратег: Панику отставить. Что он там спрашивает? «Вы со всеми так вежливы?»

Скептик: Я продолжаю сомневаться в его интеллектуальных способностях.

Женщина 30+: Может, он тоже растерялся..

Скептик: Ага, вижу, как он растерян, аж коленки трясутся.

Стратег: Надо ответить.

Шутница: Я скажу!

Женщина 30+: Только не подъёбывай!

Я поднимаю на него взгляд и чуть ухмыляюсь, продолжая разбирать фишки.

— А вы часто встречаете невежливых ведущих?

Керамические фишки глухо и весомо щёлкают друг о друга под моими пальцами, вырастая на зелёном сукне в семь ровных разноцветных стопок.

Дмитрий задерживает взгляд на моей ухмылке, и в глубине его тёмных глаз мелькает довольный блеск.

— Вежливых встречаю регулярно, — негромко отвечает он, чуть подаваясь корпусом ближе к столу. — Но у большинства на лице написано старательное желание угодить клиенту. А вы смотрите так, будто уже прикидываете, кто из нас первым вылетит из-за стола.

Скептик: В точку.

Он не ждёт приглашения от хозяев: берёт за спинку ближайший ко мне стул — прямо по левую руку от места крупье — отодвигает его и неторопливо садится, закидывая ногу на ногу. Рукава своего серого хенли он подтягивает чуть выше, к локтям, обнажая крепкие предплечья и стальной корпус часов на левом запястье.

Женщина 30+: Боже, как от него вкусно пахнет..

Я снова бросаю незаметный короткий взгляд на его кольцо.

У кухонного острова раздаётся короткий звон бокалов — гости выпивают за именинника и гурьбой тянутся к столу.

— Так, чур я поближе к бару, чтобы далеко не бегать! — Бородатый мужчина в чёрном поло с тарелкой оливок и сыра плюхается на стул с правого края и протягивает мне свободную руку через сукно: — Игорь. Можно просто главный спонсор сегодняшнего банка, потому что блефовать я не умею вообще.

— Подтверждаю, в прошлый раз он в Сочи слил мне все фишки за двадцать минут, — смеётся кудрявый парень, устраиваясь за столом вместе с рыжеволосой девушкой. — Я Денис, это моя жена Кристина.

Я улыбаюсь им и говорю:

— Приятно познакомиться.

Кристина приветливо машет мне рукой, поправляя лацкан изумрудного пиджака. Максим с Анной занимают места напротив меня, в центре длинной стороны стола.

Светлана подходит к столу последней. Она останавливается за спинкой стула рядом с Дмитрием, коротко смотрит на то, как близко его плечо находится от моей руки с колодой, и тонко поджимает накрашенные губы.

— Дима, тут с краю дует от террасы, — замечает она, опускаясь на стул по левую руку от мужа и поправляя шёлковую складку платья на коленях. — Мог бы сесть дальше.

Мог бы, но не сел. Теперь что, надо портить всем настроение из-за этого? Она чует. Точно чует. Интересно, он всегда ведёт себя так?

Психолог: Я пока придержу свои комментарии о происходящем. Давайте работать.

— Дверь закрыта, Света, — ровно, даже не поворачивая к ней головы, отзывается Дмитрий. Он берёт верхнюю тёмную фишку из стопки, которую я только что пододвинула к его сектору, и медленно перекатывает её между указательным и средним пальцами, глядя снизу вверх на меня. — Ну что, Валери. Все на местах. С чего начнём?

Я улыбаюсь собравшимся.

— Добрый вечер, меня зовут Валери, и сегодня я проведу для вас вечер покера. Для начала определимся: играем ли на реальный банк или вы хотите просто посидеть, посмотреть на картинки на картах?

За столом раздаётся дружный смех — Игорь даже откладывает оливку обратно на тарелку и с уважением стучит ладонью по краю столешницы.

— Опа, нас сразу взяли на слабо! — хохочет он, поворачиваясь к имениннику. — Макс, ну после такого просто гонять пустые фантики вообще не вариант, нас за пацанов считать не будут. Давай нормальный вход в банк, скидываемся наличными, победитель забирает всё!

— Только без фанатизма, я сегодня планировала уехать домой в этих же серёжках, — смеётся Кристина, толкая локтем мужа.

— По пять тысяч с носа в общий котёл, — предлагает Максим, доставая телефон. — И азарт есть, и никто не подерётся. Дим, ты как?

— Без реального банка никто не станет думать над ставками, — негромко отвечает Дмитрий. Он достаёт из заднего кармана джинсов тонкий кожаный кардхолдер, вытягивает оттуда две пятитысячные купюры и кладёт их прямо на деревянный бортик перед собой, за пределами сукна. — За себя и за Свету. Чтобы не смотреть просто на картинки.

— Мне вообще-то всё равно, на что играть, — небрежно замечает Светлана, делая маленький глоток шампанского, но купюры со стола не убирает.

За полминуты остальные пять игроков отсчитывают по пять тысяч наличными и складывают купюры в стопку у края стола. Дмитрий оставляет свои десять тысяч перед собой.

— Кто не знаком с правилами покера и не знает комбинации? — Я обвожу собравшихся взглядом.

Первой руку поднимает Анна, а следом за ней с виноватой улыбкой тянет ладонь Кристина:

— Я знаю, что две двойки — это пара, но вот что старше, стрит или флеш, путаю каждый раз.

Я коротко и чётко проговариваю структуру раздачи — от обязательных ставок вслепую до пятой карты на столе — и раскладываю перед гостями плотные лакированные карточки с иерархией комбинаций. Кристина с Анной тут же склоняются над ними, сверяя картинки, а Светлана, когда я кладу одну памятку между ней и Дмитрием, лишь скользит по карточке взглядом и отодвигает её кончиком ногтя чуть в сторону.

— Мне тоже дай шпаргалку, Валери, я после второго бокала и масти путать начну, — тут же вклинивается Игорь.

Дмитрий к памятке даже не прикасается. Пока я объясняю правила, он сидит вполоборота ко мне, положив правое предплечье на стол совсем рядом с моим локтем. Я ненадолго задерживаю взгляд на его руке и возвращаюсь к объяснению. От него тянет терпким древесным парфюмом и холодным виски из стакана.

Стратег: Ну всё, работаем. Не отвлекаемся.

Пластиковые карты с сухим шелестом веером расходятся в моих руках. Я кладу белую шайбу дилера перед Игорем — он сидит справа от меня, — а значит, малый блайнд на первой раздаче автоматически падает на сектор Дмитрия, прямо по мою левую руку, а большой — на Светлану.

Дмитрий без напоминаний сдвигает одну фишку за линию. Светлана, помедлив секунду, нехотя бросает следом две.

По две закрытые карты скользят по зелёному сукну к каждому игроку. Когда я сдаю карты Дмитрию, он не ждёт, пока они долетят до его края — накрывает их широкой ладонью чуть раньше, возле моих пальцев, приподнимает уголки плотного пластика над сукном и коротко заглядывает под них. На лице не дрожит ни один мускул.

Первым слово берёт Денис: щурится в свои карты, хмыкает и уравнивает ставку. Кристина тут же сбрасывает:

— Не, там вообще какая-то тоска, я пас.

Максим с Анной и Игорь поддерживают ставку, закидывая фишки в центр. Очередь доходит до Дмитрия. Он смотрит не на центр стола и не на карты — поднимает взгляд на моё лицо, берёт из своей стопки сразу три тяжёлые фишки и с негромким щелчком ставит их вперёд, повышая ставку.

— Ничего себе начало, — присвистывает Денис с другого конца стола. — Дима даже первых трёх карт не дождался.

Светлана, глянув в свои карты, с сухим стуком бросает их рубашкой вверх в сторону центра стола и откидывается на спинку стула, скрещивая руки на груди. Денис уравнивает повышение. Максим и Анна тоже пасуют, не желая рисковать в первой же раздаче.

— У него просто лицо всегда такое, будто там два туза, — бурчит Игорь, но свои фишки всё-таки двигает в центр. — Ладно, проверим.

В игре остаются трое: Дмитрий, Денис и Игорь.

Я сжигаю верхнюю карту в отбой и одним слитным движением выкладываю в центр сукна первые три карты флопа: червовый король, пиковая десятка и бубновая десятка.

Игорь шумно выдыхает через нос и чешет бороду, переводя взгляд со стола на невозмутимого Дмитрия. Дмитрий же берёт свой стакан с виски, делает неторопливый глоток и двумя пальцами свободной руки дважды негромко постукивает по сукну прямо возле моей ладони, объявляя чек.

Денис неуверенно переводит взгляд с двух десяток на столе на лицо Дмитрия и тоже стучит костяшками пальцев по сукну:

— Я пас... то есть чек. Пропускаю.

— А я не верю, что у кого-то с раздачи десятка зашла, — азартно заявляет Игорь и толкает вперёд две зелёные фишки. — Повышаю.

Пока ход возвращается по кругу, мой взгляд снова скользит к правой руке Дмитрия. Его кисть спокойно лежит на зелёном сукне совсем близко от отбойной стопки карт: широкая ладонь, длинные пальцы с короткими аккуратными ногтями, чётко очерченные сухожилия и проступающие под кожей вены. На другом запястье — стальные часы. Он не теребит карты и не прячет их в ладонях, как Денис, — просто придерживает глянцевый пластик подушечками указательного и среднего пальцев.

Дмитрий замечает мой быстрый взгляд. Когда очередь доходит до него, его пальцы чуть сдвигаются по сукну в мою сторону — он берёт из своей стопки четыре тяжёлые чёрные фишки и неторопливо выдвигает их на линию.

— Перебиваю, — ровно произносит он.

Денис тут же со смехом швыряет свои карты в отбой:

— Всё, без меня, мальчики, я в эту мясорубку не лезу!

Игорь кряхтит, долго сверлит взглядом невозмутимого Дмитрия, но всё-таки доставляет недостающие фишки в банк. Пока все следят за Игорем, я невзначай смотрю на руку Дмитрия, затем собираю ставки в общую кучу в центре стола, сжигаю ещё одну карту и открываю четвёртую — пикового туза.

Стратег: Хватит пялиться на его руки.

Женщина 30+: Но они такие сексуальные у него.. Не могу отвести взгляд!

— Да ну нафиг, — стонет Игорь, откидываясь на спинку стула, а Максим с Анной напротив смеются, переглядываясь.

Светлана в это время даже не смотрит на сукно — она достаёт из маленькой сумочки телефон, кладёт его себе на колени под столом и лениво листает ленту, изредка пригубливая шампанское.

Дмитрий снова смотрит не на туза в центре стола, а на мои руки, когда я выравниваю стопку банка, и двигает вперёд ещё одну высокую башню фишек. На этот раз Игорь не выдерживает — с досадой машет рукой и сбрасывает свои карты в отбой:

— Забирай! С твоим лицом только в налоговой сидеть, вообще ничего не прочитаешь. У тебя там что было-то хоть?

— Карты показывают за деньги, Игорь, — с лёгкой усмешкой отзывается Дмитрий.

Не знаю почему, но эта его фраза пробивает меня на мурашки.

Психолог: Интересная реакция.

Женщина 30+: Очень интересная.. А можно, он ещё что-нибудь скажет?

По правилам он не обязан открывать руку, если все спасовали. Но вместо того чтобы бросить свои две закрытые карты в центр стола, как остальные, Дмитрий плавным движением ведёт их по сукну прямо к моей левой руке, туда, где лежит колода. Он останавливает карты возле моих пальцев и секунду не убирает с них ладонь — так что, когда я тянусь забрать их в отбой, я кожей ощущаю сухое тепло его пальцев.

У нас проблемы. Он тёплый.

Скептик: Какое очевидное наблюдение, учитывая, что он живой. Живые — тёплые.

Стратег: Здесь кто-нибудь будет работать сегодня?

В следующих раздачах игра набирает ход. Компания окончательно осваивается: Кристина в третьей раздаче неожиданно собирает флеш на червах и с визгом забирает банк у собственного мужа, Максим подливает всем вина, а Светлана дважды подряд сбрасывает карты ещё до флопа, явно скучая.

— Ань, а где у вас тут можно руки помыть и припудриться? — наконец спрашивает Светлана, откладывая телефон и поднимаясь из-за стола. — И мне бы воды без газа, от этого брюта голова начинает гудеть.

Женщина 30+: Пить меньше надо. Давно уже не двадцатилетка.

— Прямо по коридору за лестницей, Свет, первая дверь налево, — машет рукой Анна и сама поднимается со стула. — А за водой пошли покажу, у нас большие бутылки в кладовке за кухней стоят. Макс, посмотри за моими фишками, не смей их проигрывать!

— Я сейчас всё на зеро поставлю, — грозится Максим, пересаживаясь ближе к сектору жены, а Игорь с Денисом тут же начинают спорить с ним, какие вообще шансы собрать каре за один вечер, и тянутся к тарелке с нарезкой.

Светлана и Анна уходят за перегородку кухни и дальше в коридор. За столом на пару минут возникает пауза между раздачами: мужчины на правом фланге шумно обсуждают прошлую партию и накладывают себе закуски, не глядя в нашу сторону.

Дмитрий остаётся сидеть рядом со мной. Он чуть поворачивает корпус к моему углу стола, кладёт оба предплечья на стол и, глядя на то, как я собираю и тасую колоду для нового круга, тихо — только для моих ушей — произносит:

— Ты ведь видела мои карты, когда я чуть не засветил их на первой раздаче, поднимая уголки. Там был полный мусор, разномастные двойка и семь. Но Игорю ты и бровью не повела.

Скептик: Он считает, что у нас к нему особое отношение. Мы вообще-то профессиональный крупье, и не в наших правилах сдавать карты гостей.

Женщина 30+: Я уверена, что он просто растерян от нашей привлекательности и невозмутимости и не знает, как ещё подкатить. Он просто поплыл! Перестань цепляться к каждому слову!

Я чуть улыбаюсь — на этот раз искренне, но не поднимаю глаз от колоды.

— Видела. Вашему хладнокровию только позавидовать.

Я бросаю на него взгляд и возвращаюсь к картам, продолжая тасовать.

Пластиковые карты с мягким щелчком врезаются друг в друга в моих руках и веером сходятся в ровную пачку.

Дмитрий ловит мой короткий взгляд и эту перемену в улыбке — когда вежливая маска ведущей на секунду сменяется живым выражением. Он чуть склоняет голову набок, рассматривая мой профиль, линию скулы и мелкие жемчужины на чёрном воротнике, пока я снова смотрю на колоду.

— По части хладнокровия мы с тобой пока на равных, — так же негромко произносит он. — Я хотя бы блефую ради банка. А ты видишь чужие промахи, молчишь и даже первую настоящую улыбку за вечер прячешь обратно в колоду. Ещё и дистанцию на «вы» держишь.

Стратег: Так-так-так! Тормозим! Ситуация «Гость пошёл в разнос»!

Женщина 30+: Но он же нам тоже нравится.

Стратег: Если мы будем флиртовать с каждым гостем, который нам нравится, мы обретём очень неприятную славу.

Женщина 30+: Твоя правда..

Я держу невозмутимое лицо перед ним.

На другом конце стола Максим разливает красное вино по бокалам Дениса и Игоря. Кристина крутит в пальцах пластиковую шайбу дилера и нетерпеливо заглядывает в сторону коридора:

— Слушайте, если Света там застряла у зеркала, может, раскидаем пока кружок без неё? У меня только-только карта пошла!

Из-за кухонного острова выходит Анна с большой деревянной доской, на которой дымится нарезанное ломтиками мясо с гриля, и ставит её на свободный край стола ближе к мужчинам.

— Свете кто-то по работе позвонил, она в прихожей разговаривает, махнула, чтобы раздавали без неё, — говорит Анна, усаживаясь обратно на своё место и пододвигая к себе фишки. — Так что пропускаем её бокс.

Игорь тут же накалывает вилкой кусок стейка, а Денис двигает шайбу дилера по сукну дальше по часовой стрелке — прямо к сектору Дмитрия. Теперь позиция «на кнопке» у него: он получает карты последним и после флопа действует последним в каждом круге торговли.

Я заканчиваю тасовать и кладу колоду на сукно перед Дмитрием для обязательной срезки перед раздачей. Он не спешит снимать верхнюю часть пачки — сначала берёт двумя пальцами тонкую пластиковую подрезную карту, медленно ведёт её по зелёному сукну к моей руке и, сняв половину колоды, легко задевает костяшками пальцев внешнюю сторону моей ладони.

Женщина 30+: Есть контакт!

Скептик и Стратег: Хватит! Работаем.

Психолог: А у меня идея..

— Сдавай, Валери, — спокойно говорит он, глядя мне в глаза, и отводит руку к своему стакану с виски. — Посмотрим, кому сейчас зайдёт.

Психолог: Смотрим на часы.

Привычным жестом разворачиваю запястье, чтобы посмотреть, который час.

Экран часов на секунду загорается мягким светом — 20:18.

Психолог: Ждём реакцию.

Я накрываю срезанную часть колоды второй половиной и быстрыми, отточенными движениями рассылаю карты по сукну, пропуская пустующее место Светланы.

Дмитрий замечает мой короткий взгляд на циферблат. Когда его пара карт ложится на край зелёного полотна, он приподнимает уголки одной рукой, скользит по ним взглядом и оставляет карты перед собой.

На противоположном краю стола остальные тут же оживляются.

Игорь прожёвывает кусок стейка и обращается к хозяину:

— Макс, мясо просто космос, чем мариновал?

— Лук, розмарин и вообще никакого уксуса, я тебе сто раз говорил, — отвечает Максим, но от карт не отвлекается и тут же поднимает ставку. — Давай, Игорь, поддерживай, не жмись.

Анна сбрасывает, а Игорь поддерживает повышение.

Дмитрий лёгким толчком отправляет карты к моей ладони.

— Пас, — коротко бросает он для стола.

— О, главный акула вышел на перекур, живём! — радостно объявляет Игорь.

Денис тоже сбрасывает карты.

— Вы меня сейчас вдвоём разденете, — смеётся Кристина, сверяясь со своей лакированной памяткой, но фишки в банк всё-таки докладывает.

Я забираю карты Дмитрия в отбой, сжигаю верхнюю с колоды и открываю в центре три карты флопа: бубновый валет, червовая восьмёрка и трефовая тройка.

Пока Максим, Игорь и Кристина шумно спорят над ставками и тянутся через стол к блюду с мясом, Дмитрий сидит вполоборота ко мне, свободно положив локоть на спинку своего стула. Выйдя из раздачи, он вообще перестаёт смотреть на чужие фишки — всё его внимание остаётся на том, как двигаются мои руки по сукну, как я подравниваю стопку отбоя и перевожу взгляд с одного игрока на другого.

— Считаешь минуты, сколько ещё терпеть нас по регламенту? — совсем тихо, под прикрытием смеха Дениса и Игоря, произносит он.

Психолог: Бинго!

Скептик: И что это был за эксперимент?

Психолог: Если бы ему было всё равно на наше присутствие, он бы даже не заметил. И уж тем более не сказал бы это.

Женщина 30+: Спасибо.

Психолог: А ещё людей, которым небезразличен собеседник, может задеть, когда рядом с ними поглядывают на часы. Особенно таких, как он.

Прежде чем я успеваю открыть четвёртую карту на столе, со стороны прихожей снова раздаётся цокот каблуков. Светлана возвращается в гостиную, на ходу швыряя телефон в маленькую сумочку. Лицо у неё натянутое. Она подходит к своему месту, с резким звуком отодвигает стул по ламинату и садится слева от Дмитрия.

— Это просто издевательство какое-то, — громко жалуется она, обращаясь ко всему столу, и тянется за своим недопитым бокалом шампанского. — Стоило уехать за город на один вечер, как управляющая салоном умудрилась перепутать всю поставку на понедельник. Дим, у тебя нет зарядки в машине? У меня телефон почти сел, пока я им мозги вправляла.

Дмитрий медленно поворачивает голову от меня к жене.

— В бардачке есть провод, — ровно отвечает он, лезет рукой в карман джинсов и кладёт на стол возле её локтя массивный чёрный брелок от внедорожника.

Светлана смотрит на ключ на столе, потом на мужа, и её брови недовольно взлетают вверх:

— То есть мне самой сейчас идти на улицу по темноте на каблуках?

Стратег: Лицо держим. Нет, не ухмыляемся. И не кривимся. Мы — профессиональный крупье.

— Машина стоит в трёх метрах от крыльца, Света, там прожектор светит как днём, — спокойно говорит Дмитрий и снова поворачивает голову к столу, где я как раз держу пальцы на колоде перед выкладкой четвёртой карты для Игоря, Максима и Кристины. — А у нас тут раздача идёт.

За столом на секунду повисает неловкая заминка: улыбка с лица Анны сходит, она быстро берёт со стола кувшин с лимонадом, а Максим прокашливается, делая вид, что страшно сосредоточен на своих фишках. Светлана поджимает губы, сгребает ключ со столешницы, так что металлический карабин глухо царапает дерево, и резко поднимается из-за стола.

Бухгалтер: Дорогущий дуб!!

— Спасибо за заботу, дорогой, — бросает она через плечо и быстрым шагом уходит обратно в прихожую; через пару секунд хлопает тяжёлая входная дверь.

Анна тут же переводит дух и машет мне рукой:

— Валери, давай четвёртую карту, у них там банк уже тысяч на пятнадцать по фишкам!

Я выкладываю на сукно пикового короля. Дмитрий берёт свой стакан, где лёд уже почти растаял в виски, и, глядя на мою руку с колодой, негромко роняет:

— Так что там со временем на твоих часах, Валери? Сколько у нас ещё в запасе?

Психолог: И он вернулся к этому вопросу.

Женщина 30+: И мне всё больше нравится этот эксперимент..

— Со временем всё в порядке, — негромко отвечаю. — Мы только начали.

— Обнадёживает, — так же тихо отзывается Дмитрий, глядя на мои губы, и допивает остатки виски из стакана.

Женщина 30+: Он смотрит на наши губы.

Скептик: Может, испачкались?

Стратег: Я проверяла в машине — всё было нормально.

За столом Кристина долго смотрит на открытого мной пикового короля, кусает губу и с сожалением прижимает свои карты рубашкой вверх к сукну:

— Нет, с королём я бодаться не буду. Пас.

Игорь с Максимом упрямо уравнивают ставки. Я сжигаю верхнюю карту и открываю последнюю, пятую карту раздачи — бубновую даму. После чека обоих игроков доходит до вскрытия. Максим тут же с довольной ухмылкой переворачивает свои карты, показывая короля и восьмёрку: две пары.

— Ну я так и знал! — Игорь в притворном отчаянии роняет голову на сложенные руки, а потом под хохот Дениса и Анны сам сгребает гору фишек в сторону именинника. — С днём рождения, блин. Забирай всё, кровопийца.

В прихожей снова хлопает входная дверь. Через несколько секунд в гостиную входит Светлана с белым проводом зарядки в руках. Она пристраивает телефон к розетке на торце кухонного острова, подходит к столу и с сухим стуком бросает тяжёлый брелок от внедорожника на деревянный бортик прямо перед Дмитрием.

Бухгалтер: Блядь, дуб..

— В твоём бардачке чёрт ногу сломит, — бросает она, опускаясь на свой стул. — Сплошные сметы и какие-то образцы крепежа, еле провод нащупала.

Дмитрий молча убирает ключи обратно в карман джинсов, даже не удостоив тираду ответом.

Шайба дилера переходит к Светлане. Я собираю все карты со стола, быстро перетасовываю колоду, даю подрезать и рассылаю новую раздачу. После блайндов Дениса и Кристины Максим, Анна, Игорь и Дмитрий по очереди поддерживают ставку. Ход доходит до Светланы. В этот раз она не спешит пасовать: глянув под уголки своих карт, она резким движением двигает вперёд сразу четыре фишки, повышая ставку.

— Ого, Света вернулась с боевым настроем, — оживляется Денис, но свои карты тут же отправляет в отбой. — Я пас.

Кристина сбрасывает. Максим задумчиво крутит фишку в пальцах и решает поддержать. Анна с Игорем тоже отправляют карты в отбой. Ход доходит до Дмитрия.

Он даже не заглядывает в свои карты повторно — они лежат на сукне прямо у его левого запястья. Дмитрий берёт из своей стопки две чёрные фишки самого крупного номинала и с коротким щелчком ставит их за линию, перекрывая ставку жены в два раза.

Светлана медленно поворачивает к нему голову. На её скулах проступают розовые пятна.

— Решил и здесь меня выдавить, Дима? — с натянутой улыбкой спрашивает она, отсчитывая свои фишки, чтобы уравнять банк. — Не выйдет, у меня сегодня хорошая рука.

— Я просто делаю ставку, Света, — ровно говорит Дмитрий. — В покере либо отвечают фишками, либо сбрасывают.

Максим, глянув на перепалку супругов, благоразумно двигает свои карты к моей руке:

— Не-не, в семейные разборки я со своей парой троек точно не полезу. Я пас, разбирайтесь вдвоём.

За столом сразу становится тише — Денис с Игорем переглядываются, Кристина тянется за бокалом вина. В банке остаются только Дмитрий и Светлана.

Я открываю три карты флопа: червовый туз, трефовая дама и червовая девятка.

Дмитрий коротко стучит двумя пальцами по сукну возле моей руки: чек. Светлана тут же выдвигает в центр высокую стопку зелёных фишек и победно смотрит на мужа.

Дмитрий не смотрит ни на жену, ни на её ставку. Он чуть меняет позу на стуле — его колено под столом случайно или намеренно вплотную касается внешней стороны моей ноги, и он не убирает его, оставляя это плотное, тёплое касание сквозь ткань брюк, пока тянется рукой за своими чёрными фишками:

— Уравниваю. Валери, давай четвёртую карту.

Психолог: Замечу, что он уже второй раз говорит, что нам делать, хотя крупье здесь мы.

Стратег: Узнаю коллегу. Контролировать даже то, что не положено, — нормальная история для таких, как мы.

Психолог: Неприятно.

Женщина 30+: Мне тоже.

Психолог: Наблюдаем. Что по ноге?

Женщина 30+: А это приятно.

Стратег: Убираем?

Женщина 30+: Пожалуйста, нет..

Я не отодвигаю ногу. Снаружи по-прежнему сохраняю хладнокровие.

Под столом Дмитрий сразу чувствует, что я не убираю ногу. Он не делает резких движений, но его бедро плотнее прижимается к моей ноге от колена и выше. Сквозь тонкую ткань моих брюк и плотную джинсу отчётливо ощущается твёрдость его мышц и сухое, ровное тепло тела.

Наверху, над столешницей, мои руки двигаются всё так же ровно и размеренно. Я сжигаю верхнюю карту в отбой и выкладываю четвёртую общую карту — червовую пятёрку. На сукне теперь три червы.

Дмитрий сидит совершенно спокойно, не отводя колена от моей ноги, и коротко стучит пальцами по столу:

— Чек.

Светлана бросает быстрый взгляд на стол, затем на скромную горку оставшихся перед ней фишек. Раздражение от недавнего похода к машине и упрямство берут верх — она двумя ладонями сгребает все свои фишки и одним движением выталкивает их за линию. Красные и зелёные кружки со звоном рассыпаются по сукну.

— Ва-банк, — отрезает она, вздёрнув подбородок. — Или ты только на словах такой смелый?

Женщина 30+: Серьёзно, почему она так говорит с собственным мужем?

Психолог: Обиды, манипуляции, провокации, попытки добиться внимания. Смотрим за тем, как он реагирует на это всё.

За столом повисает тишина. Игорь перестаёт жевать, а Денис тихо присвистывает, переводя взгляд с лица Светланы на Дмитрия.

Дмитрий даже не смотрит на рассыпанные фишки жены. Он поворачивает голову ко мне — его тёмные глаза встречаются с моими на долю секунды, — и под столом его колено ощутимо, с нажимом давит в мою ногу.

Психолог: Реакция неоднозначная..

— Уравниваю, — спокойно произносит он и выставляет вперёд ровный столбик чёрных фишек. — Вскрываемся после пятой, Валери.

Светлана первой переворачивает свои карты лицевой стороной вверх, с вызовом бросая их к центру: бубновый туз и пиковый валет. Старшая пара тузов с флопа.

— Ну что? — с торжествующей ноткой спрашивает она.

Дмитрий неторопливо берёт свои две карты за уголки и переворачивает их на сукне прямо возле моей ладони: червовый король и червовая десятка. Флеш со старшим тузом уже на четвёртой карте — пятая карта с колоды даже не способна ничего изменить.

Женщина 30+: Сердечки..

Я тем не менее по всем правилам сжигаю карту, открываю на ривере ничего не решающую трефовую двойку и ровным движением сдвигаю весь банк в сторону Дмитрия.

Лицо Светланы мгновенно каменеет. Розовые пятна на скулах темнеют; она секунду смотрит на пустое место перед собой, где только что лежали её фишки, а потом с шумом отодвигает стул и встаёт.

— Отличная игра, Дима. Очень по-джентльменски, — процеживает она сквозь зубы.

— Свет, ну ты чего, давай я тебе половину своих фишек отсыплю, у меня их куча! — тут же встревает Анна, приподнимаясь со своего места. — Это же просто первая партия!

— Спасибо, Аня, я в эти игры наигралась, — сухо обрывает её Светлана, забирая со стола бокал с остатками шампанского. — Пойду лучше наверх, прилягу в гостевой, у меня от этого шума и дыма с террасы голова раскалывается.

Она разворачивается и, чеканя шаг каблуками по деревянному полу, направляется к лестнице на второй этаж.

Психолог: Если не учитывать тот факт, как плотно он трётся к нам под столом, его поведение вполне спокойное.. Даже в ответ на её провокации. Фиксирую выдержку против негативных манипуляций.

За столом все переглядываются. Максим виновато кашляет в кулак, берёт со стола опустевшую доску из-под мяса и поднимается:

— Так, народ, объявляется пятиминутный пит-стоп! Сейчас мы с Игорем принесём с гриля вторую партию рёбрышек и свежий лёд, а то стаканы у всех пустые. Кристин, Денис, вам какого вина открыть — того же сухого?

— Давай, и воды захватите! — отзывается Денис, разминая затёкшую шею, и тянется за телефоном. Анна спешит на кухню за чистыми тарелками, а Игорь с Максимом уходят через стеклянную дверь на террасу к грилю. Кристина с Денисом на другом конце стола склоняются над экраном одного смартфона, вполголоса обсуждая какое-то видео в чате.

Дмитрий не идёт ни за женой, ни к грилю. Он берёт со стола свой пустой стакан, поднимается со стула и останавливается буквально в полушаге за моим левым плечом. Наклоняется чуть ниже — якобы чтобы дотянуться через край стола за салфеткой возле моего кейса, — так что его плечо почти вплотную касается моего, и тихо говорит прямо у моего уха:

— Я сейчас на кухню за льдом. Скажи мне, что тебе тоже нужна вода.

Мой стакан с лимоном у края кейса пуст ещё с середины раздачи. Дмитрий не ждёт ответа вслух — просто захватывает пальцами ободок моего стакана вместе со своим и уже обычным, ровным тоном, который легко услышат за столом, произносит:

— Пойдём, покажу, где тут нормальная холодная вода, пока у всех перерыв.

Скептик: Нормальная? Серьёзно, он сказал «нормальная»?

Женщина 30+: Да плывёт он, зуб даю.

Я выхожу из-за стола следом за ним. Денис с Кристиной даже не поднимают голов от телефона, споря над каким-то роликом, а мы заворачиваем за широкую стену-перегородку, которая отделяет парадную часть гостиной от глубокой Г-образной кухни.

У посудомоечной машины Анна как раз набирает в руки стопку больших керамических тарелок и прихватывает миску с соусом. Увидев нас, она торопливо кивает подбородком вглубь кухни, где в нише стоит высокий двухстворчатый холодильник:

— О, Дим, лёд в левой дверце, а вода без газа на верхней полке! Валери, ты, если проголодалась, — там на столешнице тарталетки и нарезка, бери обязательно, не стесняйся. Я сейчас к мальчишкам на воздух, а то они там половину рёбрышек съедят прямо с решётки.

Анна боком протискивается мимо нас, толкает бедром дверь на террасу и выходит на улицу, плотно прикрывая за собой стеклянную створку.

В нише у холодильника сразу становится тихо — сюда не добивает ни запах дыма с улицы, ни голоса Дениса с Кристиной из-за капитальной перегородки. Видно только край каменной столешницы и приглушённый тёплый свет встроенных спотов под шкафами.

Дмитрий ставит оба стакана на столешницу, но к дверце холодильника даже не поворачивается. Он делает шаг ко мне — так, что я оказываюсь между ним и краем кухонного стола, — и упирается ладонью в камень совсем рядом с моим бедром.

Женщина 30+: Он близко. Он очень близко. И смотрит прямо на нас..

Стратег: Держимся. Никаких внешних проявлений симпатии. Мы всё ещё на работе.

Вблизи, без разделяющего нас стола, он кажется ещё выше и шире в плечах. Его взгляд скользит по моему лицу и задерживается на губах.

— За столом ты держалась отлично, — тихо говорит он. — Даже когда не убрала ногу. Я весь последний круг смотрел не на карты, а на то, дрогнет у тебя рука при раздаче или нет. Не дрогнула.

Он свободной рукой открывает дверцу холодильника, достаёт стеклянную бутылку воды, но крышку откручивать не спешит — смотрит на меня в упор:

— Скажи честно, Валери. Ты просто настолько вышколенный крупье и терпишь наглость клиента по работе, или ты не отодвинулась, потому что сама этого не хотела?

Женщина 30+: Не хотела. Да. Не хотела!

Скептик: Если мы сейчас прогнёмся или дадим слабину, мы потеряем лицо.

Женщина 30+: Но врать ему не хочу!

Стратег: Спокойно. Он всего лишь хочет убедиться, что он нам нравится.

Скептик: Но мы ему этого не скажем.

Стратег: Именно.

Я чуть приподнимаю бровь:

— Хорошая выдержка: умею держать эмоции под контролем.

Металлическая крышка на горлышке стеклянной бутылки с сухим треском срывается с резьбы под его пальцами. Он подаётся на полшага ближе, когда я спокойно добавляю:

— В отличие от твоей жены.

Психолог: Раунд.

На долю секунды Дмитрий замирает. Его взгляд снова скользит по моим губам и возвращается к глазам. Уголки его рта расходятся в медленную, опасную полуулыбку.

Он ставит открытую бутылку на камень и упирается второй ладонью в край столешницы по другую сторону от моего бедра — не прикасаясь ко мне корпусом, но полностью замыкая пространство вокруг меня в узкой нише.

Женщина 30+: Боже, как он близко. И как пахнет!

— Значит, эмоции, которые приходится держать под контролем, всё-таки есть, — низко, почти в самое ухо произносит он, наклоняясь к моему лицу. — И на «ты» звучит куда честнее, Валери. А моя жена сегодня в этой игре больше не участвует. Ни за тем столом, ни здесь.

Психолог: Это заявление. Мы в жопе.

Стратег: Ага. Есть предложения?

Женщина 30+: Моё мнение вы знаете.

Психолог: Не вижу моральной дилеммы для нас — это его выбор.

Стратег: Снимаю блокировку.

Женщина 30+: Ура-а-а!

За стеклянной дверью террасы раздаётся громкий смех Игоря и стук стальной крышки гриля — мужчины на улице снимают мясо с огня и направляются к входу.

Дмитрий не отстраняется в спешке и не одёргивает рук. Он спокойно берёт бутылку, наливает холодную воду в мой стакан, а затем закидывает пару кубиков льда в свой. Подаёт стакан мне — причём держит его пальцами за самую середину стекла, не оставляя места сверху, так что, забирая воду, я неизбежно накрою ладонью его пальцы.

Когда я накрываю его пальцы своими и подношу стакан к губам, Дмитрий не сразу разжимает ладонь — секунду ведёт стакан вверх вместе с моей рукой, ощутимо прижимаясь подушечкой большого пальца к костяшке моего указательного.

Я делаю глоток холодной воды, глядя ему прямо в глаза поверх стеклянного края. Его взгляд на мгновение опускается к моим губам и к тому, как двигается горло под жемчужным

воротником, а затем возвращается к глазам. Дыхание у него становится глубже и тяжелее. Я опускаю стакан.

— Поняла, — говорю, не отводя взгляда.

Его пальцы медленно, с лёгким нажимом скользят с мокрого стекла по моему запястью, задевая ремешок часов, прежде чем опустить руку.

— Вот и отлично, — глухо произносит он.

За спиной с шумом отъезжает стеклянная створка террасы — в кухню врывается прохладный уличный воздух и густой аромат копчёных рёбрышек в глазури. Первым входит Максим с огромным металлическим противнем в прихватках, за ним — Игорь с рулоном бумажных полотенец под мышкой и Анна.

— О, вы ещё здесь, а я думала, лёд в доме кончился! — на ходу бросает Анна, хватая с сушилки чистые щипцы для мяса. — Дим, захвати, пожалуйста, с острова салфетки и соусник, сейчас будем кормить голодных игроков.

Дмитрий без малейшей суеты отступает от столешницы на шаг, давая мне свободный проход, наливает себе виски поверх льда и второй рукой подхватывает керамический соусник с пачкой салфеток.

Когда мы возвращаемся в гостиную, вокруг стола уже кипит движение: Максим водружает блюдо с рёбрышками в центр рядом с сукном, а Денис разливает по бокалам новую бутылку красного сухого.

— А Света всё, окончательно пас? — спрашивает Денис, косясь на пустующий стул слева от Дмитрия.

— У неё болит голова, прилегла наверху, — ровно отвечает Дмитрий, ставя соусник на стол и опускаясь на своё место рядом со мной. — Играем вшестером.

Он отодвигает пустой стул жены чуть дальше к стене, освобождая пространство слева, а сам разворачивает свой стул ещё немного в мою сторону и сразу выдвигает на сукно фишку малого блайнда. Под столом его нога снова находит мою — в этот раз он даже не маскирует движение под случайность, спокойно устраивая ступню рядом с моей и прижимаясь коленом к моему бедру.

Женщина 30+: Считаю этот день лучшим за последний месяц!

Скептик: Боже, хватит. Мы его совсем не знаем.

Психолог: По первоначальному анализу шансы, что он окажется адекватным.. не очень высокие.

Стратег: Разберёмся.

Игорь, уже успевший ухватить самое крупное ребро с краю блюда, вытирает пальцы бумажным полотенцем и азартно кивает на колоду в моих руках:

— Ну всё, подкрепились, теперь можно и отыгрываться. Макс, готовься возвращать награбленное!

Стоит мне чуть отпустить строгий тон и вставить пару ироничных комментариев к тому, как Игорь со страдальческим лицом пытается изобразить плохую карту, как атмосфера за столом окончательно меняется. Без напряжённого молчания Светланы компания выдыхает: смех звучит громче, бокалы пустеют быстрее, а сам турнир превращается в живую, азартную схватку.

Когда я с лёгкой улыбкой объявляю очередную ставку Дениса «заявкой на Оскар за лучшую драматическую паузу», Кристина смеётся в голос, а Игорь с уважением качает головой:

— Валери, ты нас просто как рентгеном светишь! Я тут сижу, бровями работаю, пот со лба вытираю, а она одним комментарием всю мою контору спалила!

— Ты бы ещё карты лбом к себе приклеил, конспиратор, — фыркает Максим, двигая фишки в центр.

Дмитрий за этой переменой во мне наблюдает безотрывно. Он наблюдает, как меняются мои интонации, когда я подшучиваю над игроками, и как живее двигаются плечи и руки над сукном.

— Слушай, Ань, — воодушевлённо говорит Игорь, пока я собираю и тасую колоду для новой раздачи, и тут же поворачивается ко мне, подаваясь грудью на стол. — Валери, а у тебя на конец месяца пятницы ещё не все расписаны? Мы своим отделом собираемся за городом, я бы тебя с руками оторвал к нам на вечер! Дашь контакт после игры?

Я спокойно продолжаю тасовать карты и отвечаю в привычной рабочей манере:

— Нужно посмотреть точную дату, Анна даст мой контакт.

— Конечно, Игорёк, я тебе в телеграм прямо сейчас ссылку на её рабочую страницу скину! — охотно отзывается Анна, потянувшись за своим телефоном.

Дмитрий за всё это время не произносит ни слова, но я буквально чувствую его внезапное напряжение. Когда Игорь на фразе «с руками оторвал» широко улыбается мне, желваки на скулах Дмитрия каменеют, а взгляд, которым он буравит приятеля, становится тяжёлым и немигающим.

Я заканчиваю тасовать, игроки выставляют блайнды, и я раздаю карты. Когда очередь доходит до Дмитрия, он левой рукой берёт высокую стопку чёрных фишек и с глухим стуком ставит её за линию. Звук заставляет Игоря сразу перевести взгляд с моего лица обратно на стол:

— Ого. Ладно-ладно, понял, не отвлекаюсь, смотрю в банк! — бормочет Игорь, торопливо отсчитывая свои фишки, и тут же ввязывается в спор с Денисом о том, кто сколько уже поставил.

В ту же секунду, пока все смотрят на центр сукна, правая рука Дмитрия опускается под стол. Его широкая горячая ладонь без малейших колебаний ложится прямо поверх моего левого колена, плотно и собственнически обхватывая его сквозь ткань брюк. Большой палец медленно, с ощутимым нажимом проводит по внутренней стороне моей ноги чуть выше сгиба, уводя моё внимание от остальных обратно к нему. Он наклоняется ко мне и совсем тихо говорит:

— Мне в открытую можно даже не сдавать, Валери. Я сегодня уже знаю, зачем сюда приехал.

Его рука на моей ноге слегка напрягает меня, но я не подаю вида.

Психолог: У нас тут интересный экземпляр. Мой прогноз: будет допрашивать насчёт каждого заказа и выезда. Жить спокойно не даст. Ревнивый, собственник. При этом с живой женой. Что у них там в отношениях творится — даже предполагать не буду. Я бы не рекомендовала.

Женщина 30+: Ну можно просто потрахаться.

Психолог (вздыхает): Увы, с такими типами «просто потрахаться» чревато осложнениями.

Стратег: Спасибо за мнения, думаю, рано делать выводы и ставить крест. Посмотрим, что будет дальше.

— У кого-то проблемы с ревностью? — негромко спрашиваю я, так что слышит только он.

Под столом его пальцы на моём колене сжимаются чуть плотнее. Большой палец медленно очерчивает полукруг по ткани брюк с внутренней стороны ноги, поднимаясь выше сгиба.

— С ревностью у меня полный порядок, — так же тихо, почти одними губами отвечает он. — Я просто не люблю, когда тебя отвлекают от меня.

Психолог: Он уже нас присвоил..

Стратег: У меня заканчиваются оправдательные пункты для этого мужчины.

Скептик: Я такой список даже не заводила.

Психолог: Ну, вы услышали меня. Я возражаю. Хлебнём с ним.

Женщина 30+: А звучит приятно..

В следующие полчаса за столом разворачивается настоящее шоу, и я дирижирую им легко и с иронией. Когда Денис под шумок пытается заглянуть в карты Кристины, я с невозмутимым видом объявляю, что за промышленный шпионаж внутри семьи полагается штраф в пользу казино, чем вызываю взрыв хохота на всём правом фланге.

При этом Дмитрий за сукном устраивает Игорю показательную, методичную осаду. Стоит тому войти в раздачу и попытаться пошутить в мою сторону, как Дмитрий тут же перебивает его ставку тяжёлыми чёрными фишками — спокойно, расчётливо, загоняя приятеля в угол на каждом круге.

Пока я объявляю выход четвёртой карты и веду подсчёт банка, горячая ладонь Дмитрия под столом не уходит — наоборот, скользит чуть выше по моему бедру, плотно прижимая ткань брюк к коже. Он специально делает это в ту самую секунду, когда я говорю вслух для всего стола, и внимательно следит за моим лицом, проверяя, собьётся ли у меня дыхание на середине фразы.

Я договариваю без единой запинки и, когда поворачиваю голову к его сектору, встречаюсь с его потемневшим, пристальным взглядом: эта двойная игра — моя безупречная выдержка на виду у всех и то, что я позволяю его руке оставаться на своём бедре, — кажется, заводит его.

Наконец на очередной раздаче Игорь в отчаянии двигает в центр свои последние фишки, Дмитрий мгновенно уравнивает. Я докладываю общие карты до пяти, и на вскрытии он переворачивает пару валетов: третий лежит на столе.

— Да ну тебя нафиг, Дим! — Со смехом вскидывает руки Игорь и откидывается на спинку стула. — Ты меня последние двадцать минут просто целенаправленно закатывал в асфальт! Всё, я официально банкрот, выхожу из игры. Макс, где у тебя там табак для кальяна лежал? Пойду на террасу угли поставлю, пока вы тут миллионы делите.

— В шкафчике над микроволновкой, — отзывается Анна, пересчитывая свои фишки. — И мне чаю поставь, пожалуйста, Игорёк!

— Я сейчас тоже к тебе присоединюсь, у меня две фишки осталось, — смеётся Денис и придвигает к себе свой скромный остаток.

Дмитрий убирает руку с моего бедра только тогда, когда чуть подаётся вперёд, чтобы сгрести выигранный у Игоря банк к себе. Он не складывает фишки в стопки — оставляет их россыпью на краю сукна, кладёт правое предплечье на деревянный бортик вплотную к моему локтю и, пока Игорь уходит греметь кальянной колбой на кухню, а Денис с Кристиной спорят с Максимом над последними ставками, негромко роняет в мою сторону:

— Одного разговорчивого мы уже отправили делать кальян. Осталось добить банк именинника, и этот стол можно закрывать.

Ага, сам заговорил про завершение вечера. И что же он предполагает делать дальше, очень мне интересно?

— А что потом?.. — негромко спрашиваю я, внимательно глядя на него.

Дмитрий встречает мой взгляд. В его глазах отражается тёплый свет люстры над столом.

— А потом у тебя закончится рабочая смена, — тихо отвечает он. — Ты уберёшь колоду в кейс, и между нами больше не будет ни стола, ни шести человек, ради которых нужно делать невозмутимое лицо.

Психолог: Меня всё ещё смущает, как равнодушно он относится к наличию жены.

Скептик: Должна признать, я его в чём-то понимаю. Давайте начистоту — мы не знаем, что у него там дома происходит. Она манипулирует, он равнодушен. Может, у них от брака одно название? Предлагаю — раз уж ввязались, не отступать.

Стратег: Отступать никто не планировал. Это Психолог на панике.

Психолог: Я не «на панике». У меня просто все лампочки мигают красным. Сплошной «редфлаг». А мы с «редфлагами» не связываемся.

Стратег: Скажи это трём нашим бывшим.

Психолог: Это другое..

Женщина 30+: Вы не можете отрицать, что у нас уже намокли трусики от него. Факт? Факт. Всё остальное — лирика.

Перед последней раздачей оставшиеся игроки договариваются поставить вслепую и открыть карты сразу после сдачи.

На правом краю стола Денис с весёлым вздохом толкает в центр свои последние две красные фишки:

— Всё, гулять так гулять! Иду ва-банк на все двести рублей, если перевести по курсу. Кристин, отомсти за мужа, если меня сейчас добьют!

— Да у меня самой тут не густо, — смеётся Кристина и тоже сдвигает всю свою стопку за линию. — Макс, Аня, давайте уже финальную раздачу на все фишки, а то у Игоря там сейчас угли на кальяне прогорят!

За стеклянной дверью террасы действительно маячит Игорь в накинутой на плечи куртке: он стоит над красными углями для кальянной чашки и активно машет рукой, зовя остальных на воздух.

— Поддерживаю. — Кивает Максим и широким жестом выдвигает вперёд весь свой банк, выигранный за вечер. — Давай, Дим, решающий раунд против именинника! Аня вон уже тоже носом клюёт.

— Я не клюю, я просто объелась твоих рёбрышек. — Улыбается Анна, подвигая свои фишки к линии ставок. — Валери, раздавай нам последнюю, самую красивую!

Дмитрий сдвигает к линии достаточно фишек, чтобы покрыть ставки остальных, и поворачивает голову обратно ко мне. Его правая кисть ложится на край деревянного бортика совсем рядом с моей рукой, сжимающей колоду:

— Слышала заказчиков, Валери? Все хотят закончить побыстрее. Раздашь в открытую?

— Давайте посмотрим, кто сегодня поймает удачу за хвост.

Я учитываю основной и побочные банки: каждый игрок претендует только на те, в которые внёс фишки.

Под одобрительный гул за столом я разворачиваю колоду и начинаю раскладывать карты сразу рубашкой вниз. Каждая пара падает на зелёное сукно на виду у всех: Денису достаются разномастные девятка и четвёрка, Кристине — дама с пятёркой, Анне — две восьмёрки. Перед Максимом ложатся бубновый туз и валет, а в сектор Дмитрия скользят два короля — червовый и трефовый.

— Да ладно! — Всплескивает руками Денис. — У него даже в открытую короли заходят! Валери, ты точно ему не подыгрываешь?

— Всё на ваших глазах, руки на столе. — Я сжигаю верхнюю карту в отбой и выкладываю три карты флопа: пиковый туз, бубновая десятка и трефовая двойка.

Максим победно бьёт кулаком по подлокотнику стула:

— Есть туз! Старшая пара у именинника, Димка, подвинься со своими королями!

— Сейчас ещё дама выйдет, и вообще я всё заберу, — смеётся Кристина, подаваясь вперёд над сукном.

Четвёртой картой на стол ложится червовая шестёрка — расклад не меняется, пара тузов Максима по-прежнему старше. Денис с Анной хором отсчитывают секунды, пока мои пальцы сдвигают в отбой ещё одну карту и переворачивают последнюю, пятую.

На зелёное сукно ложится пиковый король.

Секундная тишина за столом взрывается дружным стоном и смехом. Максим откидывается на спинку стула и, хохоча, поднимается, подходит к Дмитрию и хлопает его по плечу:

— Ну кто бы сомневался! Против тебя, Дим, даже в собственный день рождения попереть невозможно — последним вагоном третьего короля вытащил!

Я подвожу итог партии, объявляя тройку королей старшей комбинацией стола, и символично сдвигаю разноцветную гору фишек к сектору Дмитрия.

— Ладно, разгромил нас всухую, поздравляю, — Денис со смехом поднимается из-за стола, потягиваясь до хруста в плечах, и подаёт руку жене. — Пошли к Игорю на террасу, пока он там весь кальян один не выкурил.

— Сейчас, я только пледы с дивана захвачу, на улице уже свежо, — отзывается Кристина, направляясь к каминной зоне.

Дмитрий даже не трогает выигранную гору фишек. Он берёт с деревянного бортика наличные, которые выкладывал в начале игры, прикладывает их к стопке купюр общего банка на краю стола и лёгким движением пальцев сдвигает всё в сторону Максима:

— Считай, реванш на следующий год уже оплачен, Макс. Иди к гостям, тебя там с кальяном ждут.

— От души, Дим! — Ухмыляется именинник, забирая со стола бокал с вином. — Ань, ты рассчитаешься с Валери? Мы на воздух!

Анна кивает мужу, оставаясь сидеть напротив меня, и тянется к своему телефону, лежащему возле бокала:

— Валери, спасибо тебе огромное, это было просто огненно! Ребята в восторге, мы давно так не смеялись. Давай я тебе прямо сейчас вторую часть оплаты переведу — тебе на тот же номер, куда предоплату кидала?

— Ага, туда же. Мне с вами тоже очень понравилось, вы отличная компания. Сейчас я всё соберу и освобожу вам стол.

Я придвигаю к себе открытый кейс и начинаю размеренно сортировать фишки.

Анна несколько раз быстро касается экрана смартфона, проводит пальцем вверх и поднимает взгляд:

— Отправила, лови! И если вдруг надумаешь чай или кофе на дорожку, или рёбрышек с собой завернуть — на кухне всё на столе, вообще не стесняйся.

Часы на моём запястье коротко отзываются лёгкой вибрацией. Анна поднимается со стула, по пути собирает с дальнего края стола забытые гостями лакированные памятки и протягивает их мне. Затем косится на Дмитрия, который даже не думает вставать со своего места:

— Дим, ты к нам на воздух пойдёшь? Я сейчас ребятам чай вынесу.

— Иди, Ань, я через пару минут подойду, — спокойно отвечает он.

Анна кивает, скрывается за перегородкой кухни, откуда через несколько секунд выходит с большим деревянным подносом, заставленным чашками и пузатым заварочным чайником. Стеклянная дверь террасы с мягким шелестом отъезжает в сторону и снова плотно смыкается, отсекая уличные голоса и смех. За панорамным стеклом в полумраке двора виднеются только силуэты в глубоких плетёных креслах и густые клубы кальянного дыма.

В большой гостиной становится тихо — слышно лишь, как негромко пощёлкивают друг о друга керамические фишки под моими руками, когда я разбираю общую кучу по цветам и укладываю их ровными рядами в мягкие поролоновые ячейки алюминиевого кейса.

Дмитрий не тянется ни за телефоном, ни за стаканом. Он придвигает к себе часть рассыпанного в центре банка и начинает собирать тяжёлые чёрные и зелёные фишки в аккуратные стопки по десять штук — ровно под размер отсеков моего чемоданчика.

Мысленно отмечаю, что он не просто стал ждать, пока я соберусь, а помогает.

Психолог: Ну, маленький плюсик внесу, окей.

Он поднимается со стула, но не отходит, а встаёт вплотную ко мне с левой стороны, опираясь бедром о край стола. Берёт собранный столбик чёрных фишек и сам опускает его прямо в свободную ячейку моего кейса — его рука при этом проходит вплотную к моей, задевая внутреннюю сторону моего предплечья тёплой кожей.

— Не спеши так освобождать стол, — негромко произносит он, глядя сверху вниз на мои ресницы и то, как двигаются мои руки над открытым кейсом. — Чай они там будут пить ещё минимум полчаса. А ты за весь вечер так ничего и не поела, только воду пила.

Он берёт со сукна вторую стопку зелёных фишек, но в ячейку её не кладёт — удерживает на весу прямо над моей ладонью, вынуждая меня либо подставить пальцы, либо поднять на него глаза:

— И мне не нравится мысль, что ты сейчас закроешь эти замки, сядешь в машину и просто уедешь.

Психолог: Он умеет говорить через «я-сообщение». Надежда есть.

Женщина 30+: Конечно, есть! Я чувствовала!

Я забираю стопку зелёных фишек прямо из его ладони, укладываю её в последнюю свободную ячейку и опускаю крышку кейса. Металлические замки сухо щёлкают под пальцами.

Дмитрий не отходит: пока я сворачиваю плотное сукно в рулон и убираю его в тубус, он перехватывает тяжёлый алюминиевый чемоданчик за ручку и легко снимает его со стола.

— Пошли, — коротко говорит он. — Донесу до машины.

Мы выходим из гостиной в просторную прихожую. Из-за закрытой двери террасы сюда почти не долетают голоса гостей — слышно только тихое гудение вентиляции. Я закидываю ремень тубуса на плечо, достаю из гардеробной ниши свою верхнюю одежду и надеваю её, поправляя воротник и выправляя собранные в низкий хвост волосы.

Дмитрий стоит в полушаге позади с моим кейсом в руке, наблюдая в зеркало шкафа за каждым моим движением. Когда я тянусь к ручке входной двери, сверху, с деревянной лестницы, раздаются быстрые шаги.

Светлана спускается с последнего пролёта, на ходу застёгивая ремешок маленькой сумочки через плечо. Она сворачивает к торцу кухонного острова, сдёргивает свой телефон с белого провода зарядки, поворачивает голову к прихожей — и замирает на месте, видя меня в верхней одежде у двери и Дмитрия рядом с моим чемоданчиком в руке.

Несколько секунд она переводит взгляд с его лица на кейс, затем на меня. Губы у неё кривятся в колючей, злой усмешке. Она делает три быстрых шага в прихожую:

— Дима, ты теперь у нас и в носильщики к наёмному персоналу записался? — громко и ядовито произносит она, сжимая телефон в пальцах. — Девушке уже перевели деньги за работу, до калитки она как-нибудь сама дойдёт.

Стратег: Не закатываем глаза. Пусть говорит что угодно. Уходим достойно. И молча.

Дмитрий поворачивает к ней голову. На его лице не дрогнул ни один мускул, но взгляд становится таким тяжёлым и ледяным, что Светлана невольно осекается на полуслове.

— Следи за языком, Света, — тихо и жёстко отрезает он. — И можешь возвращаться наверх.

На щеках Светланы вспыхивают красные пятна. Она делает шаг вперёд, повышая голос:

— Ты в своём уме вообще?! Ты весь вечер пялился на неё через стол при всех наших друзьях, а теперь бежишь следом с чемоданчиком?! Если ты сейчас выйдешь с ней за эту дверь, я вызываю такси и уезжаю домой одна, понял?!

— Вызывай, — абсолютно спокойно отвечает Дмитрий, даже не меняя интонации. — Водитель довезёт быстрее. Меня сегодня не жди.

Женщина 30+: «Меня сегодня не жди». Вы слышали? Мне же не послышалось?!

Психолог: Это вполне в его духе..

Стратег: Уходим.

Он больше не смотрит на жену — нажимает на массивную ручку входной двери, распахивает её передо мной, пропуская на крыльцо, и выходит следом, плотно прикрывая за собой створку прямо перед лицом остолбеневшей Светланы.

На улице свежо, ноябрьский воздух пахнет хвоей и остывающей брусчаткой. Свет прожектора у крыльца падает на мощёную площадку, а дальше, за широким корпусом его чёрного внедорожника, где припаркован мой Polo, лежит густая тень.

Я снимаю машину с сигнализации — фары коротко мигают в полумраке. Дмитрий открывает заднюю дверцу моего автомобиля, аккуратно ставит тяжёлый кейс на пол за водительским сиденьем, забирает с моего плеча тубус с сукном и укладывает его рядом.

Захлопнув заднюю дверь, он не отходит. Выпрямляется во весь рост и делает шаг ко мне, останавливаясь вплотную.

Он кладёт ладонь на крышу моей машины прямо у моего плеча, отсекая путь к водительской двери, и смотрит на меня сверху вниз:

— Ну что, Валери? Смену ты закрыла, с моей женой мы вопрос тоже закрыли. Куда ты теперь так торопишься?

Психолог: Он давит.

Женщина 30+: Мне некомфортно.

Стратег: Знаю. Но он не знает нас. Он думает, что с нами нормально так говорить. Это вопрос коммуникации.

Психолог: Смотрите. Мы можем дать ему шанс, посмотреть, какой он, когда не приходится держать лицо перед друзьями, которые знают, что у него есть жена.

Я решаю не утаивать внутреннее напряжение и прямо сказать ему об этом.

— Знаешь.. Я ещё не решила до конца, пугаешь ты меня или нравишься.

— Одно другому не мешает, — тихо говорит он.

Глава 2. Первая ночь

Он сокращает последние полшага между нами. Холодный вечерний воздух тут же сменяется плотным теплом его тела и терпким запахом древесного парфюма. Дмитрий не хватает меня и не прижимает силой к дверце — он поднимает вторую руку и тыльной стороной пальцев медленно, почти невесомо проводит по моей щеке от скулы к линии челюсти, проверяя, отшатнусь я или нет.

Пальцы у него тёплые и сухие; большой палец останавливается у самого уголка моих губ, едва ощутимо касаясь кожи. Несмотря на его напор, его прикосновение приятное и нежное, отзывается во мне теплом.

— Бояться меня тебе точно не за чем, — произносит он низко, наклоняясь так близко, что его дыхание согревает моё лицо. — Я ни разу за этот вечер не сделал ничего, от чего ты захотела бы отодвинуться. Ни за столом, ни на кухне.

Его ладонь со щеки скользит чуть дальше — ложится мне на шею сбоку, прямо над воротником верхней одежды, большой палец замирает на жилке пульса под челюстью, ощущая, как она бьётся под кожей.

— А с остальным определиться проще простого, — шепчет он, глядя на мои губы. — Не уезжай прямо сейчас. Поехали со мной в город, выпьем нормального кофе или поужинаем там, где никто не считает чужие фишки. Без всяких обязательств — захочешь уехать к себе, скажешь.

— Надеюсь, ты не собираешься сам садиться за руль после виски?

— Я выпил всего один стакан, понемногу. Но ты права: за руль после виски я не сяду.

Его большой палец на моей шее медленно проводит вдоль линии челюсти к подбородку.

Он наклоняется ещё чуть ближе, глядя прямо в мои глаза:

— Я ещё после первой раздачи понял, что напиваться сегодня точно не собираюсь. Голова у меня совершенно трезвая, Валери. Единственное, от чего её сейчас реально ведёт — это ты.

Моё сердце делает кульбит.

Внезапно со стороны крыльца раздаётся короткий щелчок дверного замка и стук каблуков по ступеням — Светлана выходит из дома, уткнувшись в экран смартфона, и быстрым шагом направляется в противоположную сторону, к освещённым въездным воротам посёлка, где уже мигает аварийкой подъехавшее жёлтое такси. В нашу сторону, в густую тень между двумя машинами, она даже не оборачивается.

Дмитрий не убирает ладонь с моей шеи — только чуть поворачивает голову, провожая взглядом хлопок дверцы уезжающего за ворота такси. Большой палец с лёгким, тёплым нажимом касается моей нижней губы.

— Моя машина останется здесь, у Максима во дворе, заберу завтра, — тихо говорит он, кивая на водительскую дверцу моего Polo. — Если, конечно, ты не против пустить меня на пассажирское сиденье и довезти до города.

Психолог: Ладно, наедине он довольно приятный.

Женщина 30+: И тёплый. И пальцы нежные.

Стратег: И я не чувствую причин, по которым мы должны отказать.

Скептик: В общем, подводим итог: у нас нет причин сейчас ему отказывать. Кроме кольца на пальце. Но, как уже сказала наша уважаемая Психолог, это его выбор.

Весь вечер я чувствовала себя сжатой пружиной. Сейчас мне уже комфортнее с ним. Волк в овечьей шкуре? Ну, у него определённо никуда не денутся собственнические замашки. Но вот то, что меня к нему тянет, — это точно.

Я долго смотрю ему в глаза. Дмитрий не торопит — только его ладонь на моей шее остаётся неподвижной и тёплой.

Женщина 30+: Пока он позвал нас только поесть.

Наконец я выдыхаю.

— Хорошо... Поехали, я и правда хочу поесть.

Уголки его губ едва заметно приподнимаются.

Он медленно проводит большим пальцем по моей скуле, опускает руку к ручке водительской двери и тянет её на себя, открывая передо мной салон:

— Садись, заводи. Я только накину что-нибудь из своей машины.

Я опускаюсь на водительское кресло и запускаю двигатель. Пока прогревается мотор и загорается приборная панель, Дмитрий коротко снимает с охраны свой огромный внедорожник, берёт с заднего сиденья тёмное кашемировое полупальто, надевает его, снова блокирует двери и через несколько секунд открывает пассажирскую дверцу моего Polo.

Он садится рядом и закрывает за собой дверцу.

В компактном салоне моего хэтчбека Дмитрий в своём дорогом пальто кажется непривычно крупным. Его колени тут же упираются в бардачок; он с лёгким удивлением смотрит на простое пластиковое торпедо, нащупывает внизу металлическую скобу и с глухим щелчком откатывает сиденье по салазкам до самого упора назад, чтобы вытянуть ноги.

Психолог: А его эго сюда вообще не поместилось бы.

Воздух внутри сразу наполняется запахом его дорогого древесного парфюма и вечерней прохлады.

Я пристёгиваюсь; Дмитрий тоже тянется к ремню.

Я сдаю назад, разворачиваюсь на мощёной площадке и выезжаю за ворота посёлка на гладкую асфальтированную дорогу к шоссе.

Дмитрий достаёт из кармана телефон, быстро что-то печатает, переворачивает смартфон экраном вниз и убирает обратно. Затем поворачивается ко мне вполоборота, укладывая левую руку на узкий подлокотник между сиденьями — совсем рядом с моим локтем и рычагом коробки передач.

— Выходи на шоссе в сторону центра, — спокойно говорит он, разглядывая мой профиль в мелькающем свете дорожных фонарей. — На въезде в город есть небольшое итальянское заведение моего приятеля Марко. Он сам делает пасту, в том числе с трюфелем, и ризотто. Как ты относишься к итальянской кухне?

Скептик: Трюфель и ризотто, слышали? Нет, я, конечно, ничего не имею против ризотто. Но эти замашки богатых снобов — звучат как клише.

— Конечно, с трюфелем. — Я чуть иронично улыбаюсь. — Я бы предпочла что-нибудь мясное. Стейк, картофель..

Моя ироничная интонация заставляет его повернуть голову и внимательно присмотреться к моей улыбке.

На секунду на его лице отражается лёгкое озадаченное выражение человека, в чьём кругу, очевидно, женщины при слове «трюфель» обычно томно кивают, а потом заказывают листик рукколы и бокал розе. Но уже в следующее мгновение в его тёмных глазах появляется искренний, живой интерес.

— Стейк и картофель, — повторяет он с едва заметной усмешкой в уголке рта. — Без всяких трюфелей. Значит, у Марко на кухне сегодня отменяются сложные соусы — скажу ему лично, чтобы просто поджарил нам два нормальных куска мяса и нарезал картошки. С этим он точно справится не хуже, чем с ризотто.

И вот ещё один плюсик ему в копилку рейтинга. Если так и дальше пойдёт — глядишь, и шансы будут.

Я вывожу машину на широкую освещённую полосу загородного шоссе. В салоне становится тепло от печки; Дмитрий расстёгивает пуговицы своего полупальто, откидывается спиной на невысокую спинку сиденья и опускает взгляд на центральную консоль, где светится экран магнитолы с подключённым телефоном.

Его левая рука сдвигается по узкому подлокотнику чуть вперёд, ложась совсем близко от моего бедра.

— А музыку в своей машине ты при пассажирах специально не включаешь? — спрашивает он, переводя взгляд с экрана на моё лицо. — Или боишься напугать меня своим плейлистом?

Я усмехаюсь и включаю музыку.

— Не боюсь. Просто, возможно, это не то, к чему ты привык. Дай угадаю — джаз? Что-то классическое?

Из динамиков моего Polo тут же бьёт бодрый современный бит и звонкий голос Тима Даниленко — салон заполняет припев трека «Дыши». Последние недели песня держится в верхних строчках чартов, и я уже слышала её буквально отовсюду.

Дмитрий замирает на пару секунд, с неподдельным изумлением глядя на светящуюся строчку с названием песни на маленьком экранчике магнитолы, а потом медленно переводит взгляд на меня. Кажется, моё попадание в его музыкальные привычки оказывается настолько снайперским, что он даже не пытается отпереться.

— Чёрт, — негромко произносит он, и в его голосе звучит смесь досады и восхищения. — У меня в машине действительно весь последний месяц стоит плейлист с инструментальным джазом и какой-то современной классикой. Ты вообще когда-нибудь ошибаешься в людях, Валери, или читаешь всех за пять минут, как Игоря за столом?

Он качает головой, снова прислушиваясь к тому, как в колонках звучит совершенно чуждая его миру, простая и дерзкая поп-музыка, под которую я спокойно веду машину в левом ряду.

— Честно говоря, я даже не знаю, кто это поёт, — признаётся он, но не тянется убавить громкость. Вместо этого его левая кисть соскальзывает с узкого подлокотника и ложится на край моего сиденья, вплотную к внешней стороне моего бедра, так что кончики его пальцев ощутимо касаются ткани брюк. — Но после светских разговоров про бизнес и чужие отпуска это звучит как глоток свежего воздуха. Не выключай.

— Иногда ошибаюсь, когда меня пытаются обмануть. Я доверчивая, и если человек хорошо врёт, меня легко провести.

— Учту, — негромко произносит Дмитрий, и его взгляд в полумраке салона становится совсем серьёзным. — С тобой я блефовать не собираюсь, Валери. Даже по мелочам.

Психолог: Ага, зато собирается присвоить. Разница редфлагов не сказать, что прям масштабная.

Кончики его пальцев у моего бедра сдвигаются на сантиметр ближе, разворачиваясь ладонью к моей ноге и легко прижимаясь к ткани брюк.

Впереди показывается первая крупная развязка на въезде в Москву и светящиеся указатели съездов. Дмитрий смотрит в лобовое стекло и спокойно направляет меня:

— Сейчас уходи в правый ряд, на эстакаду. И после съезда сразу во второй проезд налево, там тихая односторонняя улица за сквером.

Под следующий трек из моего плейлиста я сворачиваю с шумной магистрали в спокойный, утопающий в старых деревьях переулок. Здесь почти нет машин — только невысокие старинные особнячки и тёплый свет кованых фонарей вдоль тротуара.

— Вон у той арки с чугунной решёткой притормаживай, — показывает Дмитрий рукой вперёд, где за невысокой оградой светится лаконичная вывеска «Da Marco» и стоят всего две дорогие машины. — Паркуйся прямо у входа.

Я останавливаю Polo на свободном месте у бордюра и глушу двигатель. Музыка в салоне гаснет, и в наступившей тишине становится слышно только остывающий мотор и наше дыхание.

Дмитрий не сразу тянется к ручке своей двери. Он отстёгивает ремень безопасности — тот с тихим шелестом уходит в стойку — поворачивается ко мне всем корпусом и накрывает ладонью мою правую кисть, которая ещё лежит на рычаге коробки передач. Он чуть сжимает мою руку.

— Спасибо, что довезла, — говорит он низко. — Пойдём, накормим тебя стейком.

Психолог: Вы заметили, что он постоянно нас трогает?

Женщина 30+: Никаких возражений. Ему определённо нравится.

Психолог: Учитывая, что нам тоже нравится, тут у нас мэтч.

— Ты очень тактильный, да? — мягко спрашиваю я с улыбкой. — Меня ещё ни один гость столько не трогал за один вечер.

Дмитрий не убирает ладонь с моей руки — наоборот, большой палец медленно поглаживает мои костяшки и скользит к пульсу на запястье, прямо под корпус часов.

— Ошибаешься, я вообще не тактильный, — тихо отвечает он, глядя на мою улыбку. — Обычно я терпеть не могу, когда чужие люди подходят ближе чем на шаг, и сам никого не трогаю.

Его взгляд поднимается от моих губ к глазам, а пальцы сжимают мою кисть чуть крепче, нежно, но настойчиво фиксируя её на месте.

— А от тебя я весь вечер не могу руки убрать. И поверь, если бы за тем столом кто-нибудь из гостей хотя бы попробовал тебя коснуться — покер бы закончился гораздо раньше.

Стратег: И вот он снова теряет позиции в нашем рейтинге. Неужели нельзя просто быть адекватным?

Психолог: Глубоко травмированный человек, сразу видно. Интересный случай.

Он удерживает мою ладонь ещё секунду, затем переворачивает её тыльной стороной вверх, коротко, горячо прижимается губами к коже чуть выше запястья, отпускает ее и толкает плечом пассажирскую дверцу. Выходит на тротуар, быстро обходит капот моего Polo и сам открывает передо мной водительскую дверь, подавая руку, чтобы помочь выйти.

Чёрт, а вот от этого поцелуя пробрало. Ну как можно одновременно так притягивать и так настораживать?

Я принимаю его руку и выбираюсь из машины. Закрыв дверцу и поставив машину на сигнализацию, иду с ним к входу.

За тяжёлой деревянной дверью «Da Marco» нас встречает камерный, очень тёплый полумрак: кирпичные своды, всего несколько столов под плотными белыми скатертями, живые свечи в низких подсвечниках и густой аромат розмарина, свежеиспечённого хлеба и оливкового масла. В дальнем углу сидит только одна пожилая пара, разговаривающая вполголоса.

Из-за барной стойки тут же выходит коренастый седоватый мужчина лет пятидесяти в тёмном жилете поверх белоснежной рубашки с закатанными рукавами. Увидев Дмитрия, он широко расплывается в улыбке:

— Дима! Buonasera, дорогой! Я уже думал, ты до конца недели за городом!

— Привет, Марко. — Дмитрий крепко жмёт приятелю руку, помогает мне снять пальто, снимает своё полупальто и передаёт обе вещи подошедшему официанту, после чего кладёт ладонь чуть выше моей поясницы, направляя меня к угловому столику с мягкими глубокими креслами у стрельчатого окна в сад. — Знакомься, это Валери. И нам сегодня не нужно меню.

Марко слегка кланяется мне, лично отодвигая передо мной глубокое кресло:

— Benvenuta, Валери! Очень рад. Тогда я сейчас принесу вам...

— Два хороших стейка рибай прожарки медиум-рэр и обычную жареную картошку с корочкой, Марко, — спокойно перебивает его Дмитрий, усаживаясь. — Никаких трюфельных пенок и сложных соусов. Просто мясо с огня, картофель и свежие овощи. И воду без газа.

Я опускаюсь в кресло напротив Дмитрия.

Марко на секунду замирает, удивлённо моргает, переводя взгляд с невозмутимого Дмитрия на меня, а потом понимающе смеётся и прижимает руку к сердцу:

— А-а, понял, понял! Ни слова больше. Картошка будет лучшая в Москве, обещаю. Через пятнадцать минут всё будет на столе. А вам, Дима, бокал вашего любимого бароло?

— Нет, Марко, я сегодня тоже без алкоголя, — отвечает Дмитрий. — Принеси нам лучше чайник хорошего чёрного чая с чабрецом.

Чудесно. Спросить меня, что я буду пить, видимо, не входит в его планы. Ладно, повезло, что чай с чабрецом мне нравится.

Когда хозяин с улыбкой удаляется на кухню, Дмитрий откидывается в кресле, но тут же снова подаётся вперёд, кладя руки на белую скатерть.

При свете свечи я наконец могу рассмотреть его как следует. Короткие тёмные волосы, выраженные скулы, щетина вдоль подбородка. Тёплый свет смягчает черты его лица, но глаза по-прежнему кажутся почти чёрными, делая взгляд немного диким.

Он сидит расслабленно, и серая ткань хенли обтягивает его широкие плечи и грудь. Я задерживаю взгляд чуть дольше, чем собиралась.

Женщина 30+: Ну как тут вообще сосредоточиться на разговоре?

— Ты сегодня удивила не только меня, но и Марко, — говорит он с лёгкой полуулыбкой. — Обычно я заказываю здесь что-нибудь другое, да и от вина не отказываюсь. А сегодня — стейк с картошкой и чай.

— По крайней мере, здесь нет официантов с идеально белыми полотенцами и улыбками в тридцать два.

— Именно поэтому я сюда и езжу, — соглашается Дмитрий. — Марко сам стоит у печи, ругается на поваров по-итальянски, если пересушат тесто, и никогда не лезет в душу с дежурными вопросами.

Молчаливый молодой официант ставит на стол большую бутылку прохладной воды, два бокала и плетёную корзинку с горячей чиабаттой под льняной салфеткой, рядом с которой в маленьком блюдце налито густое зелёное масло с крупинками морской соли.

Дмитрий сам открывает воду, наполняет мой бокал и пододвигает его к моей руке. Несколько секунд он просто рассматривает меня при мягком свете свечи — здесь, без рабочего реквизита и чужих глаз, его взгляд становится менее колючим, но ещё более плотным и внимательным. Он скользит по моим плечам в чёрной блузке, по жемчугу у горла и останавливается на моих руках на белой скатерти. Я замечаю этот взгляд.

— Расскажи мне, как ты вообще в это попала, Валери, — спокойно говорит он. — Я за последние годы насмотрелся на разных людей, которые умеют держать аудиторию и считывать чужой блеф за секунду. Обычно они либо сидят в советах директоров, либо ведут жёсткие переговоры за очень большие чеки. А ты приезжаешь на своей маленькой машине за город и раскладываешь фишки. Почему именно игры?

Я отламываю руками кусочек чиабатты, макаю его в масло и отправляю в рот. Прожевав, говорю:

— Мне просто нравится работать с людьми, развлекать их вот так. Я встречаю столько разных людей, и многие из них очень интересные. Конечно, обычно всё общение заканчивается после оплаты, но даже эти несколько часов — невероятно интересные.

— Значит, обычно всё общение заканчивается сразу после оплаты, — негромко повторяет он, цепляясь за последнюю фразу, и в уголке его рта появляется медленная, очень довольная усмешка. — Выходит, для меня сегодня сделали редкое исключение из правил.

Как интересно изменился его взгляд. Нет давления и напора, чистая заинтересованность. Таким он определённо нравится мне больше.

Его правая рука неторопливо скользит по белой скатерти вперёд — пальцы останавливаются совсем рядом с моим запястьем и легко, почти невесомо касаются тыльной стороны моей ладони.

И снова мягкое прикосновение.

— И мне очень нравится, как у тебя сейчас глаза горят, когда ты об этом рассказываешь, — добавляет он тише. — За столом у Максима ты этот огонь прятала за вежливой улыбкой.

Он не убирает пальцы от моей руки даже тогда, когда со стороны кухни появляется сам Марко с двумя большими подогретыми тарелками на деревянном подносе.

Аромат жареного на открытом огне мяса, чеснока и свежемолотого перца мгновенно перебивает запах свечей. Марко с гордостью ставит передо мной внушительный, сочный стейк с румяной корочкой и целую горку золотистой, тонко нарезанной жареной картошки с веточкой розмарина, а следом — точно такую же порцию перед Дмитрием и большую миску крупно нарезанных томатов и зелени. Следом официант приносит пузатый чайник с душистым чаем и две широкие чашки.

— Картошку жарил как для родной мамы! Buon appetito! — с улыбкой сообщает Марко и деликатно отступает, оставляя нас вдвоём.

Дмитрий разливает тёмный горячий чай с чабрецом по чашкам, придвигает одну ко мне и смотрит через стол с прямым, тёплым вызовом:

— Ешь, пока горячее. А потом расскажешь мне, на чём именно сегодня спалился я — когда ты поняла, что я смотрю далеко не в карты?

Скептик: Он думает, что мы могли этого не заметить! Я возвращаюсь к своим рассуждениям о его невысоком интеллекте.

Он берёт тяжёлый стейковый нож и приступает к своему мясу.

Я отрезаю кусочек мяса и пробую. Очень вкусно! Прожевав, поднимаю на него взгляд.

— Честно говоря, ты как будто бы особо и не пытался это скрывать.

— Не пытался, — легко соглашается Дмитрий, отрезая кусок своего стейка. — Когда видишь перед собой женщину, от которой невозможно оторвать взгляд, делать вид, что тебя страшно интересует бубновый валет на сукне, — пустая трата времени.

Он отправляет мясо в рот, следом подцепляет вилкой пару ломтиков румяной жареной картошки с корочкой и на секунду прикрывает глаза, с неподдельным удовольствием оценивая вкус.

— Слушай, а с картошкой ты была абсолютно права, — признаёт он, глядя на меня с почти мальчишеской улыбкой.

Когда он улыбается, его лицо словно меняется: напряжение исчезает, у глаз появляются едва заметные складочки, и от прежней жёсткости остаётся только чёткая линия скул. Он сразу кажется моложе и теплее.

Женщина 30+: Всё. Теперь я ещё и эту улыбку буду вспоминать.

— Давно я её здесь не заказывал.

За ужином время течёт незаметно и удивительно легко. В дальнем углу пожилая пара расплачивается и уходит, и мы остаёмся в небольшом сводчатом зале совершенно одни. Дмитрий расспрашивает меня о самых странных и смешных заказах, которые мне попадались, сам с сухой иронией рассказывает пару историй со своих строек — когда заказчики просят перенести несущую стену «по фэншую» за день до сдачи объекта, — и при этом постоянно, ненавязчиво заботится обо мне за столом: подливает горячий чай с чабрецом, пододвигает ближе салат, следит, чтобы мой бокал с водой не пустел.

Но за всей этой тёплой, спокойной беседой воздух между нами ни на секунду не остывает. Каждый раз, когда я поднимаю свой взгляд от тарелки или чашки, я натыкаюсь на его взгляд, а под столом его нога то и дело касается моей.

Когда тарелки пустеют, а свеча в стеклянном стаканчике прогорает уже наполовину, Дмитрий отставляет пустую чашку в сторону, складывает руки на скатерти и поворачивается ко мне:

— Половина двенадцатого, Валери. Если я сейчас попрошу счёт и мы выйдем к твоей машине — ты отвезёшь меня до ближайшего перекрёстка, пожелаешь спокойной ночи и уедешь к себе домой? Или мы ещё не закончили этот вечер?

Стратег: Итак, возвращаемся к вопросу «Чего мы хотим?».

Женщина 30+: Секса!

Психолог: Не быть использованными и не попасть в созависимые отношения.

Скептик: Не встрять в проблемы.

Стратег: И мужчину, на которого можно положиться..

Женщина 30+: А если он так делает регулярно? Просто развлекается на стороне?

Психолог: Давайте спросим.

Стратег: Решим по ответу.

Я ставлю чашку и поднимаю на него взгляд.

— Знаешь... Я не очень понимаю. Ты постоянно так делаешь: отправляешь жену домой, а сам едешь по своим «делам»? Я просто не хочу быть одной из тех, кем добавляют в брак разнообразие.

Дмитрий внимательно смотрит на меня. Он не пытается перевести тему в шутку — наоборот, подаётся через стол ближе ко мне, кладя обе ладони на белую скатерть.

— Нет, Валери. Я так не делаю никогда, — отвечает он твёрдо и негромко. — У меня за восемь лет не было ни одной интрижки на стороне, ни одной любовницы «для разнообразия» и ни одного вечера, когда я уехал бы с праздника с другой женщиной.

Приемлемо. По крайней мере, не занимается подобным регулярно.. Но вопрос «почему это произошло» остаётся открытым.

Он медленно поворачивает левую кисть на скатерти. Платиновое обручальное кольцо тускло блестит в свете свечи. Дмитрий правой рукой берёт кольцо за края, стягивает его с безымянного пальца и с тихим, но отчётливым звоном кладёт на стол возле своего пустого стакана.

Я слежу взглядом за тем, как он снимает кольцо и кладёт его на стол.

— То, что ты сегодня видела в прихожей, — это не семейная ссора, после которой завтра будут мириться, — спокойно и жёстко продолжает он. — Мы со Светланой уже больше двух лет живём в разных спальнях как чужие люди, которых связывает только общая вывеска и привычка не выносить сор из избы перед друзьями. Сегодня эта вывеска закончилась. Туда я вернусь только за своими вещами и документами для юриста.

Психолог: Мощно.

Стратег: Это шаг.

Он убирает кольцо в карман джинсов, а затем протягивает руку через стол и накрывает мои пальцы своей горячей, тяжёлой ладонью.

— Ты мне не для разнообразия в чужом браке нужна, — говорит он, сжимая мою кисть. — Я в машине сказал тебе правду: с тобой я не блефую. Если тебе нужно время, чтобы убедиться, что я закрыл этот вопрос окончательно и не вожу тебя за нос, — я не стану сегодня на тебя давить. Но и просто так отпускать тебя, будто мы случайно поужинали и разошлись, я тоже не собираюсь.

Психолог (вздыхает): «Давить не буду», «отпускать тоже не собираюсь». У меня диссонанс. И красная лампочка. Но жест сильный.

Женщина 30+: Подожди, но, может, про «отпускать не собираюсь» это он про вообще, а не про сегодня..

Стратег: Резонно.

Психолог: Но недоверия его слова не вызывают.

Я переворачиваю свою кисть и провожу большим пальцем по его руке, по светлой полоске кожи у основания безымянного пальца, где только что было кольцо. Дмитрий задерживает дыхание.

— Я тебе верю... — негромко говорю я.

Мышцы на его предплечье под закатанным рукавом ощутимо напрягаются. Он переворачивает ладонь и переплетает свои пальцы с моими, крепко, до горячей тесноты сжимая мою руку на белой скатерти.

Чёрт, приятно.

Несколько секунд он смотрит на наши сцепленные пальцы, а затем поднимает глаза.

— Пошли отсюда, — глухо произносит он.

Он не зовёт официанта и не ждёт счёта: одной рукой достаёт из кардхолдера пару крупных купюр, прижимает их краем блюдца на столе, поднимается и, не выпуская моей ладони, помогает встать мне. У выхода Марко пытается сам подать нашу одежду, но Дмитрий лишь коротко кивает приятелю, забирает моё пальто и бережно набрасывает его мне на плечи, задерживая руки на моих ключицах дольше, чем требует вежливость. Затем забирает и надевает своё полупальто.

Мы выходим из ресторана и подходим к машине.

На улице тихо и прохладно — в переулке уже не осталось ни одной чужой машины, только мой Polo стоит в полумраке под раскидистым деревом, чуть в стороне от круга фонарного света.

Дмитрий делает шаг ко мне, разворачивает меня к себе лицом прямо у крыла моей машины и притягивает за талию вплотную.

О боже. Горячий. Так близко. И пахнет умопомрачительно..

Его правая ладонь ложится мне на затылок, пальцы зарываются в волосы над низким хвостом, бережно, но властно запрокидывая моё лицо к нему, а левая рука плотно прижимает меня за поясницу.

Он секунду смотрит на мои губы — его дыхание сбитое, горячее, — и накрывает мои губы своими.

В этом поцелуе нет ни осторожной робости, ни вежливой проверки: он целует глубоко, жадно и настойчиво. Я отвечаю ему на поцелуй, приоткрывая губы. Его губы мягкие и горячие; он с лёгким стоном проводит языком по моей нижней губе и втягивает её, ещё теснее вжимая меня в себя у дверцы машины.

Мои ладони скользят под распахнутые полы его кашемирового полупальто и ложатся прямо на тонкий хлопок его футболки. Под тканью — горячее, литое тело: бока, спина, мышцы, которые сразу отзываются на моё прикосновение. Его сердце бьётся тяжело и часто.

Из горла Дмитрия вырывается низкий, глухой выдох. Он прижимает меня спиной к дверце машины ещё плотнее, наваливаясь всем своим весом, так что металл кузова позади меня слегка пружинит.

Он целует меня ещё глубже, без всякой спешки, но с такой жадностью, словно никак не может напиться: его язык горячо скользит вдоль моего, губы то крепко сжимают мои, то чуть отпускают, позволяя вдохнуть, и снова накрывают поцелуем. Его левая ладонь с моей поясницы спускается ниже, ложится на бедро и с силой притягивает мой таз вплотную к себе — сквозь плотную джинсу и ткань моих брюк я отчётливо ощущаю животом твёрдую тяжесть его вставшего члена.

Он подаётся бёдрами навстречу, вжимая в меня свой стояк. Из моего рта раздаётся стон, прямо ему в рот. А внизу живота сладко стягивается узел желания.

Боже, как хорошо..

Пальцы его правой руки путаются в моих волосах у затылка; гладкий низкий хвост окончательно ослабевает, и несколько прядей выбиваются к вискам.

Дмитрий с трудом отрывается от моих губ всего на пару сантиметров, тяжело и прерывисто дыша мне прямо в рот. Его тёмные, поплывшие от желания глаза смотрят на меня в упор в полумраке переулка. Он проводит губами по линии моей челюсти, спускается к шее и, прижавшись ртом к нежной коже прямо над жемчужным воротником, оставляет там долгий, горячий поцелуй; его щетина слегка колется.

— Чёрт, Валери... — хрипло выдыхает он мне в шею, его руки под моим пальто сжимают мою талию крепче, ещё сильнее притирая меня бёдрами к своему стояку. — Я весь вечер за тем проклятым столом думал только о том, какие у тебя на вкус губы.

Он чуть приподнимает голову, утыкаясь лбом в мой висок, а его ладонь скользит по моему боку вверх, ложась прямо под грудью поверх блузки, и большой палец медленно проводит по нижнему изгибу:

— Скажи, куда тебя отвезти. Домой я сегодня всё равно не еду.

— Поехали ко мне... Я поведу, — выдыхаю я, всё ещё переводя дыхание.

Дмитрий коротко, жадно целует меня ещё раз — прихватывает губами мою нижнюю губу, втягивая воздух сквозь зубы, — и только после этого разжимает руки. Я снимаю машину с сигнализации, и он открывает передо мной водительскую дверцу.

Когда мы садимся в машину и я выезжаю из тихого переулка на ночной проспект в сторону своего района, воздух в маленьком салоне кажется наэлектризованным до предела. Дмитрий даже не пытается сидеть спокойно на своём пассажирском месте: он поправляет расстёгнутый ворот футболки, поворачивается ко мне и кладёт правую ладонь высоко на моё бедро.

Всю дорогу, пока за окнами мелькают жёлтые огни развязок и многоэтажки спального района у метро, его тяжёлая рука лежит на моей ноге. Он не мешает мне вести машину, но его пальцы неторопливо сжимают моё бедро сквозь тонкую ткань брюк, а большой палец медленно гладит внутреннюю сторону ноги, поднимаясь всё выше. Каждый раз, когда я останавливаюсь на красном светофоре, он переводит взгляд с моих рук на руле на моё лицо, на губы, которые всё ещё горят после поцелуя на улице, и его дыхание в тишине салона слышно даже поверх гула мотора.

Я сворачиваю во двор своего дома и паркуюсь на свободном месте под фонарём. Стоит мне заглушить двигатель, как Дмитрий выходит первым, открывает заднюю дверцу и без лишних слов забирает оттуда мой тяжёлый алюминиевый кейс с фишками и тубус с сукном.

В подъезде и в узкой кабине лифта он стоит за моим правым плечом — так близко, что я спиной ощущаю исходящий от него жар. Он смотрит на меня в зеркало лифта, пока на табло сменяются цифры этажей.

На моей площадке тихо. Я поворачиваю ключ в замке, шагаю в прихожую и едва успеваю щёлкнуть выключателем неяркого бра у зеркала.

Дмитрий входит следом вплотную, глухим ударом локтя захлопывает входную дверь и одним резким движением до упора проворачивает защёлку. Кейс с фишками и тубус с глухим стуком опускаются прямо на пол у стены, его тёмное полупальто летит с широких плеч на крючок, и он разворачивается ко мне раньше, чем я убираю руку с ключами. Едва успеваю скинуть ботинки, слышу, как он делает то же самое.

В полумраке прихожей его глаза кажутся почти чёрными, а дыхание уже тяжёлое и неровное. Он выхватывает связку ключей из моих пальцев, не глядя швыряет её со звоном на полку у зеркала и шагает на меня, впечатывая спиной в стену. Его руки действуют быстро и почти грубовато от нетерпения: он в два движения расстёгивает мою верхнюю одежду, сдёргивает

её с моих плеч, отбрасывая в сторону на банкетку, и тут же наваливается сверху всем своим тяжёлым, горячим телом.

Я сразу выдыхаю от его веса и напора: Дмитрий без всякой прелюдии раздвигает мои ноги своим коленом и с силой вжимается пахом прямо между моих бёдер. Сквозь плотную джинсу я отчётливо чувствую его налитый, каменно-твёрдый член, который упирается прямо в меня.

Его правая рука скользит по моей шее к затылку, пальцы срывают резинку с низкого хвоста и тут же властно зарываются в рассыпавшиеся волосы у основания черепа, запрокидывая моё лицо к себе. Левая ладонь жёстко перехватывает меня за талию и притягивает вплотную, заставляя тереться о его стояк.

— Еле дотерпел, пока ты вела эту машину, — хрипло, прямо мне в губы выдыхает он. — Три часа за этим столом только и думал о том, как прижму тебя к стене и смогу сделать так.. — Его таз делает резкое, тяжёлое движение вперёд, вжимаясь членом ещё плотнее.

Мои пальцы вцепляются в ворот его тёмно-серой футболки, а бёдра сами подаются вперёд.

Боже, какой большой и твердый..

С губ Дмитрия срывается глухой, почти звериный рык. Он впивается в мой рот жёстким, голодным поцелуем, буквально сминая мои губы и проталкивая язык глубоко внутрь. Я отвечаю ему с той же жадностью, выдыхая прямо ему в рот, пока его колючая щетина обжигает мою кожу.

Не разрывая поцелуя ни на секунду, он обхватывает ладонями мои ягодицы, с силой сжимает их, приподнимая меня и заставляя ещё плотнее тереться о его налитый член, и в несколько широких, стремительных шагов вносит меня из прихожей в полумрак спальни. У самого входа он с глухим стуком вжимает меня спиной в стену.

Его руки двигаются с лихорадочной быстротой. Пальцы хватают жемчужный воротник моей чёрной блузки и резким рывком тянут края в стороны — пуговицы с сухим треском выскакивают из петель, и он в одно движение сдирает шёлковую ткань с моих плеч и рук, швыряя её на пол.

Широкие, раскалённые ладони Дмитрия тут же скользят по моим рёбрам вверх и накрывают голую грудь. Пальцы с силой сжимают упругую плоть, натыкаясь на уже затвердевшие соски, и его дыхание со свистом срывается сквозь стиснутые зубы.

— Охуеть... ты весь вечер сидела передо мной вообще без лифчика, — хрипит он, и в его потемневших глазах вспыхивает чистая, неприкрытая похоть.

Он даже не даёт мне вставить слово — срывает через голову свою футболку, отбрасывая её в темноту комнаты, и тут же снова вжимается голой горячей грудью в мою. Его рот жадно накрывает мой сосок, с силой втягивая его губами и прихватывая зубами так, что у меня перехватывает дыхание и с губ срывается громкий стон, а мои пальцы впиваются в его жёсткие, напряжённые плечи.

Охренеть, какой он..

Одновременно его руки бьют по поясу моих брюк: пуговица и молния расстёгиваются за секунду, он поддевает ткань вместе с тонкими трусиками и резким движением срывает их вниз по моим бёдрам и голеням. Я едва успеваю вышагнуть из спущенной одежды, как Дмитрий подхватывает меня под голую ягодицу, высоко задирает мою ногу себе на пояс и запускает правую руку прямо между моих ног.

Его пальцы сразу утопают в горячей, обильной смазке, с силой проводят по губам и без всякой раскачки входят в меня — глубоко, резко, сразу двумя пальцами, пока большой палец с нажимом растирает клитор. От этого вторжения я захлебываюсь в стоне. От того, как он быстро завладел мной, комната поплыла перед глазами.

— Ты уже вся течёшь по мне, — глухо рычит он прямо в мою грудь, не отрываясь от набухшего соска и мощно, быстро двигая пальцами внутри меня, так что мои бёдра сами начинают толкаться навстречу его руке. — Всю дорогу в машине текла?

— И за столом.. Весь вечер.. — выдыхаю со стоном.

От моих слов у него окончательно срывает резьбу. Дмитрий глухо стонет мне прямо в губы, а его пальцы внутри меня делают ещё два резких, глубоких толчка, с силой надавливая на переднюю стенку так, что я невольно вскрикиваю и выгибаюсь в пояснице.

— Блядь... сидела там с ледяным лицом, раздавала карты, а сама уже текла под столом от моей руки, — хрипит он, кусая мои губы и глядя на меня в упор почти чёрными, шальными глазами. — Я сейчас отыграюсь за каждую минуту.

Он с влажным звуком вынимает пальцы из меня и тут же одной рукой со звоном расстёгивает пряжку своего ремня. Пуговица и молния джинсов расходятся следом; Дмитрий одним резким движением срывает с бёдер джинсы вместе с боксёрами и отбрасывает их с ног.

Его тяжёлый, до предела налитый кровью член освобождается и тут же упирается раскалённой, влажной на кончике головкой прямо в низ моего живота. Я не жду ни секунды — моя рука сама скользит вниз между нашими телами, пальцы плотно обхватывают его твёрдый, горячий ствол и с нажимом ведут от основания к самой головке, размазывая по коже выступившую каплю смазки.

Дмитрий со свистом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы, его пресс каменеет, а таз рефлекторно подаётся вперёд, с силой толкаясь прямо в мою ладонь.

— Чувствуешь, как я из-за тебя стою? С самого первого взгляда с лестницы, каждую чертову раздачу за столом.. — С его губ срывается глухой выдох, когда я провожу большим пальцем по чувствительной уздечке.

— Чувствую. Весь вечер хотела почувствовать это, — выдыхаю я, не прекращая водить рукой по его члену.

— Иди ко мне. — Он перехватывает меня обеими руками под голые ягодицы и рывком поднимает на себя.

Я тут же обхватываю его торс ногами, вжимаясь мокрыми складками прямо в его твёрдый ствол, а он в три широких шага пересекает спальню и опрокидывает меня спиной на кровать, наваливаясь сверху всем своим тяжёлым, горячим телом.

Протянув руку вбок, Дмитрий наугад бьёт ладонью по кнопке ночника у изголовья. Приглушённый тёплый свет заливает смятую постель, выхватывая из темноты его потемневшее от желания лицо, напряжённую шею, широкую грудь и моё голое тело под ним.

Левой ладонью он жёстко обхватывает моё бедро, разводя мои ноги шире и устраиваясь между ними, а правой берёт свой член и несколько раз с силой проводит крупной, набухшей головкой вверх и вниз по моим губам, задевая клитор так, что мои бёдра сами приподнимаются над матрасом ему навстречу.

— Я хочу видеть твои глаза, когда войду в тебя до самого конца, — хрипло выдыхает он, приставляя тяжёлую головку прямо к моему пульсирующему входу и нависая над моим лицом. — Скажи мне, чего ты хочешь прямо сейчас.

— Тебя, блядь.. Тебя хочу! — стону я.

От моих слов в глазах Дмитрия вспыхивает тёмный азарт, и он не медлит больше ни доли секунды — резко подаётся тазом вперёд и одним мощным, безостановочным толчком вгоняет свой член в меня до самого основания.

Воздух выбивает из лёгких у нас обоих. Он крупный, плотный, и даже несмотря на то, как сильно я теку, его твёрдый ствол раздвигает мои узкие стенки с тугим, почти предельным натяжением, заполняя меня целиком. Я выгибаюсь в пояснице, с губ срывается громкий, протяжный стон, а пальцы крепко сжимают его предплечья.

Дмитрий замирает в самой глубине буквально на секунду, плотно прижавшись пахом к моему клитору. Его лицо искажается от острого, почти болезненного кайфа, челюсти сжимаются, а из груди вырывается низкий, хриплый выдох:

— Какая ты узкая.. Пиздец, как плотно ты меня сжимаешь..

Он не даёт ни себе, ни мне времени привыкнуть. Его широкие ладони с силой обхватывают мои бёдра — пальцы впиваются в мягкую кожу так крепко, что наверняка останутся следы, — он чуть приподнимает мой таз под нужным углом, выходит почти до самой головки и с размаху вбивается обратно.

Сразу же начинается жёсткий, глубокий и голодный ритм. Никакой осторожной притирки: Дмитрий трахает меня так, словно дорвался после долгого голода, вкладывая в каждый толчок всю тяжесть своего тела. Кровать под нами глухо скрипит, а по комнате разносятся влажные, откровенные звуки скольжения и шлепки его бёдер о мои.

Я обхватываю его талию ногами, скрещивая лодыжки у него на пояснице, и сама начинаю двигаться навстречу каждому его удару, насаживаясь на его раскалённый член ещё глубже. Моя грудь с набухшими сосками при каждом движении трётся о его горячую, жёсткую грудь.

Дмитрий опускается ниже, упираясь одним предплечьем в подушку у моей головы, а второй рукой продолжая до боли сжимать моё бедро и натягивать меня на свой ствол. Его дыхание рваное, тяжёлое, он жадно целует мой рот, подбородок, шею и сквозь сбитые выдохи рычит мне прямо в губы:

— Чувствуешь, как глубоко я в тебе?.. Весь целиком, блядь... Скажи мне, как тебе со мной. Я хочу это слышать!

— Чувствую.. И это охуенно.. Я ждала это весь вечер, — выдыхаю я.

От моих слов по его телу проходит крупная дрожь. Дмитрий глухо рычит, вжимаясь тазом ещё плотнее, а я, задыхаясь от каждого его удара внутри, подаюсь вверх, прижимаюсь губами к его горячей, влажной шее и ощутимо, до боли впиваюсь зубами в напряжённую мышцу у самого её основания.

Воздух со свистом вырывается из его горла. От укуса у Дмитрия окончательно срывает тормоза.

— Сумасшедшая.. — хрипит он, резко вскидывая голову.

Его левая рука с такой силой сжимает моё бедро, что пальцы буквально впечатываются в мягкую кожу, натягивая меня на каждый свой толчок, а правая ладонь ложится сбоку на мою шею и челюсть, властно удерживая на месте и не давая отвернуться. Он меняет угол, наваливаясь сверху всем своим весом, и начинает трахать меня в бешеном, беспощадном темпе.

— Смотри на меня. Смотри, пока я тебя трахаю. — Он не отрывает от меня своего ошалелого взгляда.

Твёрдый, раскалённый ствол ходит внутри меня по всей длине, с каждым мощным ударом выбивая из меня воздух и заставляя мои стенки судорожно сжиматься вокруг него. Внизу живота всё сильнее разгорается тугой, невыносимый жар: при каждом глубоком толчке основание его члена и жёсткий пах с силой растирают мой набухший клитор, залитый горячей смазкой.

Я громко, прерывисто стону, выгибаясь под ним и обхватывая его бёдра ногами так крепко, как только могу, а Дмитрий смотрит прямо в мои глаза шальным, потемневшим до черноты взглядом и сквозь тяжёлое, рваное дыхание рычит мне в губы:

— Ты моя сейчас, Ви, слышишь меня?! Никаких полумер, блядь... Вся моя. До самого конца!

Его, блядь, да. Его.

Он делает еще три быстрых движения, почти выходя наружу и тут же вбиваясь обратно на максимальную длину, и вдруг резко замирает, утопив себя во мне до предела, судорожно

втягивая воздух ртом и глядя, как вздрагивают мои ресницы. Его член внутри меня подрагивает от сдерживаемого напряжения. Ему стоит огромных усилий не кончить прямо сейчас.

— А ты мой.. — выдыхаю я.

— Твой, блядь... Весь твой, — хрипло выдыхает он мне прямо в рот, и от этих слов его окончательно срывает.

Пальцы Дмитрия до предела впиваются в моё бедро, вжимая меня в матрас, и он выдаёт серию таких мощных, глубоких и быстрых ударов, что кровать под нами ходит ходуном. Раскалённый, твёрдый член вбивается в самую глубину.

— Кончай на мне. От моего члена. Кончай! — Я вижу, как его лицо искажается от невероятного безумного удовольствия.

Через несколько секунд меня накрывает с головой: внутри всё сводит тугим, ослепительным спазмом, дыхание обрывается в крике, и я выгибаюсь под ним дугой. Мои внутренние стенки начинают ритмично, с силой сжиматься вокруг его ствола, буквально вытягивая из него всё без остатка.

Почувствовав, как я пульсирую вокруг него в оргазме, Дмитрий глухо, протяжно рычит мне в шею. Он делает ещё два резких, размашистых толчка и с силой вжимается в меня до самого основания, замирая в глубине. Я чувствую, как его член крупно вздрагивает внутри меня и начинает толчками изливаться горячей спермой, заполняя меня до краёв.

Сквозь стиснутые зубы с его губ срывается тяжёлый, прерывистый стон. Даже кончая, он ещё несколько раз резко с нажимом подаётся тазом вперёд, втискивая себя глубже и продляя каждый спазм, пока наши тела мелко дрожат от напряжения.

Тяжело, рвано дыша, Дмитрий опускается на предплечья, наваливаясь на меня сверху всей своей горячей, взмокшей грудью, но не выходит из меня — его всё ещё плотный член остаётся глубоко внутри. Его руки еще подрагивают. Он утыкается лицом в изгиб моей шеи, обжигая кожу горячим дыханием. Он лежит так минуту или дольше. И когда дыхание начинает выравниваться, он ослабляет хватку на моем бедре и его ладонь начинает медленно поглаживать мою кожу.

— Не шевелись... — глухо, почти шёпотом произносит он мне в кожу. — Побудь так со мной. Ещё минуту.

Это.. мило. Чёрт, под всей этой контролирующей маской сидит мужик, который просто хочет тепла и любви от женщины рядом с собой.

Мои руки крепче смыкаются на его лопатках, удерживая его тело на себе.

Кажется, я попала. Это было не просто хорошо. Это было охренеть как хорошо. Блядь.

Психолог: Он контролирующий.

Стратег: Но конкретный и надёжный.

Женщина 30+: И сексуальный.

Скептик: Гремучая смесь, я вам скажу.

Стратег: Мы справимся.

Психолог: А если не справимся — дверь открыта. Нас никто не держит.

Женщина 30+: Мы ему нравимся. Ну, не все мы, возможно.. А те, кого он успел застать.

Психолог: Будет непросто.

Стратег: Мы справимся.

Скептик: Я составила таблицу плюсов и минусов. Кто хочет взглянуть?

Женщина 30+: Скептик поплыла, раз нашла плюсы.

Стратег: Именно.

— Я здесь... Я, кажется, уже никуда не денусь, — говорю я негромко, с прерывистым дыханием.

От моих прерывающихся слов по его груди проходит едва заметная волна — он шумно, глубоко выдыхает прямо в изгиб моей шеи, и его дыхание обжигает кожу.

Несколько секунд он просто лежит неподвижно. Затем Дмитрий медленно сдвигается. Сдерживая тяжесть собственного веса, он плавно переносит корпус вбок и опускается на простыни рядом со мной, но не отпускает ни на сантиметр. Одной рукой он сразу же сгребает меня к своему боку, укладывая мою голову себе на плечо, пока наши обнаженные ноги остаются плотно переплетенными.

Дмитрий поворачивает голову на подушке. В полумраке спальни его глаза кажутся почти черными, зрачки все еще широкие после вспышки, но взгляд уже собранный, сосредоточенный на моем лице.

Он поднимает руку, ведет пальцами по моей щеке, убирая влажную от пота прядь волос мне за ухо, и оставляет ладонь на моем затылке, чуть сжимая пальцы.

— И не пытайся, — произносит он негромко. Голос звучит хрипло, сорванно, но с абсолютной, давящей уверенностью мужчины. — Никуда ты теперь не денешься. Я тебе просто не дам уйти.

Психолог: Начинаю формировать план на перевоспитание. Знаете, я не думаю, что он всерьёз собирается запирать нас. Иногда это единственный язык, которым такие люди могут говорить. Гораздо важнее его обучаемость, чем отправная точка. Но всё равно надо держать границы.

Он замолкает на пару секунд, тяжело втягивая носом воздух, вглядывается в мое лицо и вдруг спрашивает другим тоном — тише, глубже, без прежней жесткости:

— Тебе не больно? Внизу. Скажи прямо.

— Ты, конечно, большой... — говорю я со смешком. — Но всё в порядке. Почему... почему ты думаешь, что мне может быть больно?

Его грудь под моим виском глухо вздрагивает от короткого, беззвучного смешка, но в глазах Дмитрия веселья мало. Он внимательно сканирует мое лицо, задерживаясь на раскрасневшихся щеках, припухших от поцелуев губах и растрепанных волосах.

Чего он так смотрит?

Ладонь на моем затылке медленно сползает вниз. Его пальцы скользят по шее, очерчивают ключицу и неспешно опускаются по моим ребрам к бедру. Там, на светлой коже, уже отчетливо проступают багровые следы от его пальцев — четкие отпечатки жесткой, собственнической хватки.

Ой, этого я даже не заметила.

Дмитрий проводит подушечкой большого пальца по одному из этих следов, чуть надавливая, словно проверяя мою реакцию.

— Потому что я почти не сдерживался, — произносит он негромко, без тени рисовки или хвастовства. В его низком голосе звучит предельная, трезвая констатация факта. — А я привык контролировать силу. Всегда.

Он делает короткую паузу, глядя на контраст своей широкой, загорелой руки и моей тонкой талии.

— Ты миниатюрная. Узкая. А я входил до конца и жестко, — его темные глаза снова поднимаются к моим, и в них нет ни капли сожаления, лишь глухое, тяжелое признание того, что произошло между нами. — Когда ты прикусила мне шею и сказала, что я твой... меня просто сорвало. Я перестал следить за тем, насколько тебе тяжело принимать меня целиком.

Он не убирает руку с моего бедра, но пальцы смягчаются, ладонь становится укрывающей, теплой. Свободной рукой он нащупывает сбитое в ногах одеяло, одним движением подтягивает его вверх и накрывает мои остывающие на воздухе плечи, отсекая сквозняк из коридора.

Затем Дмитрий чуть сдвигается, устраиваясь удобнее, прижимает меня к себе еще плотнее и негромко спрашивает:

— Воды принести? Или хочешь сначала в душ?

Я закидываю свою обнаженную ногу ему на бедро. Дмитрий только плотнее перехватывает ее ладонью чуть выше колена, фиксируя это движение, словно так и должно быть. Его пальцы теплые и шершавые.

Я утыкаюсь носом в основание его шеи, прямо под челюсть, вдыхая его запах.

Господи, как он пахнет.. И кожа какая мягкая..

От его разгоряченной, остывающей кожи пахнет чистым соленым потом, сексом и едва уловимым, горьковатым шлейфом дорогого парфюма с нотами кедра и табака — тем самым ароматом, с которого начался наш вечер за карточным столом в загородном доме, но который теперь кажется абсолютно знакомым, смешанным с моим собственным.

Грудь Дмитрия мерно поднимается и опускается под моей щекой. Его вторая рука лежит у меня на спине, ладонь медленно, машинально оглаживает позвоночник от лопаток до поясницы и обратно.

— Полежать ещё пять минут вот так, а потом в душ.. — выдыхаю я ему прямо в шею.

— Пять минут, — негромко отзывается он, соглашаясь.

Его голос глухо вибрирует в грудной клетке, отдаваясь теплом прямо в мои ребра. Он чуть поворачивает голову и коротко, сухо касается губами моего виска, задерживая дыхание у самых волос.

Женщина 30+: Как хорошо, девочки.

В полумраке спальни отчетливо тикают настенные часы где-то на кухне за приоткрытой дверью. За окном, за плотной шторой, изредка приглушенно шумит редкая ночная машина по спальному району.

Дмитрий лежит молча пару минут, просто позволяя тишине осесть между нами, пока дыхание окончательно не выравнивается.

Затем его ладонь на моем бедре чуть сжимается. Дмитрий приподнимает голову от подушки, глядя на мое лицо в мягком свете ночника, и его губы трогает едва заметная усмешка — первая за всю ночь спокойная, открытая.

— Время вышло, — тихо говорит он, продолжая удерживать мою ногу своей рукой. — Идём. Или тебя на руках донести?

— Идём. Вроде сама могу дойти.

Я поднимаюсь с кровати, и мы идём в ванную. Моё тело расслабленно, и шаги удаются тяжеловато, а в коленках все еще ощущается дрожь после секса.

Горячие упругие струи душа смывают с кожи соль, пот и остатки сумасшедшего напряжения этой ночи. В тесной кабине, где пар быстро затягивает зеркало и кафель, Дмитрий стоит за моей спиной, подставляя под воду свои широкие плечи, и молча, осторожными, тяжелыми ладонями смывает пену с моих плеч и поясницы.

Сейчас руки у него мягкие. Это серьёзно контрастирует с тем, как он хватал меня под столом.

Психолог: Если отрегулировать его контроль и снять напряжение от ревности, то вполне себе адекватный мужчина может получиться.

Я знаю. Поэтому он здесь. Поэтому мне хочется, чтобы он остался. Поэтому я хочу уснуть сегодня в его руках.

Мы выходим в коридор сквозь густые клубы теплого пара.

Я плотно запахиваю махровое полотенце на груди, а Дмитрию достается самое большое банное — он небрежным, точным движением завязывает его низким узлом на бедрах. Мокрые темные волосы зачесаны назад открывая лоб, на широких ключицах и впадине между грудными мышцами еще блестят отдельные капли воды.

Я бросаю взгляд на его обнаженный торс.

Женщина 30+: Если мы будем видеть его таким каждый день — у нас серьёзно поднимется планка насчет мужчин.

Босиком он идет за мной по прохладному ламинату коридора прямо в кухню, оставляя влажные следы на полу от ступней.

— Чай? — спрашиваю я, оглядываясь через плечо у входа.

— Чай, — глухо соглашается он. Голос после душа звучит чуть мягче, но в нем все еще слышна глубокая усталость и хрипота. — Черный, если есть. И без сахара.

Кухня небольшая, но комфортная: светлые гарнитурные шкафы, холодильник, узкий стол у окна и диванчик возле него. Рядом со стеллажом у входа сиротливо приткнулась моя дорожная сумка с настолками и мафиозными масками, оставленная после вчерашней подготовки к выезду.

Дмитрий сидит на деревянном табурете у стола; в моей небольшой кухне он кажется крупнее обычного.

Он молча скользит взглядом по обстановке — замечает магниты на дверце холодильника, аккуратную стопку чистых полотенец, мои движения. Его внимание не критикующее, а тяжелое, впитывающее, словно он методично присваивает себе детали моей настоящей, бытовой жизни.

Я нажимаю клавишу на чайнике. Тот щелкает и начинает тихо, нарастающе шуметь, нагревая воду.

Я достаю две кружки — простые, керамические — и опускаю в каждую по чайному пакетику. Оборачиваясь к столу, я замечаю, что Дмитрий уже наблюдает за мной.

— Ты всегда такая спокойная после игр? — негромко спрашивает он, наблюдая, как я беру закипевший чайник. — Или это я на тебя так действую?

Женщина 30+: Не вижу поводов нервничать после оргазма.

— Я в целом всегда спокойная.. пока нет поводов для волнения, — говорю я, опуская перед ним кружку с темным, быстро заваривающимся чаем.

Свой пакетик я вынимаю почти сразу, оставляя чай янтарным, насыпаю сахар и коротко размешиваю ложкой. Тонкий звон металла о керамику разносится по тихой кухне.

Я мягко опускаюсь на небольшой кухонный диванчик за узким столом, ставлю чашку перед собой, ставлю между нами блюдце и поднимаю взгляд на Дмитрия:

— А ты на меня действуешь совершенно необычно. Я волнуюсь, если честно. Меня тянет к тебе как магнитом, но и боюсь, что это горячая лампочка для мотылька.

Дмитрий берется за ручку чашки и внимательно слушает меня. Когда я договариваю, между его бровей залегает неглубокая вертикальная складка.

Он вынимает пакетик из своей кружки, откладывает его на край блюдца и несколько секунд просто смотрит на меня сквозь редкий белесый пар, поднимающийся от воды. В его темных глазах нет ни насмешки, ни снисходительности.

— Мотыльки летят на свет вслепую, Ви, — негромко произносит он. — А ты с первой минуты за тем столом смотрела мне прямо в глаза и прекрасно понимала, что происходит.

Он подается корпусом вперед через узкую столешницу. Его длинная рука ложится на стол, и тяжелая, теплая ладонь накрывает мою кисть, лежащую рядом с чашкой, мягко, но ощутимо.

— Но если говорить начистоту — со мной действительно непросто, — продолжает он тем же ровным, глубоким тоном, не отводя взгляда. — У меня тяжелый характер. Я не умею делить то, что считаю своим, и за дверью этой квартиры завтра начнется развод, который я откладывал слишком долго.

Психолог: Он, по крайней мере, признает свой тяжелый характер.

Скептик: Признавать — не значит хотеть с этим что-то делать. Но решение о разводе принято, это факт.

Женщина 30+: Это плюс.

Стратег: Ждем подписанных документов.

Большой палец его руки медленно проводит по костяшкам моих пальцев, согревая их.

— Только обжигаться об меня ты не будешь, — твердо добавляет Дмитрий, и в его голосе снова проступает та самая спокойная, железобетонная уверенность. — Я снял кольцо сегодня не для того, чтобы отыграться на тебе за чужие ошибки и исчезнуть утром. Или тебя пугает не это, а то, как быстро я к тебе привязался?

Стратег: Психолог, молчи. Не время для психологического разбора.

Психолог: Предлагаю выдать оправдание. Логичное.

Женщина 30+: И не задеть самолюбие. Нам он нравится за всей этой шелухой контроля.

Я накрываю его широкую кисть своей второй ладонью, заключая его пальцы в теплое кольцо, и мягко провожу большим пальцем по тыльной стороне его руки — по коже, жестким костяшкам и рельефным венам.

— То, что тяжелый характер, — я уже поняла... — произношу я негромко, глядя прямо в его темные глаза. — Но я вижу, что ты просто так привык... Ты не знаешь, как можно по-другому. Я права?

Под моим мягким, размеренным поглаживанием его рука замирает.

Дмитрий опускает взгляд на наши сцепленные ладони посреди кухонного стола. Несколько секунд в тишине кухни слышно только мерное гудение старого холодильника в углу.

Он медленно поднимает глаза обратно к моему лицу. Взгляд его становится глубже, жесткий прищур у внешних уголков глаз разглаживается.

— Права, — тихо, без малейшей попытки защититься или отшутиться отвечает он. — На все сто процентов.

Он поворачивает свою ладонь внутри моих рук вверх, перехватывая мои пальцы и сжимая их чуть крепче, но бережно.

— Когда пятнадцать лет подряд строишь бизнес с нуля, где тебя сожрут за любую слабину, привыкаешь держать удар и давить первым, — говорит он ровно, глядя на мои пальцы в своей руке. — А потом возвращаешься домой, где вместо тепла — холодная витрина, взаимные претензии и вечный подсчет очков. Там нельзя было ослабить хватку. Стоило просто выдохнуть — и тебя начинали либо использовать, либо ломать. Со временем это въедается под кожу. Забываешь, что бывает иначе.

Психолог: Говорила же: травмированный. Ему просто нужно в терапию.

Женщина 30+: И тепла.

Стратег: Ну мы не армия спасения. Обслуживать его травмы за счёт нашей психики мы не будем.

Женщина 30+: Да.

Он берет другой рукой свою чашку, делает большой глоток горячего крепкого чая, ставит ее обратно на стол и вдруг тянет мои ладони на себя.

Поднеся мою правую руку к своему лицу, Дмитрий прижимается горячими сухими губами к тонкой коже на внутренней стороне моего запястья — прямо там, где бьется пульс. Он не отрывает губ секунду, выдыхая в мою кожу, а затем смотрит на меня поверх моих пальцев.

— С тобой мои правила не работают, — глухо произносит он, не выпуская моего запястья. — Ты не прогибаешься и не воюешь со мной. Ты просто берешь и кормишь меня картошкой, включаешь свою попсу в машине и наливаешь чай на кухне.

Уголок его губ едва заметно дергается вверх.

— И что ты со мной делать собираешься, раз так хорошо меня видишь? — спрашивает он, удерживая мою руку у своей щеки.

Что можно делать с диким зверем?

— Ну, видимо, приручать... — с мягкой усмешкой произношу я.

Дмитрий замирает на секунду, глядя на меня поверх моих пальцев, а затем из его груди вырывается короткий, низкий смешок.

Он медленно разжимает пальцы, отпуская мое запястье, и берет со стола свою кружку. Деревянный табурет едва слышно поскрипывает, когда он откидывается чуть назад, расправляя широкие обнаженные плечи, и делает неторопливый глоток крепкого черного чая.

Женщина 30+: Ну я же просила не задеть самолюбие!

Психолог: Я попыталась мягко.

Стратег: Переживет.

— Приручать, значит? — переспрашивает он, опуская кружку обратно на столешницу. Он прищуривается. — Смелая заявка. Только учти на берегу: домашний питомец из меня паршивый. Если я беру что-то с руки, то обычно прихватываю вместе с самой рукой.

Испугал, тоже мне. Он еще не видел, что бывает, когда меня пытаются засунуть в клетку и подчинить. Удачи, парень.

Он кладет обе руки на стол, сцепляя пальцы в неплотный замок, и с откровенным интересом изучает меня через узкую столешницу — растрепанные после душа влажные темно-русые пряди, падающие на плечи, край белого махрового полотенца на груди и мою кружку со сладким чаем.

— И какая у тебя программа дрессировки? — спрашивает он, чуть наклоняя голову к плечу, и кончиком указательного пальца двигает по столу мою чайную ложку, лежащую на салфетке. — Заставишь пить чай с двумя ложками сахара или с утра пораньше снова повезешь меня на своей машине под Тима Даниленко?

Дрессировки. Смотрите, он путает даже такие вещи. Я ведь сказала «приручать», а он сразу в более агрессивную форму перевёл.

Психолог: Типично.

Стратег: Я промолчу. Не эскалируем.

Женщина 30+: Я скажу.

— Такая, от которой ты сам не захочешь отказаться..

Я нежно сжимаю его пальцы и подношу чашку к губам, делая глоток теплого сладкого чая.

Дмитрий следит за моим движением, и в углу его рта появляется короткая усмешка.

— Даже не сомневаюсь, — говорит он. — Учитывая, что я сижу в твоем полотенце на твоей кухне посреди ночи и пью чай из пакетика, процесс у тебя идет вполне успешно.

Он допивает свой чай в два больших глотка, ставит пустую кружку на стол и поднимается с табурета.

Обойдя узкий стол, Дмитрий останавливается прямо перед моим диванчиком. Он чуть наклоняется вперед, упираясь одной рукой в спинку дивана за моим плечом, а второй берет у меня из пальцев недопитую чашку и отставляет ее обратно на столешницу.

От его кожи близко тянет теплом после душа и терпким черным чаем. Он смотрит на меня сверху вниз, задерживая взгляд на моих влажных от чая губах, а затем переводит глаза в мои.

— Только учти: если берешься приручать, кормить тоже придется регулярно, — произносит он негромко, а его свободная ладонь ложится мне на голое колено под краем полотенца, чуть сжимая кожу. — У тебя в холодильнике есть что-нибудь на утро, или мне сразу заказывать доставку, когда проснемся?

Психолог: Он хотя бы не строит из себя альфу 24/7. Вот про еду заговорил.

Женщина 30+: Мне не нравятся его сомнения в нашей хозяйственности.

Стратег: Брось, могла бы увидеть заботу об утре.

Женщина 30+: Стоп. Я пропустила тот факт, что он остаётся!

Скептик: Да это уже и ежу было понятно, дорогая.

Женщина 30+: Вы меня своими разговорами о контроле отвлекаете от самого важного!

— В этом доме всегда есть чем накормить голодного мужчину... — произношу я, глядя на него снизу вверх с мягкого кухонного диванчика.

Я перевожу взгляд на его губы.

Он ловит мой взгляд. Его дыхание становится глубже. Уголок губ Дмитрия медленно ползёт вверх. Он не сводит с меня тяжёлого, потемневшего взгляда. Опираясь руками о спинку диванчика по обе стороны от моих плеч, Дмитрий нависает надо мной, раздвигает своим коленом мои голые бёдра и встаёт прямо между ними. От его чистой, разогретой после душа кожи тянет жаром и лёгким запахом геля. На левой стороне его шеи, у самого основания, в полумраке отчётливо темнеет след от моих зубов.

Он наклоняется и накрывает мои губы медленным, глубоким, тягучим поцелуем. Если в первый раз он брал меня с налёта, почти вслепую от долгого ожидания, то сейчас он откровенно смакует: его горячий язык неспешно исследует мой рот, губы мягко прихватывают мою нижнюю губу, отчего по всему телу разливается густое, томное тепло. Мои ладони сами ложатся на его голый, твёрдый живот и скользят выше, по рельефной груди к широким плечам.

Не отрываясь от моих губ, Дмитрий берётся за уголок махрового полотенца у меня на груди, медленно тянет его в сторону и раскрывает до конца. Влажная ткань соскальзывает вниз, оставаясь лежать под моей поясницей.

Он разрывает поцелуй и опускает взгляд на мою обнажённую грудь. Его тёплые, широкие ладони неспешно проводят от моей талии по рёбрам вверх, обхватывают упругую плоть, а большие пальцы мягко, но настойчиво оглаживают розовые соски, которые тут же набухают и твердеют под его прикосновением.

— Значит, приручать меня собралась, — низко, с лёгкой хрипотцой произносит он, наклоняясь и проводя горячим языком по ложбинке между моих грудей, а затем медленно обводя кончиком языка мой сосок. — Начнем прямо здесь, на кухне, или мы все-таки дойдем до кровати?

— Надеюсь добраться до кровати, если ты не возражаешь... — выдыхаю я.

— Не возражаю, — негромко отвечает он. — Кухонный стол у тебя для моих габаритов все равно узковат.

Я прерывисто вздыхаю, выгибаясь навстречу его рту и запуская пальцы в его влажные тёмные волосы, а он, легко подхватив меня одной рукой под спину, а другой под голые колени, поднимает с диванчика на руки. Полотенце остаётся на кухне.

Прижимая меня, совершенно голую, к своей горячей груди и на ходу целуя в шею и плечо, Дмитрий несёт меня обратно в спальню. В комнате всё так же горит тёплый приглушённый ночник у изголовья. Он опускает меня на край разобранной постели, выпрямляется во весь свой высокий рост и одним движением сдёргивает с бёдер своё полотенце, отбрасывая его на пол.

Его член уже снова налит тяжёлой, плотной силой — длинный, с крупной потемневшей головкой и набухшими венами вдоль твёрдого ствола, он поднимается у живота и заметно подрагивает.

Дмитрий опускается на одно колено на край матраса между моих ног. Его ладони медленно, с ощутимым нажимом скользят от моих щиколоток вверх по икрам и внутренней стороне бёдер, разводя их шире, а сам он подаётся вперёд, прижимая свой горячий член к моему бедру и накрывая меня сверху. Его рука опускается вниз, но не торопится к моему паху — вместо этого он берёт мою правую ладонь и сам кладёт её на свой раскалённый ствол, накрывая мои пальцы своими.

Женщина 30+: Проблем с эрекцией у него точно нет. И такой большой..

— Чувствуешь, что ты со мной делаешь одним своим видом? — выдыхает он мне в губы, глядя прямо в глаза и медленно направляя мою руку вверх и вниз по своей твёрдой длине. — Трогай меня. Я хочу чувствовать твои руки.

Мои пальцы плотно обхватывают его горячий, твёрдый ствол, и Дмитрий убирает свою ладонь с моей кисти, отдавая мне инициативу. Я закусываю нижнюю губу, опускаю взгляд вниз и начинаю неспешно, с ощутимым нажимом водить рукой вверх и вниз по всей его длине.

Кожа на его члене шелковистая, горячая и невероятно нежная.

От одного вида того, как мои тонкие пальцы скользят по его налитому члену, а я сама не отрываю от него глаз, у Дмитрия сбивается дыхание. Он чуть приподнимается на коленях между моих разведённых бёдер, опираясь одной рукой о матрас рядом с моим боком.

— Думала, одного раза хватит, чтобы меня отпустило? — Его темные глаза впиваются в мои, губы касаются моего подбородка, оставляя влажный след. — Хрен там. Мне мало тебя, слышишь? Я хочу еще.

Я тоже. Еще.

В тёплом боковом свете ночника его тело прямо передо мной: широкая грудь тяжело вздымается, мышцы живота напрягаются и вздрагивают при каждом движении моей ладони, а узкая тёмная дорожка волос уходит вниз, к самому основанию члена и подтянутым, тяжёлым яйцам. На предплечье его опорной руки от напряжения чётко проступает вена, а у основания шеи темнеет след от моего недавнего укуса.

Какой он красивый..

На крупной, потемневшей головке выступает прозрачная капля смазки. Я провожу по ней большим пальцем, размазывая влагу по чувствительному ободку и уздечке, и из груди Дмитрия вырывается низкий, гортанный стон. Он прикрывает глаза на секунду, шумно втягивая воздух сквозь приоткрытые губы, а его таз непроизвольно подаётся вперёд, навстречу моей руке, проталкивая твёрдый ствол глубже в мой кулак.

— Блядь... — хрипло выдыхает он, снова открывая глаза и глядя сверху вниз на моё лицо, на закушенную губу и на то, как я ласкаю его. — Как же охуенно ты меня трогаешь... Я бы часами смотрел, как твоя рука ходит по моему члену.

Его свободная рука поднимается к моему лицу, большой палец с нажимом проводит по моей нижней губе, высвобождая её из-под моих зубов, и тут же скользит ниже — по шее к моей груди, сжимая упругую плоть и перекатывая пальцами твердый сосок.

Дмитрий двигает бёдрами в такт моей руке, явно кайфуя от каждого моего касания, и подаётся чуть ближе. Горячая головка его члена в моей ладони почти касается моего живота и нижних рёбер.

— Ещё немного так посмотришь на меня снизу вверх, — низко, с хрипотцой произносит он, не отрывая тяжёлого, потемневшего взгляда от моих губ, — и я вообще забуду про всякую неспешность.

Я не убираю взгляд и не сбавляю темп — наоборот, чуть плотнее сжимаю пальцы вокруг его раскалённого ствола, проворачивая кисть на самой верхушке, там, где кожа особенно чувствительная и влажная от выступившей смазки. Я кладу вторую ладонь на его напряжённое бедро, ощущая под пальцами горячую кожу и то, как двигаются его мышцы.

Дмитрий шумно выдыхает сквозь зубы, его веки полуопускаются от удовольствия, а по животу пробегает заметная дрожь. Он подаётся ниже, опираясь левым предплечьем о подушку рядом с моей головой, так что его широкая грудь нависает прямо над моей, а мой кулак с зажатым в нём членом оказывается между нашими телами.

— Чёрт.. вот так, — глухо произносит он, и его голос звучит низко, немного севше. — Не останавливайся. Как же приятно, твою мать..

Он начинает медленно, плавно двигать тазом, проталкивая свой твёрдый член сквозь мои сжатые пальцы. С каждым его движением крупная, влажная головка скользит по коже моего живота, оставляя на ней горячие влажные следы. Я чувствую вес его тела, жар, идущий от его груди, и сбившееся дыхание на своей шее.

Дмитрий наклоняет голову и ловит мои губы в глубокий, неспешный поцелуй. В нём нет прежней спешки — он целует меня долго, со вкусом, то втягивая мою нижнюю губу, то проникая языком в мой рот, и глухо стонет прямо в поцелуй, когда мои пальцы спускаются к самому основанию его ствола и слегка касаются подтянутых, тяжёлых яиц.

Одновременно его правая рука скользит от моей груди вниз по животу и уходит между моих разведённых бёдер. Пальцы проводят по гладкой коже ног, находят мои губы и легко скользят по горячей смазке.

— Ты сама вся мокрая от того, что трогаешь меня, — выдыхает он мне в губы с довольной усмешкой, и его подушечка пальца начинает медленно, с тягучим нажимом кружить по моему набухшему клитору.

С моих губ срывается тихий, прерывистый вздох, бёдра сами приподнимаются навстречу его ладони, а рука на его члене невольно сжимается крепче. Дмитрий отрывается от моих губ, спускается поцелуями по моей шее к груди, обхватывая губами твёрдый сосок и лаская его языком, а два его пальца в этот же момент плавно, глубоко входят внутрь меня, начиная двигаться в одном тягучем ритме с тем, как его собственный таз толкается в мою ладонь.

Когда мои пальцы сжимают его раскалённый ствол чуть крепче, Дмитрий издаёт низкий, гортанный стон прямо мне в грудь. По его животу и бёдрам проходит напряжённая волна, и он поднимает голову, глядя на меня сверху вниз потемневшими, чуть прищуренными глазами.

Его свободная рука перехватывает моё запястье прямо на его члене. Пальцы Дмитрия смыкаются вокруг моей тонкой кисти — плотно, но не грубо, останавливая моё движение.

— Достаточно, — негромко, с мягким властным нажимом произносит он, медленно разжимая мои пальцы на своём налитом, влажном стволе. — Иначе я кончу прямо так.

Не отпуская мою руку, он ведёт её вверх по своему телу и сам укладывает мою ладонь себе на широкое плечо, поверх твёрдой, горячей мышцы.

— Держись за меня. Дальше я всё сделаю сам.

Дмитрий плавно вынимает из меня два мокрых от моей смазки пальца. Выпрямившись на коленях между моих бёдер, он проводит этой влажной рукой по своему члену от основания до крупной, потемневшей головки, распределяя мою влагу по натянутой коже и тихо, сквозь зубы выдыхая от собственного касания.

Затем его широкие ладони ложатся под мои колени. Спокойным, уверенным движением он сгибает мои ноги и разводит их широко в стороны, полностью открывая меня перед собой в тёплом свете ночника. Его взгляд скользит по моим распахнутым бёдрам и влажным губам, а потом поднимается прямо к моему лицу.

Он подаётся вперёд, нависая надо мной на прямой руке, а второй направляет свой тяжёлый, горячий член к моему входу. Влажная головка с нажимом скользит вверх-вниз по моим губам, собирая смазку и ощутимо задевая клитор.

Широкая ладонь Дмитрия ложится на косточку моего таза и с мягкой, но непреодолимой силой прижимает меня к матрасу, не давая мне двигаться.

— В этот раз ты будешь принимать меня так медленно, как я скажу. Смотри на меня и чувствуй каждый сантиметр.

Удерживая меня ладонью, Дмитрий медленно, с тягучим, неотвратимым нажимом подаётся тазом вперёд. Крупная головка туго раздвигает мои влажные стенки, и за ней миллиметр за миллиметром начинает входить его толстый, раскалённый ствол. От такой медлительности ощущение заполненности становится почти невыносимо острым: я чувствую каждую выпуклую вену на его коже, каждую пульсацию его члена внутри себя.

У самого Дмитрия от этого медленного погружения скулы каменеют, а дыхание становится глубоким и прерывистым. Он явно ловит острый кайф от того, как моё тело обхватывает его всё плотнее и как с моих приоткрытых губ срывается протяжный, дрожащий стон. Войдя до самого основания и плотно прижавшись пахом к моему клитору, он замирает, удерживая

меня под собой, и медленно проворачивает бёдрами по кругу, заставляя свой член сдвинуться в самой глубине.

— Блядь, как же хорошо внутри тебя... — хрипло выдыхает он, глядя прямо в мои глаза. — Ни на миллиметр не пускаешь без сопротивления. Ну что, чувствуешь меня целиком?

Я судорожно киваю, держась за его плечи.

Дмитрий едва заметно усмехается уголком губ. В его тёмных глазах — чистое, собственническое удовольствие.

— Голосом, — негромко, с мягким нажимом произносит он, скользя ладонью с моего бока вверх по рёбрам и накрывая мою грудь, где под его пальцами быстро колотится моё сердце. — Я хочу слышать твой голос.

Он медленно отводит бёдра назад, вытягивая свой раскалённый, блестящий от моей смазки ствол почти до самого конца — оставляет внутри только крупную головку, выдерживает короткую, томительную паузу и плавно, тяжело вдавливается обратно до упора.

С моих губ тут же срывается протяжный, громкий стон, а пальцы крепче сжимают его горячие плечи. Под моими ладонями перекатываются твёрдые мышцы: я чувствую всю сдерживаемую мощь его рук и спины, которой он удерживает свой вес надо мной, не позволяя себе сорваться раньше времени.

— Вот так... моя умница, — хрипло выдыхает он, и его взгляд на несколько секунд опускается вниз, туда, где его тёмный, налитый кровью член с влажным звуком уходит в мои раскрытые губы и медленно появляется обратно. От этого зрелища его дыхание становится тяжелее, челюсти сжимаются, а из груди вырывается низкий, довольный рык: — Блядь, я не могу насмотреться на то, как ты меня принимаешь... Как твоё тело обтягивает мой член.

Дмитрий задаёт неспешный, тягучий и невероятно глубокий ритм. Каждый его толчок — это долгое, плотное скольжение по всей длине, за которым следует тяжёлый проворот тазом в самой глубине, так что его жёсткий пах раз за разом с нажимом растирает мой набухший клитор.

Он опускается ко мне грудью, прижимаясь горячей кожей к моим затвердевшим соскам, и подхватывает мои ноги под колени, закидывая их выше — себе на сгибы локтей. Угол тут же меняется: мои бёдра оказываются приподняты над матрасом, а его ствол плотнее проходит по самой чувствительной передней стенке.

Я начинаю плавно подаваться тазом навстречу его движениям, выгибаясь в пояснице и ловя губами его рот. Дмитрий охотно отвечает на мой поцелуй: его язык горячо и властно сплетается с моим, он пьёт мои стоны прямо с губ, а темп его бёдер постепенно, шаг за шагом начинает набирать тяжесть и скорость.

Отрываясь от моего рта и переходя горячими поцелуями на мою шею и ухо, он делает несколько более резких, сильных толчков подряд, проверяя мою реакцию, и глухо шепчет мне прямо в кожу:

— Обхвати меня ногами за поясницу и держись крепче... Сейчас нежно уже не будет.

— Да.. Боже, да.. Как хорошо, — выдыхаю я.

Я обхватываю его горячую поясницу ногами, скрещивая лодыжки у него за спиной, и от моего прерывистого, сорвавшегося шёпота в глазах Дмитрия вспыхивает тёмный огонь.

Он перехватывает меня одной рукой под ягодицу, приподнимая мой таз ещё выше навстречу себе, а второй ладонью с силой упирается в матрас у моего плеча. Дмитрий начинает вбиваться в меня мощными, размашистыми, глубокими толчками, вкладывая в движение всю силу своих бёдер и пресса.

Сразу меняется и звук, и глубина. В спальне становится жарко и громко от наших сбитых выдохов, влажного хлюпанья обильной смазки и тяжёлых, ритмичных ударов его паха о мои бёдра. При каждом толчке его твёрдый, раскалённый ствол до предела растягивает мои стенки и достаёт до самой глубины, а основание члена с силой притирается к набухшему клитору.

Дмитрий смотрит на меня сверху вниз, не мигая: его широкая грудь и плечи блестят от выступившей испарины, тёмные пряди волос на висках взмокли, а губы приоткрыты. Он ловит откровенный, хищный кайф от каждого моего вздрагивания под ним, от того, как моя грудь с твёрдыми сосками колышется и трётся о его грудь при каждом ударе.

— Блядь... послушай себя... — хрипит он, наклоняясь к моему лицу и обжигая мои губы горячим дыханием. — Как же ты стонешь подо мной... Я бы трахал тебя так всю ночь без перерыва.

Он ускоряется ещё сильнее. Напор его тела становится таким мощным, что ножки кровати с глухим скрежетом начинают сдвигаться по полу, шаг за шагом отъезжая от стены с каждым его тяжёлым толчком.

Внутри меня всё сводит от нарастающего, почти невыносимого удовольствия. Мои руки скользят с его плеч дальше, на его широкую, влажную от пота спину. Не в силах сдержать накрывающую волну, я выгибаюсь под ним и с силой впиваюсь ногтями в его напряжённые лопатки — провожу ими вниз по горячей коже, оставляя глубокие, саднящие полосы.

От острой боли в спине Дмитрий резко, со свистом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Его мышцы под моими ладонями вздрагивают, но вместо того чтобы остановиться, он заводится от этого ещё сильнее — из его груди вырывается низкий, гортанный рык.

— Дикая, блядь... дерешься?.. — выдыхает он мне прямо в рот, на секунду впиваясь в мои губы жёстким, жадным поцелуем, и тут же снова вгоняет свой член в меня до самого упора, заставляя кровать содрогнуться и съехать ещё дальше от стены. — Чей это член сейчас в тебе так глубоко? Говори! Чувствуешь, как меня сейчас разорвёт внутри тебя?!

— Твой! Да, ещё, Дима! — восклицаю я.

От того, как я выкрикиваю его имя, лицо Дмитрия темнеет, а взгляд становится совсем шальным. Я снова впиваюсь ногтями в расцарапанную кожу на его лопатках, притягивая его к себе, и он с глухим рыком обрушивает на меня всю свою силу.

— Мой член, да.. Вот так, — хрипит он сквозь стиснутые зубы, глядя прямо в мои глаза, пока пот катится по его виску и шее. — Повторяй моё имя ещё... Блядь, как же меня кроет от твоего голоса!

Он перехватывает меня обеими руками за бёдра и ягодицы, буквально насаживая моё тело на каждый свой встречный удар. Толчки становятся такими мощными и частыми, что изголовье кровати с глухим стуком и скрежетом окончательно отъезжает от стены сантиметров на десять.

Его твёрдый, до предела разбухший член колотится в самую глубину, не оставляя мне ни вдоха передышки. Внутри всё горит от трения и обильной горячей смазки, а его жёсткий пах при каждом ударе с силой вжимается в мой набухший клитор.

Дмитрий опускает одну руку между нашими телами: его большой палец находит мой клитор и начинает быстро, с сильным нажимом растирать его в такт бешеным толчкам его бёдер. От этого двойного напора меня начинает стремительно накрывать — дыхание рвётся на части, мышцы живота сводит сладкой судорогой, а мои внутренние стенки начинают пульсировать и ритмично сжимать его раскалённый ствол.

— Смотри, как ты течешь на меня... — низко шепчет он мне на ухо, и его хриплый голос вибрирует у самой моей барабанной перепонки в такт толчкам. — Вся мокрая... сжимаешь меня так, будто никогда не выпустишь.

Никогда.

Дмитрий запрокидывает голову на секунду — на его напряжённой шее рядом со следом от моего укуса резко выделяются вены, с губ срывается низкий, протяжный стон, — и тут же снова прижимается лбом к моему лбу, тяжело и рвано дыша мне прямо в рот.

Я чувствую, как его член внутри меня наливается до предела и начинает ощутимо подрагивать, готовый вот-вот взорваться. Мои стоны становятся все откровеннее и громче.

— Давай, — выдыхает он сквозь стиснутые зубы. — Сожми меня. Ломай меня до конца. Сейчас.

— Давай... кончай в меня, Дима... — выдыхаю я.

В эту же секунду под быстрым, жёстким нажимом его пальца на клиторе и мощными ударами внутри меня накрывает лавиной. Дыхание перехватывает, я выгибаюсь под ним всем телом, снова впиваясь ногтями в его горячие, расцарапанные лопатки, и с моих губ срывается долгий, несдержанный крик. Мои внутренние стенки с такой силой сжимаются вокруг его раскалённого ствола, что у Дмитрия перехватывает горло.

— Блядь... Ви!.. — глухо, гортанно рычит он, вжимаясь лицом в мою шею.

Он делает ещё два сокрушительных толчка, до предела вгоняя свой член в пульсирующую глубину, и его крупное, тяжёлое тело накрывает мощная судорога. Я отчётливо чувствую, как его ствол внутри меня твердеет до каменного предела и начинает сильно, ритмично дёргаться, толчок за толчком заливая меня изнутри густой, обжигающей спермой.

С губ Дмитрия срывается низкий, хриплый стон. Даже кончая, он не замирает сразу — его бёдра продолжают тяжело, с нажимом двигаться вперёд, втискивая каждую последнюю каплю как можно глубже и растягивая наш общий оргазм до тех пор, пока у меня не начинает темнеть в глазах от остроты ощущений.

Когда последние спазмы затихают, он тяжело опускается на предплечья, накрывая меня сверху всей своей горячей, взмокшей грудью. Его сердце гулко и быстро бьётся прямо о мою грудь, а рваное, обжигающее дыхание щекочет мои губы и щеку. Несколько долгих секунд он просто лежит на мне, приходя в себя и лениво, мягко целуя уголок моего рта, а затем приподнимает голову и смотрит на моё раскрасневшееся лицо потемневшими, шальными глазами.

— Блядь... с тобой вообще невозможно держать себя в руках, — хрипло выдыхает он с короткой, усталой усмешкой. — Дышишь там?

Что это, блядь, было? Из меня как будто душу вынули, вытряхнули и засунули обратно. Давно меня так горячо и страстно не трахали.

— Не хочу перехвалить... но это был лучший секс в моей жизни, — шепчу я прерывисто, всё ещё чувствуя его внутри себя и проводя ладонями по его влажным плечам.

По лицу Дмитрия расползается откровенно довольная, собственническая ухмылка. Он чуть поводит широкими плечами, ощутимо морщась от саднящей боли в расцарапанных лопатках, и косится на сдвинутое изголовье.

— Не хочешь перехвалить, значит? — низко переспрашивает он, глядя на меня сверху вниз. — То есть то, что у меня сейчас вся спина горит от твоих ногтей, а кровать уехала от стены сантиметров на десять, — это ты ещё сдерживалась в комплиментах?

Он наклоняется и коротко целует меня в припухшие губы, после чего плавно подается бедрами назад, выходя из меня.

Его все еще тяжелый, полуэрегированный член медленно выскальзывает наружу, оставляя внутри пустоту, и по внутренней стороне моего бедра тут же медленно сбегает теплая, густая капля его спермы.

Дмитрий переводит взгляд вниз, не говоря ни слова, свешивается с края кровати и поднимает свое полотенце с пола. Спокойным движением он сам вытирает мягкой тканью кожу между моих ног и бедра, убирая влагу, и отбрасывает полотенце на пол.

Затем он перекатывается на спину рядом со мной — и в ту же секунду резко морщится, с коротким шипением втягивая воздух сквозь зубы, когда его расцарапанные в кровь лопатки вжимаются в простыню.

— Черт... — с коротким смешком выдыхает он, приподнимая одно плечо от матраса, а другой рукой тут же подхватывает меня за талию и перетягивает к себе, укладывая мою голову себе на грудь. — Дикая. Ты мне реально кожу на спине спустила.

Он нащупывает одеяло на кровати, натягивает его на нас обоих до плеч и закидывает свободную руку себе за голову на подушку. Вторая его ладонь тяжело и тепло ложится на мое голое бедро, лениво поглаживая кожу большим пальцем.

— Что касается лучшего секса в твоей жизни... — негромко говорит он. — Привыкай. Сдавать позиции я не планирую. Сколько там сейчас на часах? У тебя завтра есть заказы днем или ты свободна?

Я поворачиваю запястье — экран часов на секунду загорается в полумраке, высвечивая «02:04», и снова гаснет.

— Два ночи. И нет, на завтра заказов нет. А у тебя завтра есть дела?

Дмитрий переводит взгляд на мою руку. Он поднимает ладонь с моего бедра, берется пальцами за ремешок часов на моем запястье, расстегивает застежку и аккуратно снимает их. Дотянувшись свободной рукой до прикроватного столика, он кладет часы на него.

— Даже часы снять не успела, — с короткой усмешкой замечает он, возвращая ладонь к моей руке и проводя большим пальцем по слабой полоске на коже, оставшейся от ремешка.

Он на пару секунд задумывается, глядя перед собой в полутемную комнату, и отвечает спокойно, прикидывая расклад:

— В воскресенье в офисе и на объектах меня никто не ждет, если не случится форс-мажора. Но пара дел есть. Во-первых, моя машина осталась за городом у Максима — нужно будет ее забрать. Во-вторых, придется заехать к себе: взять вещи на первое время и спокойно, без свидетелей проговорить со Светланой условия разъезда. Вчерашней футболки на полу в твоей спальне мне надолго не хватит.

Дмитрий поворачивает голову на подушке и перекладывает ладонь мне на талию, чуть притягивая ближе к своему боку.

— Но с утра пораньше я никуда срываться не собираюсь, — добавляет он. — Сначала выспимся и позавтракаем. Или у тебя на этот выходной были свои планы, в которые я не вписываюсь?

Стратег: Развод, документы, юристы, бывшая жена, дележка имущества.. Да-а, знатно мы вторглись в его жизнь.

Психолог: Интересно.. Контролирующий тип за один вечер перевернул свою жизнь вверх дном. И лежит довольный. Отмечаю силу его характера. Его не так-то просто прогнуть внешними обстоятельствами.

Женщина 30+: Меня больше волнует, что он думает делать дальше. Он поедет жить в отель, к нам, или еще куда-то? Спросим?

Стратег: Спросим. Только не выдаем варианты. Сам скажет.

Психолог: Он, кстати, вопрос задал с контекстом «скажи, что я для тебя важен». Манипуляция.

Стратег: Слышу.

— Жизнь у тебя вверх дном перевернулась за один вечер... — говорю я, глядя на него. — Ты уже решил, что будет дальше?

Дмитрий не сразу отвечает. Его ладонь на моей талии лежит неподвижно и тепло, пальцы чуть ощущают мое дыхание. В полумраке видно, как спокойно и сосредоточенно он смотрит куда-то поверх моей головы, складывая в уме картину предстоящих дней.

— Она не перевернулась. Она наконец встала на свое место, — произносит он ровно. — То, что случилось за городом, — это просто финал процесса, который шел последний год. Я давно понимал, что этот брак мертв, просто не было повода резать прямо сейчас. А сегодня этот повод появился.

Он поворачивает голову, встречаясь со мной взглядом вплотную.

— Если ты про быт и юридическую часть — тут все просто, — продолжает он деловым, размеренным тоном. — Завтра соберу основные вещи и перееду в свою городскую квартиру

на Пресне, она пустует. В понедельник подключу юристов, чтобы подготовили соглашение о разделе имущества. Детей у нас нет, делить бизнес я не позволю, а загородный дом и отступные оставлю Светлане без торгов — мне проще заплатить и закрыть вопрос быстро, чем тянуть грязь месяцами.

Его пальцы на моем боку чуть сжимаются, он сдвигает ладонь выше, поглаживая мои ребра, и в его голосе появляется более низкая, личная нота:

— А вот что касается нас с тобой... — Дмитрий чуть прищуривается, разглядывая мое лицо в мягком свете ночника. — Тут я тоже все решил. Терять время на долгие ухаживания на дистанции и встречи раз в неделю я не буду. Я хочу, чтобы ты была рядом. Но давить и перевозить твои вещи к себе завтра утром я не стану — знаю, что ты упрямая и тебе нужно свое пространство. Так что начнем с простого: завтра вечером, когда я разберусь с машиной и вещами, я заберу тебя к себе. Или приеду сюда с нормальным ужином. Какой вариант тебя меньше пугает?

— «Не давить» — это, по-твоему, забрать меня не утром, а подождать до вечера? — Чуть усмехаюсь я. — И что значит «я заберу тебя к себе»?

Грудь Дмитрия под моей щекой вздрагивает от короткого смеха. Он поворачивает голову ко мне.

— Для моих обычных темпов подождать до вечера — это почти образец выдержки, — спокойно признает он, ничуть не смущаясь. — Могла бы и оценить.

Его пальцы на моих ребрах начинают неторопливо перебирать кожу, поднимаясь к плечу и обратно. Он чуть сдвигается на подушке, подкладывая согнутую в локте руку себе под голову, чтобы лучше видеть мое лицо.

— А «заберу к себе» значит ровно то, как это звучит, — продолжает он прямым, уверенным тоном. — Я заеду за тобой вечером, посажу в машину и привезу в свою квартиру на Пресне. Покажу, где я живу, накормлю ужином и оставлю у себя на ночь. Без переезда с чемоданами и сдачи твоей квартиры хозяйке прямо с порога.

«Посажу, привезу, накормлю, оставлю». Отличный набор домашнего тирана.

Психолог: По краю ходит.

Стратег: Пока приемлемо. По крайней мере, не давит с переездом. Вслух.

Дмитрий чуть прищуривается, перехватывая пальцами прядь моих темно-русых волос, упавшую ему на ключицу, и медленно наматывает ее на указательный палец.

— Или ты решила, что я тебя под замок посажу и ключи от твоей машины отберу? — с легкой усмешкой спрашивает он, дернув за кончик пряди. — Говори прямо, как ты себе представляешь завтрашний вечер. Я слушаю.

— Вообще не знаю, чего от тебя ждать, поэтому и уточняю, — говорю с улыбкой.

Я кладу ладонь ему на грудь и медленно веду пальцами по гладкой, горячей коже. Как приятно к нему прикасаться..

— Ладно. В гости, значит. В гости я согласна. Ужин. Только не нужно слишком мудрить с едой, ладно?

Дмитрий опускает взгляд, наблюдая, как моя узкая ладонь скользит по его телу, и в его глазах мелькает теплая усмешка.

— Договорились. Никаких сложных блюд, — спокойно обещает он. — Куплю нормальные стейки и пожарю сам. И картошку на гарнир.

Он накрывает мою блуждающую ладонь своей широкой рукой, останавливая ее прямо у себя на груди, там, где ровно и мощно бьется сердце.

— А насчет того, чего от меня ждать... — Дмитрий чуть сдвигается, удобнее устраивая мое плечо у себя под мышкой. — Правильно делаешь, что уточняешь. Я не люблю ребусы, намеки и женские игры в молчанку. Если я слишком давлю или тебя что-то не устраивает — говори прямо, как сейчас. Со мной так гораздо проще договориться.

Он приподнимается на локте, тянется свободной рукой через меня к тумбочке у изголовья и нащупывает пальцами кнопку приглушенного ночника, но не нажимает ее сразу, а смотрит на меня сверху вниз:

— Свет гасить или оставим?

— Выключай... — говорю я.

Раздается сухой щелчок тумблера, и мягкий свет ночника гаснет.

Дмитрий опускается обратно на подушку, устраиваясь на боку лицом ко мне, и я в темноте тянусь к нему, касаясь губами его губ — нежно, мягко и спокойно.

Его губы теплые и расслабленные; он отвечает на мой поцелуй так же неторопливо, приоткрывая рот и мягко сжимая мои губы в ответ, а его широкая ладонь ложится мне на шею сбоку, большим пальцем легко поглаживая линию скулы.

Нежный, мягкий и теплый.. Боже, ну почему то, что он говорит, и то, какой он тактильно, настолько разное?!

Женщина 30+: Слава богу, что во сне он будет молчать.

Скептик: Кстати, о технике безопасности в порыве страсти никто, конечно, не вспомнил.

Стратег: Спокойно. Противозачаточные мы пьём по часам, этот вопрос закрыт.

Когда поцелуй заканчивается, Дмитрий не убирает лица — остается на расстоянии пары сантиметров, ровно и глубоко дыша. Затем он чуть сдвигается, подтягивает сбившееся одеяло выше к моим плечам, закрывая спину, и тяжелой рукой перехватывает меня поперек талии, прижимая к себе вплотную.

Он устраивает подбородок у меня на макушке, переплетает свои ноги с моими и негромко говорит в темноте:

— Будильник на утро даже не вздумай ставить.

Глава 3. Первое утро

Дневной свет пробивается сквозь узкую щель между шторами, ложась светлой полосой на ламинат и край смятого одеяла.

Я просыпаюсь от ощущения тепла рядом.

Дмитрий занимает добрые две трети моей кровати. Он лежит на животе, повернув голову в мою сторону, а его рука перекинута поперек моей талии, прижимая меня к его боку. При свете дня в моей небольшой спальне он кажется еще крупнее: широкие плечи едва помещаются на подушке, а на коже его лопаток, открытых сползшим до поясницы одеялом, отчетливо видны длинные красные полосы от моих ногтей.

На прикроватном столике, прямо рядом со снятыми ночью часами, лежит экраном вниз его смартфон.

Уже просыпался?.. Боже, какой он приятный.. Лежать бы так и лежать.

Стоит мне пошевелиться, как его пальцы на моей талии сразу оживают. Его ладонь скользит под одеялом вниз по моему голому бедру, сжимая кожу. Он сдвигается вплотную, подтягивая меня к себе. Его прикосновения нежные, тягучие, сонные. Идеальное утро.

Дмитрий открывает глаза, чуть щурясь от дневного света. Он перекатывается на бок, закидывая ногу поверх моих голеней. Проводит небритой щекой по моему плечу к шее и спрашивает хриплым со сна голосом:

— Доброе утро, Ви. Выспалась?

— Выспалась, — говорю я с ленивой утренней улыбкой. — И очень приятное пробуждение.. Ты всегда такой по утрам?..

Я сладко потягиваюсь под тёплым одеялом и мягко обвиваю руками его широкую грудь и плечо, прижимаясь к нему всем телом. Мой живот и голое бедро упираются в его горячий, твёрдый утренний стояк, а щека ложится на его тёплую кожу, под которой ровно и спокойно бьётся сердце.

Дмитрий тихо, грудно усмехается, и эта вибрация отзывается в моей груди. В нём нет вчерашней лихорадочной спешки — его большое тело расслаблено после сна, движения плавные и ленивые. Он плотнее укрывает меня одеялом и смотрит сверху вниз долгим, тёплым взглядом. В утреннем свете, пробивающемся сквозь шторы, он откровенно любуется мной: моими растрёпанными со сна волосами, сонными глазами и мягкой улыбкой на припухших губах.

Его свободная рука неспешно скользит по моей обнажённой спине, оглаживает изгиб талии и поднимается к лицу. Он осторожно убирает прядь с моей щеки и проводит подушечкой большого пальца по скуле и уголку губ.

— Дело не в том, какой я всегда, — хрипловато со сна, но очень мягко произносит он. — Дело в том, что рядом ты.

Я чуть запрокидываю голову, встречаясь с его потемневшими, внимательными глазами, и ласково провожу кончиками пальцев по его плечу.

— Я уже лет пять так не просыпался, — негромко признаётся он, продолжая невесомо гладить мою щёку и шею. — Открыл глаза полчаса назад, выключил звук на телефоне и поймал себя на том, что просто лежу и боюсь пошевелиться, чтобы тебя не разбудить. Отвык, что утром рядом может быть тепло. И что из постели не хочется уйти в душ в первую же секунду.

От его слов внутри разливается мягкое тепло. Я улыбаюсь, тянусь к нему и касаюсь губами его подбородка, колючего от густой утренней щетины, а затем целую в уголок рта. Дмитрий тут же откликается: поворачивает голову и накрывает мои губы своими в тягучем, неторопливом утреннем поцелуе, ласково прихватывая и сминая мою нижнюю губу.

Его ладонь крепче сжимает моё бедро, прижимая меня к себе, и в ответ на это движение моя рука медленно спускается от его груди вниз по животу. Я ныряю ладонью глубже под одеяло и мягко, уверенно обхватываю пальцами его горячий, налитой тяжестью член, ведя рукой вдоль твёрдого ствола, отчего Дмитрий прямо в мои губы выпускает низкий, полный чистого утреннего кайфа выдох.

Я не тороплюсь — моя ладонь скользит по горячему, бархатистому стволу плавно и размеренно, с лёгким нажимом огибая набухшую головку и растирая выступившую на ней прозрачную каплю смазки. Дмитрий не разрывает поцелуя, только запускает пальцы в мои волосы на затылке и медленно, в такт моей руке, подаётся бёдрами вперёд. Его дыхание становится глубже и тяжелее, согревая мои губы и щёку, а под моими пальцами ощутимо бьётся частый, тугой пульс.

Мягко надавив свободной ладонью ему на грудь, я толкаю его на спину. Дмитрий охотно поддаётся, перекатываясь на подушки, и в ту секунду, когда его лопатки плотно прижимаются к простыне, он коротко втягивает воздух сквозь зубы — ночные царапины от моих ногтей отзываются горячим жжением. По его лицу скользит ленивая, невероятно довольная усмешка.

Я приподнимаюсь и перекидываю ногу через его бёдра, усаживаясь сверху. Одеяло сползает вниз, открывая меня утреннему свету, и взгляд Дмитрия тут же меняется — становится густым и жадным. Он укладывает обе широкие ладони на мои бёдра и медленно ведёт ими вверх по гладкой коже к талии и рёбрам, глядя на меня снизу вверх так, словно не может насмотреться. Его большие пальцы оглаживают нижний изгиб моей груди, поднимаются выше и ласково дразнят порозовевшие, чуткие соски, отчего по моей коже бегут мурашки.

— Какая же ты красивая с утра.. — хрипло выдыхает он, запрокидывая голову на подушку, когда я наклоняюсь к нему, опираясь одной рукой о матрас у его плеча, а второй продолжая неспешно ласкать его член. — Просто сойти с ума.

Я провожу кончиком носа и губами по его колючей скуле, спускаюсь к горячей пульсирующей жилке на шее и оставляю там влажный, тягучий поцелуй, чувствуя, как пахнет его нагретая сном кожа.

— Не хочется от тебя отрываться.. — тихо шепчу я прямо в его шею.

Дмитрий прикрывает глаза, и из его груди вырывается низкий, протяжный стон удовольствия. Его ладони спускаются на мои ягодицы, мягко, но властно сжимая их и прижимая меня плотнее к своему паху. Я убираю руку и подаюсь бёдрами вперёд, позволяя его твёрдому, горячему стволу лечь прямо между моих влажных, разгорячённых складок. Не спеша впускать его внутрь, я начинаю медленно покачивать тазом, скользя набухшим клитором и собственной горячей влагой вдоль его длины.

От этого мягкого, скользкого трения Дмитрий шумно выдыхает сквозь приоткрытые губы, его пресс под моим животом напрягается, а пальцы на моих бёдрах сжимаются ощутимее, помогая мне задавать это тягучее, дразнящее движение.

— Чёрт.. что ты со мной делаешь, — глухо произносит он, глядя прямо в мои глаза из-под полуопущенных век и чуть приподнимая таз навстречу каждому моему скольжению. — Иди ко мне.. хочу почувствовать тебя изнутри.

Я чуть приподнимаюсь на коленях, придерживаясь одной рукой за его плечо, а второй направляю его твёрдый, раскалённый член к самому входу. Сделав глубокий вдох, я медленно, сантиметр за сантиметром, опускаюсь на него сверху. Тугие, обильно увлажнённые складки мягко расступаются, обхватывая сначала широкую головку, а затем и весь горячий ствол до самого основания.

От этого плотного, обволакивающего жара у Дмитрия перехватывает дыхание. Он слегка запрокидывает голову на подушку, с губ срывается низкий, протяжный стон, а пальцы на моих бёдрах сжимаются крепче, принимая мой вес и помогая мне сесть до конца. Когда мои ягодицы плотно прижимаются к его паху, а внутри не остаётся ни миллиметра свободного пространства,

я замираю на пару секунд, привыкая к этой сладкой, распирающей полноте и с удовольствием наблюдая за тем, как меняется его лицо.

Дмитрий открывает потемневшие, подёрнутые поволокой глаза и смотрит на меня снизу вверх с таким откровенным восхищением и кайфом, что внутри всё теплеет ещё сильнее. Я упираюсь обеими ладонями в его широкую грудь, чувствуя под пальцами горячую кожу и тяжёлый, частый стук сердца, и начинаю двигаться.

Сначала я задаю плавный, тягучий утренний ритм — мягко покачиваю бёдрами по кругу и вперёд-назад, втираясь набухшим клитором в основание его ствола. В утренней тишине спальни каждое моё движение сопровождается тихим, влажным скольжением и нашим общим сбивчивым дыханием. Мои волосы рассыпаются по плечам, я прогибаюсь в спине, и Дмитрий буквально поедает глазами каждый изгиб моего обнажённого тела в полосе дневного света.

— Блядь.. — хрипло, на выдохе произносит он, не сводя взгляда с моего лица и полуприкрытых от удовольствия глаз. — Как же мне с тобой хорошо.. Ты бы видела себя сейчас.

Его таз начинает мягко и мощно подаваться вверх навстречу каждому моему движению вниз, отчего его член входит ещё глубже, выбивая из меня тихие, прерывистые вздохи. Его широкие ладони скользят от моих бёдер вверх по гладким бокам и накрывают мою грудь, покачивающуюся в такт толчкам. Он с жадным удовольствием сжимает упругую плоть, большими пальцами лаская и перекатывая затвердевшие соски.

Я прогибаюсь в пояснице навстречу его рукам, ускоряя темп и накрывая его ладони своими. Поймав моё движение, Дмитрий уводит одну руку вниз по моему животу, и его большой палец ложится прямо на мой чуткий, скользкий от смазки клитор, начиная мягко, в такт моим покачиваниям на его стволе, оглаживать его круговыми движениями.

От двойной ласки — глубокого, плотного трения внутри и мягких круговых движений его большого пальца по набухшему клитору — по низу моего живота прокатывается горячая, тягучая волна. Дыхание сбивается, с моих губ срывается более громкий, протяжный стон, и я невольно сжимаю его ствол внутренними мышцами, наклоняясь вперёд и цепляясь пальцами за его широкие плечи.

Почувствовав этот тугой спазм вокруг своего члена, Дмитрий глухо рычит сквозь зубы. Расслабленная утренняя нега в его взгляде сменяется густым, тёмным голодом. Не выходя из меня ни на сантиметр, он напрягает пресс и легко приподнимается на матрасе, подхватывая меня под спину и прижимая вплотную к своей груди.

В этом положении сидя, лицом к лицу, угол меняется, и он входит в меня ещё глубже, заполняя до самого предела. Я вскрикиваю, обхватывая его шею руками, а Дмитрий жадно ловит мои губы горячим, глубоким поцелуем, сжимая ладонями мои ягодицы и несколько раз мощно, плотно прокатывая меня на себе.

— Мне всё мало тебя.. — хрипло, прямо в мои губы выдыхает он, отрываясь на секунду и заглядывая в мои глаза. — Сколько ни трогай, не могу тобой надышаться. Хочу тебя по-другому.. повернись ко мне, иди сюда.

Он бережно приподнимает меня за бёдра — его горячий, блестящий от нашей общей влаги член выскальзывает наружу, оставляя внутри секунду томительной пустоты, — и мягко направляет меня, помогая перевернуться на кровати.

Я охотно поддаюсь его рукам: встаю на колени, опускаюсь грудью и локтями на простыню и расслабляю поясницу, прогибаясь в спине и приподнимая бёдра навстречу ему.

Дмитрий устраивается на коленях позади меня и на пару секунд замирает, оглаживая обеими ладонями мои ягодицы, изгиб талии и гладкую кожу спины. Я слышу за спиной его тяжёлый, восхищённый стон. Он наклоняется, проводит колючей щекой вдоль моего позвоночника, оставляя горячий, влажный поцелуй между моих лопаток, и возвращается обратно.

— Какая же ты сладкая.. с ума сводишь, — низко произносит он, пристраивая набухшую головку к моим влажным, раскрытым складкам.

Удерживая меня одной рукой за талию, он плавным, но мощным движением бёдер входит в меня сзади сразу на всю длину, пока его пах плотно не прижимается к моим ягодицам. От новой, непривычно острой глубины я выдыхаю в подушку протяжное «а-ах..», комкая пальцами простыню, а сам Дмитрий прикрывает глаза, запрокидывая голову.

Он не срывается на грубость — даже в этой позе его движения остаются глубокими, чувственными и тягучими. Он качает бёдрами размеренно и сильно, с каждым толчком входя до самого упора, так что по спальне разносится мягкий, влажный звук соприкосновения нашей кожи. Я сама начинаю подаваться тазом назад, встречая каждое его движение и подстраиваясь под его ритм, а Дмитрий склоняется над моей спиной, прижимаясь горячей грудью к моим лопаткам. Он убирает мои волосы на одну сторону и целует меня в плечо и за ухом, пока его свободная рука скользит по моему животу вниз, возвращаясь пальцами к пульсирующему клитору.

Его пальцы легко находят мой набухший, скользкий от обильной смазки клитор и начинают ласкать его уверенными, ритмичными кругами, точно попадая в такт глубоким толчкам сзади. От того, как его горячая, широкая грудь прижимается к моей спине, а тяжёлое дыхание обжигает кожу за ухом, удовольствие становится густым и обволакивающим. Я поворачиваю голову на подушке и увожу одну руку назад, обхватывая пальцами его крепкое бедро, и сама начинаю ещё активнее подаваться тазом навстречу каждому его движению.

Дмитрий тут же ловит мой порыв: его ладонь скользит с моей талии, накрывает мою грудь и сжимает её, пока он продолжает размашисто, до самого основания входить в меня. Его губы скользят по моей щеке, находят уголок моего рта, и я отвечаю на этот неудобный, но оттого ещё более жаркий, жадный поцелуй, постанывая прямо в его приоткрытые губы.

— Блядь, Ви.. как же ты меня сжимаешь, — хрипло, срываясь на горячий шёпот у моей щеки, выдыхает он, ускоряя движения бёдер и чуть сильнее нажимая подушечками пальцев на мой клитор. — Такая узкая, мокрая.. Я в тебе просто растворяюсь. Давай, хорошая моя, не сдерживайся.. хочу чувствовать, как ты кончаешь на мне.

Его низкий голос у самого уха, быстрые, безошибочные движения пальцев внизу живота и глубокие, плотные толчки внутри складываются в одну невыносимо сладкую волну. Меня накрывает мощно и мягко одновременно: дыхание перехватывает, я выгибаюсь в пояснице, прижимаясь лопатками к его груди, и с моих губ срывается протяжный, звонкий стон. Внутри всё сжимается горячими, частыми пульсациями, плотно обхватывая его ствол.

— Дима! Сейчас! — не сдерживаюсь я.

Когда я содрогаюсь и сжимаю его изнутри, Дмитрий глухо, протяжно стонет, утыкаясь лицом в изгиб моей шеи и плеча. Он делает ещё несколько глубоких, сильных толчков, загоняя член до самого упора, и замирает, прижимая меня к себе обеими руками и изливаясь глубоко внутрь горячими, тяжёлыми толчками спермы. Я чувствую каждую пульсацию его тела, слышу его рваный выдох у моей кожи и то, как медленно спадает напряжение в его широких плечах, пока он покрывает нежными поцелуями моё плечо и затылок.

Спустя несколько долгих секунд он осторожно выскальзывает из меня — по внутренней стороне моего бёдра тут же сбегает тёплая капля нашей общей влаги — и мягко опускается вместе со мной на сбившиеся простыни. Перекатившись на бок, Дмитрий бережно разворачивает меня лицом к себе, притягивает в кольцо рук и натягивает одеяло нам обоим на плечи.

Он лежит совсем близко, глядя на моё раскрасневшееся лицо потемневшими, подёрнутыми тёплой поволокой глазами, и ласково убирает влажные пряди с моего лба и щеки, прежде чем коснуться губами кончика моего носа.

Я перевожу дыхание и с тихим, довольным смешком смотрю в его глаза:

— Вот теперь — доброе утро.

Дмитрий тепло усмехается уголком губ, притягивая меня ещё ближе к своей груди и неспешно поглаживая широкой ладонью мою спину под одеялом:

— Мне уже нравится, как оно начинается.

Он чуть поворачивает голову, косясь на прикроватный столик, где рядом со снятыми ночью часами лежит экраном вниз его смартфон, и снова возвращает взгляд ко мне.

— Судя по солнцу за шторой, утро мы уже благополучно проспали, там сейчас минимум полдень, — с легкой усмешкой замечает Дмитрий, проводя большим пальцем по моему нижнему ребру. — Полежим еще немного или пойдем в душ и проверим, что у тебя на кухне есть съедобного?

Женщина 30+: Я хочу спросить..

Скептик: Что?

Женщина 30+: Я сомневаюсь..

Скептик: В чем?

Женщина 30+: Что, он за всё это время в браке ни разу не встречал адекватных женщин? Он такой красивый, богатый, сильный. Почему за 8 лет это произошло впервые?

Психолог: И так крышесносно, по его словам. Спроси.

Я приподнимаюсь, опираясь на локти, смотрю на него и спрашиваю:

— Дим.. почему я? Неужели тебе не встречались нормальные девушки за это время? Почему вчера у тебя сорвало крышу так? Я не очень понимаю..

Усмешка сходит с лица Дмитрия. Его пальцы на моей талии замирают.

Он не пытается отшутиться или уйти от ответа. Несколько секунд он молча смотрит на меня снизу вверх, а затем чуть сдвигается, свободнее закидывая одну руку за голову на подушку, а второй ладонью обхватывая мое предплечье, которым я опираюсь о матрас.

— Встречались разные, — спокойно и прямо говорит он. — Только в том кругу, где я вращаюсь, у меня давно выработался иммунитет. На мероприятиях и в ресторанах я привык за первые две минуты замечать, что женщине нужно: пристроить свой проект, посчитать стоимость моих часов или занять место рядом для статуса. Та же холодная витрина, что была у меня дома. А заводить интрижки на стороне просто ради физиологии, врать и прятаться по отелям — это вообще не ко мне. Мне проще было закрыться в офисе и пахать на объектах до ночи.

Он проводит большим пальцем по коже моего предплечья от локтя к запястью.

— Я вчера ехал к Максиму с единственным желанием — отбыть обязательную программу за полтора часа и уехать, — продолжает Дмитрий, глядя прямо в мои глаза. — А потом спустился по лестнице и увидел тебя у стола. Ты спокойно разложила фишки, поймала мой взгляд и не стушевалась. На первой же раздаче увидела мой мусор с двойкой и семеркой — и промолчала. А когда я зажал тебя на кухне у холодильника, ты вместо того, чтобы хлопать ресницами или пугаться, глянула мне в глаза и приложила насчет Светланы так, что у меня впервые за черт знает сколько времени внутри все включилось.

Он переводит руку со сгиба моего локтя выше, к плечу, убирая упавшую прядь волос за мое ухо, и задерживает ладонь на моей шее.

— А окончательно крышу у меня сорвало, когда ты отказалась от пафосного меню у Марко, попросила обычную жареную картошку и повезла меня по Москве под свои песни в телефоне, — в его голосе слышится тепло. — В тебе нет ни грамма фальши. Ты просто живая. И когда ты вчера ночью в ресторане погладила мне палец там, где было кольцо, и сказала, что веришь мне.. я понял, что если сейчас отпущу тебя одну домой — буду полным идиотом.

Его пальцы на моей шее чуть сжимаются, большой палец касается моего подбородка, приподнимая его на миллиметр:

— Теперь понятнее, или ты все еще думаешь, что на твоем месте вчера могла оказаться любая другая?

Стратег: Технически — могла. Ну не любая. Но все равно не прям убедил.

Женщина 30+: Ну.. Не будем его допрашивать. По крайней мере его слова звучат искренне.

— Отчасти.

На мое короткое «отчасти» Дмитрий тихо, одними уголками губ усмехается — без обиды и без попытки немедленно переубедить меня словами. Я опускаюсь обратно к нему, и он крепко обхватывает меня рукой поперек спины, прижимает к своей груди и утыкается подбородком в мои растрепанные волосы. Пару минут мы лежим молча. Под моей щекой бьется его сердце, а он перебирает мои волосы.

Я задумчиво вожу пальцами по его коже, обдумывая то, что он сказал. Причины, скажем честно, не прям особенные. Я просто вела себя так, как веду обычно. Не оглядываясь на то, что «скажут люди» или «так принято». И его это поразило. По крайней мере он точно был бы полным идиотом, если бы отпустил меня. В этом я с ним не спорю.

Спустя пару минут мы поднимаемся в душ.

В душе горячие струи быстро смывают с кожи следы утренней близости. Когда вода попадает на свежие полосы от моих ногтей на его лопатках, мышцы на его спине коротко вздрагивают, и он втягивает воздух сквозь зубы, но тут же поворачивается ко мне, забирая из моих рук лейку и помогая смыть пену с плеч.

Черт, его тело и запах сводят с ума. Как будто воплощение моих самых горячих фантазий в одном человеке. А эти скулы и глаза.. И этот мужчина теперь мой.

Женщина 30+: Наш. Весь.

Пока я в спальне натягиваю мягкую домашнюю футболку с шортами и собираю влажные на концах волосы, Дмитрий растирает голову полотенцем и надевает свои темные джинсы. Перед тем как выйти следом за мной, он забирает с прикроватного столика свой телефон, берет свои часы и на ходу разблокирует экран и бегло просматривает уведомления.

Я иду на кухню готовить завтрак и ставлю турку с кофе на двоих.

Спустя минут десять на кухне пахнет свежесваренным кофе. Шкварчит омлет, на разделочной доске лежат нарезанные овощи, подрумяниваются тосты, а у узкого горлышка турки уже начинает собираться плотная темная пенка.

Дмитрий заходит на кухню босиком, с голым торсом — при ярком дневном свете из окна следы моих пальцев на его плечах и спине выделяются особенно четко. Он кладет телефон и свои часы на край обеденного стола, подходит ко мне со спины и обнимает за талию поверх тонкого хлопка футболки, прижимаясь животом и грудью к моим лопаткам.

От этого объятия по телу разливается волна уютного тепла. Как давно я не чувствовала себя так. Спокойно, защищенно. Кажется, что весь остальной мир встал на паузу, пока он обнимает меня.

Он опускает голову, касается губами открытого участка кожи на моей шее прямо под собранными волосами и пару секунд просто дышит мной и густым кофейным ароматом.

— Сто лет не видел, чтобы кофе варили в настоящей турке, а не нажимали кнопку на кофемашине, — говорит он у моей шеи.

Заметив, что темная шапка пены в турке начинает дрожать и подниматься к самому краю, он не размыкает одной руки на моей талии, а второй тянется к деревянной ручке и вовремя приподнимает турку над конфоркой, не давая кофе убежать.

Я на пару мгновений прикрываю глаза, растворяясь в этом уютном объятии и говорю негромко:

— Сто лет не чувствовала себя так в чьих-то руках..

Рука на моей талии ощутимо сжимается. Дмитрий отставляет турку на соседнюю холодную конфорку, выключает плиту и возвращает вторую ладонь ко мне, смыкая руки у меня на животе и притягивая меня спиной к своей груди плотнее.

Несколько секунд он просто стоит молча. Его подбородок опускается на мое плечо, его щека прижимается к моей, а выдох касается шеи.

— В чьих-то и не надо, — произносит он у самого моего уха, поглаживая меня сквозь тонкую ткань футболки чуть ниже ребер. — Привыкай к моим.

Он невесомо целует меня в висок, задерживаясь губами у линии волос, и только когда омлет на сковороде начинает чуть громче шкварчать, давая понять, что он полностью готов, Дмитрий мягко размыкает объятия.

Не отходя далеко, он тянется к верхнему шкафчику над мойкой — туда, откуда ночью уже доставал посуду, — берет две чашки и ставит их рядом с плитой. Пока я убираю сковороду с огня, он берет турку и аккуратно, в несколько заходов разливает кофе по чашкам, после чего прислоняется бедром к краю столешницы в полушаге от меня, переводя взгляд на мое лицо.

Вчера вечером он точно так же стоял возле меня у стола в гостиной Анны и Максима. Весь такой хищник на охоте. А сейчас, посмотрите на него: домашний довольный кот.

Я наливаю в свою чашку молока и добавляю сахар, Диме ставлю стакан с водой. Раскладываю омлет по тарелкам, ставлю их на стол и сажусь есть.

— Приятного, надеюсь, ты такое ешь, — говорю с улыбкой.

Дмитрий берет со столешницы обе чашки, переносит их на стол у окна и садится напротив меня. Его взгляд задерживается на стакане холодной воды, который я поставила на стол, — его глаза заметно теплеют.

В ответ на мою улыбку уголки его губ мягко приподнимаются.

— Взаимно, — он делает глоток воды, затем пробует горячий, крепкий кофе через густую пенку и одобрительно кивает. — Если ты думаешь, что я питаюсь исключительно тартаром и черной икрой, то сильно меня недооцениваешь. Обычный горячий завтрак, который приготовили своими руками, а не принесли по меню или из доставки — я уже и забыл, когда такое было в последний раз.

Он берет вилку и принимается за омлет с тостами с аппетитом — сказываются и почти бессонная ночь, и наше долгое утро. Под столом его теплая босая ступня находит мою ногу и легко прижимается к щиколотке, сохраняя это небрежное, домашнее касание, пока мы едим.

Расправившись со своей порцией, Дмитрий откладывает вилку на край пустой тарелки, берет чашку с кофе и откидывается на спинку стула. Солнечный свет ложится ему на плечо. Он допивает кофе и смотрит на свои часы, лежащие на углу стола рядом с телефоном.

— Через полчаса буду выдвигаться за город, — спокойно говорит он, ставя пустую чашку на блюдце. — Возьму такси до поселка Максима, заберу свою машину, а оттуда сразу поеду в дом. Соберу вещи на первое время и закрою разговор со Светланой, чтобы не тянуть резину. К шести-семи вечера уже должен полностью освободиться, закину сумки на Пресню и сразу приеду за тобой.

Мой телефон, оставленный на кухонной тумбе, начинает вибрировать и играть мелодию вызова. На загоревшемся экране высвечивается имя: «Даня». Я откладываю вилку, вытираю рот салфеткой и спокойно беру телефон.

Когда я беру трубку и подношу телефон к уху, в динамике на фоне приглушенного уличного шума и хлопка автомобильной двери сразу раздается бодрый, хорошо знакомый голос старшего брата. В тишине кухни его баритон пробивается из динамика достаточно отчетливо, чтобы Дмитрий уловил мужской тембр.

Дмитрий смотрит на меня, но звонок не комментирует. Он молча поднимается из-за стола, забирает обе пустые тарелки с чашками и относит их в раковину, включая воду совсем тонкой, почти бесшумной струей.

— Алло, Ви, привет! — тем временем весело говорит в трубку Даня, и слышно, как у него в машине мягко гудит заведенный двигатель. — Ты как, все нормально? Слушай, я тут часа через два собираюсь к родителям заскочить на обед, мама уже с утра интересовалась, куда ты пропала. Ты как сегодня, без заказов? Захватить тебя по дороге?

— Доброе, Дань. Через два? Давай. Как раз день свободен. Буду тебя ждать.

— Отлично! — бодро отзывается Даня в трубке. — Маме тогда скажу, чтобы на тебя тоже рассчитывала. Наберу минут за десять, как буду подъезжать к твоему двору. Давай, до встречи!

В динамике раздаются короткие гудки, а в кухне внезапно становится очень тихо — тонкая струя воды в раковине уже перекрыта.

Дмитрий стоит в паре шагов от меня, прислонившись поясницей к краю столешницы у мойки, и медленно, сосредоточенно вытирает руки кухонным полотенцем. Он смотрит на меня уже совсем иначе, чем минуту назад за чашкой кофе: внимательно, словно складывая что-то в уме.

Он откладывает полотенце и скрещивает руки на груди, отчего свежие красные полосы на его плечах натягиваются.

— Интересный расклад, — произносит он, глядя на меня. — Я еще за порог выйти не успел, а у тебя уже, оказывается, совершенно свободный день, и ты через два часа ждешь какого-то Даню?

Психолог: Началось..

Стратег: Предсказуемо.

Психолог: Отличная возможность для калибровки.

Стратег: Ага. Про брата сразу не говорим.

Я кладу телефон на стол, откидываюсь на спинку стула и задумчиво кручу локон.

— Ты уже напридумывал себе, да?

Дмитрий переводит взгляд на мои пальцы, накручивающие прядь волос.

Он отталкивается от столешницы у мойки, делает два шага и останавливается вплотную ко мне. Опирается одной ладонью о край стола рядом с моим телефоном, а второй берется за верх спинки моего стула прямо у плеча, нависая сверху и отсекая все остальное пространство кухни. От него тянет жаром, чистой кожей после душа и свежесваренным кофе.

— Я не из тех, кто придумывает. Я опираюсь на факты, — произносит он, глядя на меня сверху вниз. — А факты простые: мужской голос в динамике и твое обещание ждать его через два часа. Хотя, судя по тому, с каким спокойствием ты сейчас сидишь и наблюдаешь за моей реакцией, карты у тебя на руках вполне безобидные.

Психолог: О, «обожаю» таких. Сначала сделал выводы через свою картину мира, потом наехал. Спросить — зачем? Он ведь лучше всех знает, что происходит.

Он убирает руку со спинки стула, перехватывает пальцами ту самую прядь волос, которую я кручу, и наматывает ее на палец, чуть натягивая и оставляя ладонь у моей щеки.

— Ты ведь понимаешь, что если не будешь доверять мне, у нас не получится ничего нормального? — я чуть сужаю глаза, глядя ему в глаза. — Каждый мужской голос в трубке будет для тебя раздражителем. Каждая встреча, о которой ты не знаешь, будет доводить тебя до.. не знаю чего.

Пальцы Дмитрия на моей пряди разжимаются, выпуская локон, но руку он не убирает — его ладонь ложится мне на щеку, а большой палец проводит по скуле.

Он внимательно слушает меня, не перебивая. На словах «у нас» он чуть улыбается, но лицо остается серьезным и сосредоточенным.

— Во-первых, мне нравится, что ты уже говоришь «у нас», — негромко произносит он, и жесткая складка у его губ разглаживается. — А во-вторых.. давай сразу без иллюзий. Спокойным и безразличным в таких вещах я не буду никогда. Когда мужчине плевать, чей голос звучит в трубке у его женщины и с кем она проводит свободный день — это не высокое доверие. Это мертвая пустота. Я в такой пустоте прожил последние несколько лет и точно знаю, как она выглядит.

Женщина 30+: Да мы же не об этом!

Стратег: Тише-тише. Мы достучимся.

Женщина 30+: Мы же говорим про эту его реакцию!

Стратег: Я знаю.

Он убирает опорную ладонь со стола, выдвигает соседний стул сбоку от меня и садится так близко, что его колено упирается в мое бедро, а наши лица оказываются на одном уровне. Я слежу за его движениями и оцениваю его реакцию.

— Дело не в том, что я считаю тебя способной на двойную игру, — продолжает он спокойно и прямо, глядя мне в глаза. — Если бы я тебе не верил, мы бы сейчас разговаривали совсем в другом тоне. Просто вчера в это время мы с тобой еще даже знакомы не были. Между нами за одну ночь произошло столько, сколько у других за полгода не случается, но за пределами этой квартиры я о твоей жизни пока не знаю почти ничего. Ни о твоих близких, ни о друзьях, ни о каком-то Дане.

Дмитрий кладет предплечье на стол, накрывает ладонью мою кисть, лежащую рядом с телефоном, и мягко сжимает мои пальцы.

— Ладно. Но ведь день-то у меня действительно свободный. Или ты хочешь, чтобы я каждому своему знакомому или другу теперь говорила: «Извини, у меня появился ревнивый мужчина, мы больше не можем дружить»? А у меня есть друзья мужского пола вообще-то. Даже если Даня в эту категорию не относится — это не отменяет всех остальных.

На словах «даже если Даня в эту категорию не относится» взгляд Дмитрия меняется: на его губах мелькает усмешка.

Он переворачивает мою кисть в своей руке ладонью вверх и проводит большим пальцем по моему запястью.

— Значит, Даня у нас проходит по графе родственников, — констатирует он. — Брат, судя по тому, как просто вы общаетесь. Разыграла красиво, Валери, засчитано.

Психолог: Он меня немного бесит. Смотрите, как съехал с темы.

Он чуть сильнее сжимает мои пальцы, не отпуская руку, и уже серьезнее отвечает на мой вопрос:

— А что касается свободного дня и остальных.. Я уезжаю разгребать свои дела не для того, чтобы ты до вечера сидела в четырех стенах и смотрела на часы. И уж точно не собираюсь требовать, чтобы ты вычеркивала из жизни старых друзей или спрашивала у меня разрешения на встречи. Ты взрослая, самостоятельная женщина, мне в тебе именно это и нравится.

Психолог: Не верю. Гладко стелет, да жестко спать. Его первая реакция выдала его с головой.

Дмитрий чуть подается вперед:

— Но давай называть вещи своими именами. Я сам мужчина, и я с полувзгляда отличаю обычного приятеля от того, кто крутится рядом под видом «просто друга» и ждет своего шанса. От тебя мне нужно только одно — чтобы между нами не было слепых зон и недомолвок. Когда я знаю расклад и понимаю, кто есть кто в твоем кругу, я не стану дергать тебя по пустякам.

Психолог: Ну да. И, конечно же, вокруг меня вьются только такие типы, от которых нужно меня охранять. Один звонок! Один звонок, и он вскипел, как чертов чайник!

Женщина 30+: Вроде уже успокоился.

Стратег: Съехал с собственного косяка.

Психолог: Ладно. По крайней мере живая реакция и нет того холода, который мы видели вчера по отношению к Светлане. Ставим тройку с плюсом.

Он подносит мою руку к своему лицу и целует сначала костяшки пальцев, а затем переворачивает кисть и прижимается губами к тонкой коже на внутренней стороне моего запястья, прямо там, где бьется пульс, не отрывая взгляда от моих глаз. Я безотрывно слежу глазами за его действиями, не улыбаясь.

Говорю спокойно, не ведясь на его поцелуи:

— Знаешь, ты очень удобно сейчас вышел из ситуации, в которой нормальные люди вообще-то сначала спокойно спрашивают, какие планы, а не буравят взглядом и не кидают претензию, будто я уже в чём-то виновата.

Дмитрий замирает. Пару секунд он смотрит на меня снизу вверх, затем опускает мою кисть обратно на столешницу, разжимает пальцы и откидывается на спинку стула.

Прищур и полуулыбка сходят с его лица. Он ненадолго отворачивается к окну и сдержанно выдыхает.

— Ладно. Справедливо, — произносит он, снова поворачивая голову ко мне. Голос звучит суховато. — С претензией я действительно перегнул. Вместо того чтобы нормально спросить, начал давить с порога. Извини.

Психолог: Ого! Мы умеем извиняться!

Стратег: Я в шоке.

Женщина 30+: Не хочу эскалировать..

Он тянется к углу стола, забирает свои часы и не сразу, только со второго движения попадает язычком пряжки в нужное отверстие на кожаном ремешке. Застегнув часы на левом запястье, Дмитрий опускает предплечья на край стола и сцепляет пальцы в замок и смотрит на меня.

— Ты постараешься делать это по-другому? Я ведь даже сказать ничего не успела, только положила трубку, а у тебя на лице уже всё было написано.

Дмитрий смотрит на свои сцепленные пальцы. На словах про выражение лица уголок его рта кривовато дергается.

— За то, что у меня на лице в первую секунду написано, ручаться не буду — тут я себя вряд ли переделаю, — негромко отвечает он после небольшой паузы. — Но придержать язык и дать тебе сказать первой, вместо того чтобы сходу кидать претензии.. да, постараюсь.

Он расцепляет руки, опирается предплечьями о край стола и кладет ладонь на столешницу в паре сантиметров от моего запястья.

Психолог: Попытаемся поверить, что он обучаем. Даем позитивное подкрепление. Женщина, твой выход. Раскрываем карты про брата и обозначаем границы.

Мягко кладу свою руку на его и говорю:

— Спасибо, что услышал. И да, Даня — это мой брат, и он позвал меня с собой к родителям сегодня. Но даже если бы это был просто друг, я всё равно не заслужила недоверия. Хотя я и понимаю, что ты знаешь меня всего ничего и вполне себе можешь предполагать самые ужасные вещи. Но я могу тебе сказать, что у меня нет потребности иметь несколько романов.

Остаточная скованность в его плечах наконец отпускает. Дмитрий переворачивает руку ладонью вверх, переплетая пальцы с моими, и смотрит на наши руки, прежде чем поднять глаза.

— Самые ужасные вещи я о тебе и не думал, — говорит он уже теплее. — Если бы я считал, что ты из тех, кто параллельно крутит несколько историй, меня бы здесь сейчас просто не было. Но то, что ты говоришь об этом прямо, вместо того чтобы обидеться и закрыться — я это ценю.

Психолог: «Обидеться и закрыться». Дружок, у нас более современные методы перевоспитания.

Он чуть сжимает мои пальцы, большим пальцем поглаживая костяшки. На его губах мелькает короткая, немного самоироничная усмешка:

— Значит, семейный обед. Хорошее дело. Вечером тогда не буду дергать тебя лишними звонками, пока ты с близкими. Я как раз спокойно закрою все вопросы за городом и перевезу вещи на Пресню, а ты просто напиши мне, когда будешь собираться обратно — подстроюсь под твое время и заеду за тобой сюда или сразу к родителям, как тебе будет удобнее.

Дмитрий забирает со стола свой телефон, поднимается со стула, но ладонь из моей руки выпускает не сразу — наклоняется ко мне и касается губами моей скулы и уголка рта, задерживаясь рядом.

— Хорошо, я тебе напишу.. Номерами, кстати, так и не обменялись, — улыбаюсь я.

Даю ему свой телефон с открытой клавиатурой набора номера.

На моих словах про номер Дмитрий на секунду замирает, а потом коротко и искренне смеется.

— И правда. Сразу перешли к главному, без бюрократии, — он берет из моих рук телефон, быстро набирает комбинацию цифр, сохраняет контакт под коротким «Дмитрий» и нажимает кнопку вызова.

Его собственный смартфон в другой ладони тут же отзывается вибрацией. Он сбрасывает звонок, чтобы номер остался в списке входящих, и возвращает телефон мне, попутно в несколько касаний вызывая себе такси через приложение.

По дороге к выходу Дмитрий поднимает с пола свою темно-серую футболку-хенли, встряхивает и надевает ее. Когда ткань ложится на плечи и лопатки, он едва заметно ведет плечом от соприкосновения хлопка с расцарапанной кожей. Я встаю и иду следом за ним.

В прихожей, рядом с моим аккуратно поставленным у стены кейсом для фишек и тубусом, он обувается и снимает с вешалки свое темное полупальто, перекидывая его через локоть.

Когда я шагаю к нему и обнимаю на прощание, Дмитрий свободной рукой сразу смыкает объятие на моей спине, прижимая меня к себе, и на несколько секунд зарывается лицом в мои волосы.

— До вечера, — негромко говорит он, чуть отстраняясь, чтобы напоследок коротко и крепко поцеловать меня в губы. — Жду сообщения, как освободишься.

Он поворачивает замок, открывает входную дверь и выходит на лестничную площадку, прикрывая за собой дверь с тихим щелчком язычка.

За входной дверью стихают шаги, и в квартире воцаряется тишина, в которой ещё держится запах свежесваренного кофе и его присутствия.

Я беру телефон, включаю свой плейлист — из динамика негромко раздаются знакомые аккорды и голос Тима Даниленко, сразу возвращая пространству привычный домашний ритм.

На кухне я не торопясь убираю со стола. Вода из-под крана смывает кофейную гущу со стенок медной турки и пену с двух чашек, которые ещё полчаса назад стояли друг напротив друга. Я вытираю насухо тарелки, убираю их в верхний шкафчик, провожу влажной тряпкой по столешнице у окна и задвигаю стулья на место.

В голове тем временем собирается совещание.

Стратег: Итак, что мы имеем?

Психолог: Контролирующий тип. Ревнивый, собственник.

Женщина 30+: Нежный и страстный любовник, красивый, высокий, сильный..

Стратег: У него есть стержень. С ним надежно и спокойно, когда он не включает этого своего контролирующего ревнивца.

Женщина 30+: Ну не будем еще забывать, что он богатый.

Стратег: Но на шею садиться к нему у нас планов нет.

Женщина 30+: Подарки будут. Не пирожок из перехода метро, как Сережа нам приносил. И не «ничего» на восьмое марта, потому что, цитирую: «этот праздник — заговор цветочных лоббистов». А мы любим цветы.

Психолог: Он достаточно устойчив к давлению и манипуляциям. И спокойный, когда речь идет не о ревности. Но. Мы видели, как он говорил со Светланой вчера тогда у двери дома.

Женщина 30+: Он защищал нас. Да и он в таком раздрае вчера был..

Психолог: Согласна. В целом, если мы проведем работу по проблемам и травмам, из-за которых у него возникает ревность — получится достойный мужчина. Вопрос: насколько нам это нужно?

Стратег: Партия выгодная. И я не про деньги. Вложенные усилия в его исцеление «окупятся»: мы получим надежного, спокойного, молодого и красивого мужчину, со стальным стержнем внутри, который будет нам опорой и поддержкой. Готовы ли мы вкладываться в него?

Женщина 30+: Я готова.

Бухгалтер: У меня моральные дебет с кредитом сходятся.

Психолог: Я согласна. Предлагаю попробовать. Посмотреть на его обучаемость и вообще, как будет идти процесс. Если он будет снова и снова возвращаться к тупой ревности — мы знаем, где выход. Если прогресс будет — мы в выигрыше.

Женщина 30+: Главное не растрачивать ресурс зря. И вовремя его восполнять.

Перейдя в комнату, я заправляю сбившуюся за ночь и утро постель, разглаживая ладонями простыню и взбивая подушки. В ванной снимаю резинку с волос, расчёсываю их и включаю фен: тёплый воздух высушивает волосы, и тёмно-русые пряди ложатся на плечи и ниже лопаток.

Стратег: И главное — мы не «спасаем» его. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Пока он заинтересован меняться к лучшему — мы готовы ему помогать. Как только мы увидим, что он только наседает и продавливает свое мнение, не слушая нас..

Психолог: Выход знаем где. Главное не попасть в зависимость от него.

Стратег: Никаких «я куплю тебе эту квартиру сам».

Женщина 30+: И никаких переездов под давлением. Только по нашему желанию, когда убедимся, что это морально безопасно и комфортно.

Стратег: Фиксирую решение: на данный момент отношения выглядят эмоционально перспективными, мужчина заслуживает того, чтобы мы были с ним.

В спальне под сменяющие друг друга треки я открываю шкаф и выбираю простую, удобную одежду для поездки к родителям — свободные джинсы и мягкую футболку, не сковывающую движений. Переодевшись, застёгиваю на запястье свои смарт-часы, лежавшие с ночи на прикроватном столике, и проверяю время: до приезда Дани остаётся ещё около часа.

Тем временем Дмитрий..

Забрав свой тёмный внедорожник со двора у Максима, Дмитрий сворачивает с загородного шоссе на территорию закрытого посёлка и останавливает машину на мощёной площадке перед собственным домом.

Двухэтажный особняк с панорамным остеклением, отделанный тёмным клинкерным кирпичом и лиственницей, — один из его старых авторских проектов, просторный и выверенный до мелочей.

Дмитрий глушит двигатель, пару секунд сидит в тишине салона, глядя на строгий фасад, затем берёт с пассажирского сиденья своё полупальто и выходит из машины.

Внутри дома стоит прохладная, почти музейная тишина — по воскресеньям приходящая помощница по хозяйству не работает. В прихожей Дмитрий вешает пальто в гардеробную, разувается и проходит по светлому керамограниту в просторную кухню-гостиную с высокими потолками и большим островом из серого камня.

Светлана находится там. Она стоит у панорамного окна, выходящего на участок, в домашнем костюме из светлого трикотажа, с бокалом минеральной воды в руке. Волосы аккуратно уложены, но лицо бледнее обычного, а вокруг глаз залегли тени — ночь после вчерашнего отъезда на такси явно прошла у неё без сна.

Услышав шаги, она медленно поворачивается. Её цепкий, холодный взгляд сразу проходит по Дмитрию сверху вниз: фиксирует ту же тёмную футболку-хенли и джинсы, в которых

он уезжал вчера вечером к Максиму, расстёгнутую верхнюю пуговицу и лёгкую небритость на скулах.

— Явился, — негромко, с натянутой, звенящей сдержанностью произносит она, подходя к острову и ставя стакан на каменную столешницу. — В два часа дня, во вчерашней одежде. Даже не потрудился придумать приличную легенду или хотя бы переодеться по дороге, Дима? Решил окончательно опуститься и устроить показательное выступление перед Максимом и Анной с этой обслугой по вызову?

Дмитрий останавливается с противоположной стороны кухонного острова, опираясь ладонями о прохладный камень. На безымянном пальце его левой руки отчётливо видна чуть более светлая полоска кожи там, где восемь лет сидело платиновое кольцо.

— Оставь этот тон, Света, — ровно и спокойно отвечает он, глядя на неё через ширину столешницы. — Перед Максимом и Анной вчера выступал не я. И легенды придумывать я не собираюсь — для них просто больше нет повода. Я приехал забрать свои вещи на первое время и обговорить с тобой, как мы оформляем развод.

Слово «развод» повисает в прохладной тишине просторной кухни.

Светлана замирает. Пару секунд она смотрит на него так, словно ослышалась, а затем её взгляд падает вниз — на его левую ладонь, лежащую на сером камне столешницы, и на бледную полоску кожи на безымянном пальце.

Лицо Светланы мгновенно меняет выражение: заготовленная с ночи надменность сменяется короткой растерянностью, а следом — резкой, сухой краской на скулах. Когда вчера она хлопала дверью у Максима и уезжала домой одна, она рассчитывала проучить его за публичное унижение, ждала затяжного скандала, ледяного молчания на неделю или попыток замять историю перед друзьями — но точно не того, что на следующий день он приедет без кольца собирать вещи.

Она издаёт ломкий смешок и делает шаг вплотную к острову.

— Ты сейчас серьёзно, Дима? — её голос срывается на полтона выше, теряя выверенную ровность. — Развод? То есть ты вчера вечером на глазах у наших друзей демонстративно остался с какой-то девкой по вызову, не пришёл ночевать домой, а сегодня приезжаешь и с порога кидаешь мне «развод»?! Решил, что лучший способ заткнуть мне рот после вчерашнего — это пойти на опережение?!

Дмитрий сжимает челюсти, но голоса не повышает.

— Ещё одно такое слово в её адрес — и наш разговор закончится прямо сейчас, Света, — жёстко, отчеканивая каждую фразу, произносит он. — Дальше будешь общаться исключительно с моими юристами через секретаря. Я тебе ещё вчера в прихожей у Максима популярно объяснил: своё высокомерие оставь при себе. Ты понятия не имеешь, кто она, и грязью поливать её в моём присутствии я тебе не позволю.

От того, с какой холодной яростью он мгновенно встаёт на защиту другой женщины в их собственном доме, Светлану передёргивает. Она сжимает край острова так, что белеют костяшки.

— Ты мне рот в моём доме затыкаешь из-за бабы, которую знаешь сутки?! — выдыхает она, и в её глазах встают слёзы бешенства. — У тебя в тридцать пять лет крышу сорвало от одной ночи на стороне?! Восемь лет брака, Дима! Восемь лет общей жизни, общего круга, статуса — и ты перечёркиваешь всё это за одно воскресенье, потому что тебе захотелось поразвлечься после покера?!

— Я не затыкаю тебе рот, я ставлю границу, которую переходить не надо, — твёрдо отрезает Дмитрий. — И не делай вид, будто ещё в пятницу у нас с тобой была счастливая семья, которую кто-то разрушил за одну ночь. Вчерашний вечер стал точкой, а не причиной. Мы больше двух лет спим в разных концах второго этажа, Света. Мы разговариваем только о

том, во сколько выезжать в гости и какой подарок купить очередным знакомым на юбилей. Нас с тобой давно ничего не держит вместе, кроме этого дома и привычки выходить в люди парой.

— Все так живут через восемь лет! — резко бросает она, ударяя ладонью по камню столешницы. — Это называется взрослый брак, а не подростковая истерика! Люди не рушат свою жизнь и репутацию из-за того, что им вдруг захотелось свежих эмоций на выходных! Ты хоть понимаешь, как это будет выглядеть со стороны? Что ты скажешь Максиму, партнёрам, моим родителям?! Что ты бросил жену сразу после того, как укатил в ночь с ведущей из интернета?!

Дмитрий смотрит на неё в упор:

— Если для тебя этот холод в четырёх стенах — нормальный взрослый брак, то для меня нет. Я так жить больше не собираюсь. Ни ради Максима, ни ради партнёров, ни ради твоих родителей. Из этого дома уезжаю я, сейчас. Дом остаётся тебе. И давай без криков обсудим финансовую часть, чтобы закрыть этот вопрос по-человечески.

На словах «по-человечески» лицо Светланы искажается. Она резко хватает со столешницы недопитый стакан с минеральной водой и со всей силы швыряет его об пол у ножки каменного острова. Толстое стекло разлетается вдребезги с оглушительным звоном, брызги и осколки веером разлетаются по светлому керамограниту.

— По-человечески?! — срывается она на крик, даже не глядя на разбитый стакан. — Ты мне сейчас дом с барского плеча кидаешь, как уволенной секретарше выходное пособие?! Благородного спонсора из себя строишь?! «Дом остаётся тебе, давай обсудим финансовую часть»! Да пошёл ты со своим благородством, Дима!

Дмитрий резко отступает на полшага от разлетевшихся осколков. Он уже не скрывает злости.

— Истерику мне тут не устраивай и посуду не бей, — жёстко, повышая голос, обрывает он. — Я с тобой нормально разговаривать приехал, без грязи!

— Без грязи надо было вчера разговаривать! — выкрикивает Светлана, обходя остров сбоку и наступая прямо на мелкие крошки стекла домашними тапками. Её трясёт от бешенства и унижения. — По-человечески — это когда приходят и говорят о разводе ДО того, как на глазах у всех общих друзей зажимают девку на кухне и уезжают с ней трахаться на всю ночь! Ты меня вчера перед Максимом и Анной в дерьмо лицом макнул, а сегодня приехал в несвежей футболке рассказывать мне про холод в четырёх стенах?!

Она вскидывает руку, тыча пальцем в его грудь:

— Холодно ему на втором этаже спалось последние два года! А ты забыл, как первые пять лет жил на своих стройках и в офисе до полуночи?! Как тебе дома нужна была не жена, а удобная картинка без проблем, чтобы возить по ужинам с заказчиками и подрядчиками?! А когда я привыкла жить своей жизнью и перестала заглядывать тебе в рот — ты вдруг вспомнил, что тебе тепла не хватает?! Лицемер!

Её слова попадают в цель. Дмитрий отвечает так же резко:

— Да, жил на стройках! Потому что поднимал компанию с нуля, чтобы ты могла жить в этом посёлке, скупать пол-Милана и ни одного дня в жизни не думать, откуда берутся деньги на твоих счетах! Только когда я перестал ночевать на объектах и начал возвращаться домой вовремя, выяснилось, что кроме моих карт и фамилии тебе от меня вообще ничего не нужно! Любая попытка подойти к тебе заканчивалась твоей мигренью, недовольным лицом или разговорами о том, кто из жён твоих знакомых какую виллу снял на лето!

— И поэтому ты решил пойти по рукам на глазах у всего нашего круга?! — голос Светланы дрожит от ненависти и слёз, которые наконец прорываются и текут по её напудренным щекам. Она смахивает их тыльной стороной ладони, размазывая тушь у внешнего уголка глаза. — Думаешь, откупишься от меня этой загородной коробкой и подачкой на карту, чтобы я молча утёрлась и освободила тебе место под новую подстилку?! Чёрта с два, Дима! У нас восемь лет официального брака без всяких брачных контрактов! Я через суд выверну

наизнанку твои счета и заберу половину всего, что ты тут настроил, понял?! Будешь делить со мной каждый свой посёлок!

Дмитрий криво усмехается. Его попытка спокойно договориться закончилась.

— Делить посёлки? — резко переспрашивает он, сжимая кулаки. — Вот мы и дошли до сути! Восемь лет семьи, говоришь, общие годы, чувства — а как только прозвучало слово «развод», ты первым делом начала считать, сколько с меня можно содрать?! Хочешь судиться за компанию, в которой ты за все эти годы даже порога офиса лишний раз не переступила, потому что тебе там пахло пылью и стройкой? Да пожалуйста! Только тогда забудь про мои слова насчёт дома и содержания. Хочешь войны по закону — будем делить всё через суд и адвокатов!

Он резко разворачивается, перешагивает через рассыпанные по керамограниту осколки и идёт к лестнице на второй этаж.

Светлана не остаётся внизу. Сорвавшись с места, она идёт следом за ним по ступеням, на ходу стирая ладонью размазавшуюся под глазом тушь.

— Очень удобно, Дима! — её голос звенит в пролёте лестницы, пока она поднимается за ним. — Сначала сам попрекнул меня деньгами, сам ткнул носом в свои счета и Милан, а теперь рад стараться — выставил меня алчной стервой, чтобы совесть не давила! Конечно, так ведь гораздо проще уходить из дома к новой бабе, когда убедил себя, что жена с тобой только из-за кошелька жила!

Дмитрий заходит в свою гардеробную при спальне, в которую перебрался два года назад, с силой дёргает с верхней полки большую дорожную сумку из плотной кожи и бросает её на банкетку. Движения у него резкие: он срывает с плечиков рубашки и брюки, сгребает с полок трикотаж и сваливает всё в сумку без всякого порядка, сминая рукава и воротники.

— Моя совесть тут вообще ни при чём! — огрызается он, не оборачиваясь к дверному проёму, в котором останавливается Светлана. — Я с тобой два года в разных спальнях живу не из-за кого-то на стороне! И не надо мне сейчас рассказывать, как ты тут страдала в одиночестве, пока я пропадал на работе. Когда у компании три года назад банк кредитную линию заморозил и я полгода без выходных вытаскивал стройку из ямы, ты у меня хоть раз спросила, как я вообще держусь?! Ты в это время с дизайнером ругалась из-за оттенка камня в гостиной и губы дула, что я с тобой в Италию на две недели не полетел!

Светлана прислоняется плечом к косяку гардеробной, скрестив руки на груди; её пальцы мелко вздрагивают, но говорит она уже тише, но не менее зло:

— Потому что ты мне ничего не говорил! Ты приходил домой с каменным лицом, запирался в кабинете и цедил сквозь зубы «всё нормально, не лезь в рабочие дела, я сам разберусь»! Тебе никогда не нужна была жена на равных, Дима! Тебе нужно было либо чтобы тобой молча восхищались, либо чтобы не отсвечивали под ногами, когда ты устал! А когда я перестала биться головой об эту стену и занялась этим чёртовым камнем в гостиной — ты решил, что я пустая и холодная!

Дмитрий замирает с ворохом тёмных футболок в руках. Удар попадает в неприятное, уязвимое место — он действительно ненавидел тащить проблемы бизнеса в дом и годами обрубал любые вопросы коротким «не бери в голову». Пару секунд он молча смотрит на опустевшую полку, а потом с силой запихивает вещи в сумку.

— Значит, мы оба хороши и оба друг другу обрыдли, Света, — бросает он уже без прежнего крика, выдвигая ящик комода. — Тем более нет никакого смысла тянуть это дальше и делать вид, что тут ещё можно что-то склеить.

Он забирает из ящика загранпаспорт, папку с личными документами, коробку с запасными часами и с резким металлическим звуком застёгивает молнию на переполненной сумке. Но когда он берётся за кожаные ручки и поворачивается к выходу, Светлана не отходит с прохода, преграждая ему дорогу в коридор.

— Ты мне одно скажи, — тихо, глядя ему прямо в лицо покрасневшими глазами, произносит она. — Ты правда настолько ослеп за одну ночь, что думаешь, будто этой твоей ведущей с сайтов объявлений нужен ты сам, а не твой чек и машина, на которой ты приехал к Максиму?

Дмитрий перехватывает поудобнее ручки тяжёлой сумки и смотрит сверху вниз на её покрасневшие глаза и размазанную тушь. Челюсти у него всё ещё сведены от недавнего крика, но оправдываться или доказывать что-то насчёт Валери он не собирается.

— Кому и что от меня нужно — это больше не твоя забота. Не надо мерить всех по себе, и обсуждать её с тобой я не буду. Дай пройти, — сухо бросает он.

Светлана ещё пару секунд смотрит на него, потом отходит в сторону, освобождая проход в коридор.

— Катись, — хрипло выговаривает она, отворачиваясь к перилам лестницы и обхватывая себя руками за локти. — Только когда через месяц наиграешься в эту свою свежесть и поймёшь, на что променял восемь лет жизни, сюда не возвращайся. За остальными тряпками пришлёшь водителя. Видеть тебя не хочу.

Дмитрий ничего не отвечает на этот выпад. Он выходит из гардеробной, задевая плечом дверной косяк, и быстро спускается по лестнице на первый этаж.

В прихожей он ставит сумку на пол, обувается и надевает своё тёмное полупальто. Сунув руку в карман джинсов, он нащупывает там холодный ободок платинового кольца, снятого вчера за ужином у Марко. Пару секунд он крутит его в пальцах, а затем вынимает и с тихим стуком кладёт на консоль у входного зеркала.

Взявшись за ручку входной двери, он на мгновение задерживается и, не оборачиваясь к лестничному пролёту второго этажа, негромко произносит:

— Когда остынешь — подумай головой, а не обидой. Дом я у тебя забирать не стану, от своих первых слов не отказываюсь. Но если решишь устроить цирк с судами вокруг компании — разговаривать больше вообще не о чем. Завтра мой юрист наберёт тебе, чтобы согласовать документы.

— Пошёл вон, Дима! — доносится сверху сорванный голос Светланы.

Дмитрий открывает массивную дверь, выходит на крыльцо и плотно захлопывает её за спиной. Бросив сумку на заднее сиденье внедорожника, он садится за руль, заводит двигатель и, резко выкрутив руль, выезжает со двора к воротам посёлка, направляясь обратно в Москву — в пустующую квартиру на Пресне.

Тем временем Валери..

В моей квартире стрелки приближаются к двум часам дня. Из динамика телефона всё так же негромко играет мой плейлист, но посреди очередного трека музыка вдруг приглушается, и экран загорается входящим вызовом от Дани.

— Валери, я уже сворачиваю с проспекта в твой двор, — бодро сообщает брат, когда на фоне слышится тихое щелканье поворотника. — Через две минуты буду у твоего подъезда, можешь выходить!

Я накидываю куртку, обуваюсь и, захватив телефон и небольшой рюкзак, выхожу из дома и спускаюсь вниз.

На улице свежо и солнечно. Машина Дани уже стоит у самого бордюра напротив подъезда, с работающим двигателем.

Когда я открываю пассажирскую дверь и сажусь в салон, пахнущий кожей и знакомым древесным ароматизатором, Даня убавляет громкость радио и поворачивается ко мне с широкой улыбкой. На нём удобный повседневный свитер и расстёгнутая куртка.

— Привет, мелкая. — Он тянется через консоль, обнимает меня одной рукой за плечи и, дождавшись, когда я пристегну ремень, плавно трогается с места, выруливая из узкого двора на проспект.

Воскресный поток машин движется свободно, без будничных пробок. Даня перестраивается в средний ряд, привычно положив одну руку на верх обода руля, и бросает на меня короткий взгляд.

— Хорошо, что ты сегодня свободна. Мама там уже с двенадцати часов на кухне шуршит, грозилась запечь утку или что-то в этом духе, а батя мне с утра два раза звонил — консультировался, какую зимнюю резину лучше брать в этом сезоне, как будто до заморозков завтрашнего дня не дожить, — он усмехается, переключая поворотник на светофоре. — А ты как? Вчера допоздна народ развлекала со своими играми или спокойная суббота выдалась?

Стратег: Про Дмитрия пока не говорим. Рано. Как все более-менее устаканится, тогда и скажем семье.

— Вчера гоняла за город к каким-то мажорам. Один другого богаче. Но без выёбонов, знаешь. Спокойная, веселая компания. В целом нормально все прошло, без инцидентов.

Даня понимающе кивает, плавно притормаживая перед пешеходным переходом и пропуская женщину с собакой.

— Ну и отлично, что адекватные попались, — отзывается он, снова набирая скорость. — У меня по работе с заказчиками та же история: если люди сами бизнес поднимали, с ними вообще проще всего иметь дело, никакой лишней пальцовки, всё чётко и по делу. А вот когда приходят чьи-нибудь скучающие жёны или родственники руководить закупками — там хоть святых выноси, мозг вынесут чайной ложкой за каждую копейку.

Он усмехается уголком рта, перестраиваясь на развязке в сторону района, где живут родители, и бросает короткий взгляд в боковое зеркало.

Женщина 30+: «Скучающая жена» — это он в точку.

Психолог: Ее тоже понять можно. Ее муж вел себя так себе.

Женщина 30+: Мы вроде договорились не судить его за его выбор.

Психолог: Ладно, проехали.

— Единственное — за город по субботам со всем твоим инвентарём таскаться то ещё удовольствие, наверное. Обратно-то нормально доехала, не в ночи возвращалась?

Женщина 30+: Ох, как мы вчера возвращались..

В животе на секунду просыпается возбуждение от воспоминаний о вчерашнем. Но я беру себя в руки.

— Ну как закончила, так и вернулась, — говорю я спокойно. — Я же на своей машине гоняю. У тебя-то все нормально?

Машина сворачивает с широкой улицы в знакомый с детства квартал со сталинскими кирпичными домами и дворами, засаженными разросшимися клёнами и липами. Даня сбавляет ход, высматривая свободное место на парковке вдоль длинного фасада родительского дома.

Даня аккуратно вписывает машину на свободное место у бордюра под раскидистым клёном, глушит мотор и забирает ключи.

— Да у меня всё отлично, — отвечает он, выходя со мной из машины и ставя её на сигнализацию. — На этой неделе наконец дожали контракт на поставку вентиляционных установок для цеха под Подольском, с которым я два месяца возился. Так что квартал закрываю с хорошим плюсом, даже думаю в следующем месяце выбить себе недельку отпуска и слетать куда-нибудь погреться.

Мы заходим в знакомый подъезд с высокими потолками и поднимаемся наверх. Стоит Дане нажать на кнопку звонка, как за дверью почти сразу слышатся торопливые шаги, щёлкает замок, и на пороге появляется мама в домашнем платье и с кухонным полотенцем в руке. Из квартиры в подъезд тут же тянет ароматом запечённой с яблоками утки и сдобы.

— Приехали наконец-то! — лицо Елены светлеет, она откладывает полотенце на тумбочку в прихожей и сначала крепко обнимает меня, целуя в щёку, а следом тянется к Дане. — Проходите, разувайтесь, у меня как раз духовка пропищала, всё с пылу с жару.

Из глубины коридора в домашних брюках и клетчатой рубашке выходит папа, на ходу убирая очки для чтения в нагрудный карман.

— О, вся гвардия в сборе, — с улыбкой говорит Роман, похлопывая Даню по плечу, а затем обнимая меня за плечи, когда я снимаю куртку и рюкзак. — Ну здравствуй, дочка. Давно вы у нас вдвоём одновременно не появлялись, всё по очереди да на бегу.

— Потому что у кого-то по выходным самая работа начинается, — с улыбкой замечает мама, возвращаясь в сторону просторной кухни, где уже накрыт стол со свежей нарезкой, салатом и бокалами под сок и морс. — Мойте руки и идите за стол. Рассказывайте, какие у вас новости за неделю, а то от вас по телефону кроме «всё хорошо» ничего не добьёшься.

Женщина 30+: У тебя глаза на лоб полезут от наших новостей. Но не сегодня.

— Привет, мам, папуля. Отлично выглядите. Пап, ты что, начал качаться? — с улыбкой хлопаю его по плечу.

Папа от моей шутки довольно крякает, тут же расправляя плечи под клетчатой рубашкой и для солидности втягивая живот.

— А то как же! — с важным видом отзывается Роман, подмигивая Дане. — Вчера в гараже четыре колеса на дисках с верхней полки снял и обратно закинул, пока ревизию наводил. Чем тебе не кроссфит?

— Тяжелоатлет, не иначе, — смеётся мама, когда мы проходим на кухню, и передаёт мне плетёную хлебницу с салатником, чтобы я выставила их на стол. — Только этого спортсмена на той неделе всей семьёй уговаривали дойти до соседней улицы в поликлинику на плановый осмотр.

Пока я расставляю салат, хлеб и раскладываю вилки с салфетками, мама надевает плотные прихватки, открывает духовку и достаёт широкую стеклянную форму. В ней шкварчит утка с румяной корочкой, обложенная печёными яблоками и картофелем.

Стратег: Мы не любим утку.

Психолог: И мы знаем, как нервничает мама, если мы отказываемся от еды. Сегодня не хочется спорить.

Блюдо занимает место в самом центре стола на деревянной подставке, и мы рассаживаемся по своим привычным местам. Даня берёт пузатый кувшин и разливает всем по стаканам прохладный домашний морс, а папа вооружается лопаткой и раскладывает горячее по тарелкам.

За обедом разговор течёт легко и непринуждённо: сначала обсуждают папину машину и скорые заморозки, потом Даня рассказывает родителям про свой закрытый под Подольском контракт и про то, что в следующем месяце собирается взять неделю отпуска.

— Давно пора, — одобрительно кивает отец, намазывая горчицу на кусок чёрного хлеба. — А то вы оба со своей работой вечно в бегах.

Мама с тёплой улыбкой переводит взгляд с брата на меня, подвигая поближе к моей тарелке блюдо с пирожками.

— И не говори. У Дани хоть отпуск по графику положен, а Валери сама себе директор — как выходные, так с этим своим тяжёлым чемоданом по всей Москве мотается, — Елена ласково смотрит на меня. — Хорошо хоть сегодня выдалось полностью свободное воскресенье, можно никуда не спешить и спокойно посидеть у нас до самого вечера.

Папа согласно кивает, отпивая морс из стакана, а Даня накалывает на вилку кусочек запечённого яблока.

— Вы же знаете, что я коплю на свою квартиру. Вот и приходится бегать как белка в колесе. На сегодня заказ отменился, так что да, я вся ваша. На этой неделе нормально отработала, даже рассказать особо нечего: все как обычно.

— Целеустремлённости тебе не занимать, это точно в породу, — с уважением гудит папа, откладывая вилку и промокая губы салфеткой. — Сейчас с этими ценами на метры в Москве самому без всяких кредитов накопить — задача серьёзная. Ты хоть присматриваешь уже какие-то районы или пока просто откладываешь?

— Пап, ну дай человеку спокойно поесть, сейчас начнёшь квадратные метры и застройщиков обсуждать, — с улыбкой вмешивается мама, поднимаясь из-за стола, чтобы включить чайник. — Главное, что работа нравится и всё спокойно.

— А что такого? Я ж не с проверкой, я из чистого интереса, — добродушно отзывается папа, подвигая к себе тарелку с пирожками. — Потом, когда дойдёт дело до выбора, мы с Даней съездим, посмотрим стены, коммуникации, чтобы тебе кота в мешке не подсунули.

О том, что я вчера «подцепила», кажется, одного из самых богатых девелоперов города, я решаю промолчать.

— Само собой, — кивает Даня, откидываясь на спинку стула и вытягивая ноги под столом. — У меня как раз пара знакомых ребят по приёмке квартир есть, с тепловизором и всеми делами. Так что, как созреешь, свисти, организуем по высшему разряду.

Интересно, а что для Дмитрия было бы «организовать по высшему разряду»?

Психолог: Мы не будем просить его о помощи.

Да знаю я. Просто размышляю.

Постепенно тарелки из-под горячего пустеют. Я помогаю маме убрать со стола основную посуду, пока закипает чайник, и на столе появляются большие домашние кружки, вазочка с вишнёвым вареньем и нарезанный яблочный пирог с корицей.

Разговор за чаем перетекает на родительскую дачу, которую папа собирается консервировать на зиму в ближайшие выходные, и на мамины рассказы про соседского лабрадора, который на днях умудрился стащить у хозяев с балкона связку сушек.

Допив свой чай, папа достаёт из нагрудного кармана очки и кивает в сторону гостиной:

— Ну что, молодёжь, пошли в зал? Там мы с матерью вчера старые фотоальбомы с антресолей достали, когда шкаф разбирали — хотели вам пару снимков с вашей школьной поры показать, посмеётесь.

В гостиной мы устраиваемся на диване под торшером. Папа водружает на нос очки и кладёт на журнальный столик два фотоальбома в бархатных переплётах, где под шуршащей калькой хранятся снимки ещё с конца девяностых и двухтысячных.

Следующие пару часов пролетают почти незаметно. Мы перелистываем плотные картонные страницы: вот Даня в пятом классе с нелепой стрижкой под горшок и щербатой улыбкой держит пойманного на даче карася, а на соседнем развороте — я на школьной линейке с огромными белыми бантами, за которыми почти не видно лица. Даня со смехом пытается закрыть ладонью фотографию, где он в пятнадцать лет позирует в отцовской кожаной куртке на три размера больше, а мама тут же вспоминает, как он в этой куртке пытался тайком уйти на школьную дискотеку.

За окнами сталинского дома солнце клонится к крышам, окрашивая верхушки клёнов в медный цвет, а затем сгущаются ранние вечерние сумерки.

Хорошо дома у родителей — уютно.

Тем временем Дмитрий..

В это же время тёмный внедорожник Дмитрия заезжает на подземный паркинг жилого комплекса на Пресне.

Поднявшись на лифте на свой этаж, Дмитрий открывает дверь в просторную городскую квартиру. Здесь тихо и немного прохладно — последние месяцы он оставался тут лишь изредка, когда задерживался в Москве допоздна после совещаний.

Он бросает набитую вещами кожаную сумку прямо у стены в прихожей, даже не разбирая её, стягивает через плечи вчерашнюю футболку и кидает её в корзину для белья. После разговора с женой и полутора часов за рулём напряжение всё ещё не отпускает.

Простояв десять минут под горячими струями душа, он растирается полотенцем, надевает свежий тёмно-серый лонгслив из плотного хлопка и джинсы. Выйдя на кухню, он выкладывает на каменную столешницу пакет из мясной лавки, куда заехал по дороге: два толстых охлаждённых стейка рибай в вакууме, сетку мытого картофеля, пучок свежей зелени и помидоры.

Бросив взгляд на часы — стрелки показывают почти шесть вечера, — он берёт телефон, открывает диалог с номером Валери и набирает сообщение.

Тем временем Валери..

В родительской гостиной мама как раз закрывает второй альбом и, спохватившись, уходит на кухню собирать для меня и Дани контейнеры с оставшимися пирожками и запечённой уткой — любые возражения на этот счёт в родительском доме традиционно не принимаются.

Даня потягивается на диване, разминая затёкшую спину, и смотрит на часы.

— Ого, уже шестой час заканчивается, — говорит он, поднимаясь с дивана. — Мне ещё надо домой заскочить и документы к утренней планёрке просмотреть. Ты как, собираешься? Поехали, закину тебя обратно домой.

В этот же момент часы на моём запястье и телефон в кармане коротко вибрируют. На экране часов всплывает входящее сообщение от контакта «Дмитрий»:

«Я уже на Пресне, свои вопросы на сегодня закрыл. Как будешь освобождаться — напиши, подъеду за тобой, куда скажешь».

Интересно, как он? Пишет сухо. Наверняка напряжен или устал.

— Ага, подкинь обратно, — отвечаю я брату, вставая с дивана.

В прихожей мама вручает каждому по пакету с ещё тёплыми контейнерами, несколько раз напоминает не забывать нормально обедать на неделе, а папа крепко обнимает меня на прощание у самой двери.

Выходя из подъезда в густые ноябрьские сумерки, я на ходу достаю телефон и отправляю сообщение Дмитрию.

«Можешь забрать меня часа через полтора из дома. Напишешь, я спущусь».

Едва мы с Даней садимся в машину и выезжаем со двора под свет зажёгшихся уличных фонарей, экран смартфона в моей руке коротко вспыхивает ответным уведомлением:

«Договорились. К половине восьмого буду у твоего подъезда, маякну».

Обратная дорога проходит спокойно: в салоне негромко играет радио, за лобовым стеклом тянутся красные габаритные огни воскресного потока, и через полчаса с небольшим Даня сворачивает в мой двор. Остановившись у подъезда, он дожидается, пока я выйду с пакетом и рюкзаком, машет рукой через стекло и выруливает обратно на проспект.

Поднявшись на свой этаж, я открываю дверь в тихую квартиру. В прихожей разуваюсь, снимаю куртку и прохожу на кухню, чтобы убрать в холодильник мамины контейнеры с уткой и пирожками.

На часах — без двадцати семь вечера: до приезда Дмитрия остаётся ещё сорок с лишним минут спокойного домашнего времени. Я останавливаюсь посреди кухни у закрытой дверцы холодильника в тишине квартиры.

В спальне я освобождаю свой небольшой рюкзак и складываю туда вещи на утро: смену свежего белья и чистую футболку, а из ванной забираю зубную щётку.

Оставив собранный рюкзак у выхода из комнаты, я возвращаюсь на кухню и включаю чайник. Пока закипает вода, достаю из маминого контейнера кусок домашнего яблочного пирога с корицей, завариваю в кружке горячий чай и устраиваюсь за столом.

На экране запускаю свежий ролик на Ютубе — бодрый голос из видео Димы Емельянова заполняет кухню. Его канал я смотрю давно: приключения, поездки, заброшенные места, всякие испытания. Судя по миллионам просмотров, не я одна люблю провести с ним вечер. За окном уже совсем стемнело, в стекле отражается тёплый свет кухонной лампы, а мягкое тесто пирога с печёными яблоками и горячий чай позволяют выдохнуть после насыщенного дня и поездки к родителям.

Примерно сорок минут пролетают незаметно. Когда полоска воспроизведения видео переваливает за середину, а кружка почти пустеет, часы на запястье и телефон на столе синхронно отзываются короткой вибрацией. На экране поверх видео всплывает баннер сообщения от Дмитрия:

«Я внизу у подъезда. Выходи, как будешь готова, не спеши».

Глава 4. Второй вечер

Я допиваю чай, быстро мою посуду и, прихватив телефон и рюкзак, накинув куртку и обувшись, спускаюсь вниз.

У подъезда в свете дворового фонаря стоит большой тёмный внедорожник Дмитрия с тихо работающим двигателем. Едва я выхожу из дверей подъезда в прохладный ноябрьский воздух, габаритные огни коротко мигают, а замок пассажирской двери щёлкает, разблокируясь.

Я открываю тяжёлую дверь, поднимаюсь на подножку и сажусь в прогретый салон, пахнущий тёмной кожей и чистым, чуть терпким парфюмом.

Дмитрий сидит за рулём в свежем тёмно-сером лонгсливе, плотно обтягивающем плечи, и джинсах; его пальто брошено назад. Его взгляд напряжён, но стоит ему повернуть голову и встретиться с моей улыбкой, как его лицо смягчается.

Вот он.. Так приятно его снова увидеть.

— Привет, — произносит он с улыбкой.

Не давая мне сразу потянуться за ремнём безопасности, он забирает из моих рук рюкзак, перекидывает его на заднее сиденье, а затем подаётся через центральную консоль ко мне. Его ладонь ложится мне на шею под распущенные волосы, притягивая ближе, и он целует меня в губы — неторопливо и жадно.

Женщина 30+: Тёплый приём! Хороший знак.

Он отстраняется и проводит большим пальцем по моей щеке.

— Как съездила к своим? — спрашивает он уже совсем спокойным и ровным голосом.

Дождавшись, когда я пристегнусь, Дмитрий переводит рычаг коробки передач, одной рукой плавно выкручивает руль и выводит машину из узкого двора на освещённый проспект в сторону Пресни, а вторую ладонь опускает с подлокотника вниз, накрывая моё колено поверх джинсов.

Я кладу свою руку поверх его.

— Отлично. Мама с папой в порядке. Брат тоже. Жалуются, что мы много работаем, как будто сами в молодости не крутились, чтобы нормально жить.

Под моей ладонью Дмитрий поворачивает кисть, переплетая свои пальцы с моими, и мягко сжимает их на моём колене. На моих словах про родителей он улыбается.

— У родителей работа такая — переживать за нас, сколько бы лет нам ни было, — негромко отзывается он, плавно перестраиваясь в левый ряд на освещённом проспекте.

— А ты.. как? — чуть внимательнее смотрю, оценивая его состояние.

На моём вопросе о том, как прошёл его день, улыбка сходит с его лица. Несколько секунд он смотрит на дорогу, прежде чем ответить.

— Предсказуемо тяжело, — говорит он ровно и прямо. — Но главное, что точка поставлена. Забрал машину у Максима, приехал в дом, собрал вещи на первое время. Спокойного диалога со Светланой не вышло — впрочем, было бы наивно рассчитывать, что после восьми лет такие вещи решаются тихо и без нервов. Высказали друг другу на повышенных тонах всё, что копилось годами, посуда немного пострадала.. В итоге договорились, что дальше общаться будем через адвокатов.

Стратег: Чётко и по фактам.

Психолог: Но на вопрос не ответил.

Он поворачивает голову, бросая на меня короткий взгляд, в котором читается заметное облегчение от того, что этот разговор остался позади.

— Кольцо я оставил там, на консоли в прихожей. Вещи уже отвёз на Пресню, так что с сегодняшнего дня я живу в городе, — Дмитрий приподнимает мою руку с моего колена, подносит к губам и целует мои пальцы, после чего опускает наши сцепленные ладони на кожа-

ный подлокотник между сиденьями. — Завтра с утра поручу юристам заняться документами, чтобы не затягивать процесс.

Психолог: Спросим ещё раз.

Глядя на него, поглаживаю пальцем его костяшки.

— Ты в порядке?

На очередном светофоре Дмитрий плавно притормаживает и смотрит на наши руки.

Вопрос, заданный так просто и тихо, заставляет его на пару секунд замолчать.

— Если честно, ещё час назад внутри было довольно паршиво, — негромко отвечает он, поднимая глаза на меня. — Даже когда точно знаешь, что поступаешь правильно, перечёркивать восемь лет жизни в таком тоне — тяжёлое удовольствие. Много неприятного друг другу в лицо высказали, в том числе и вполне справедливого.

Психолог: Теперь понятно. Его что-то задело в разговоре. Переваривает.

Он поворачивает ладонь, перехватывая мои пальцы.

— Но сейчас ты села в машину, спросила — и меня наконец отпустило. — В его голосе звучит тихая, искренняя благодарность. — Я уже успел отвыкнуть от того, что этот вопрос могут задавать просто так, потому что человеку действительно не всё равно.

Загорается зелёный сигнал. Через несколько минут внедорожник сворачивает с освещённой улицы Пресни к закрытому въезду современного жилого комплекса, минует шлагбаум и по пологому пандусу спускается в подземный паркинг.

Заглушив двигатель на своём месте недалеко от лифтового холла, Дмитрий забирает с заднего сиденья перекинутое туда пальто и мой рюкзак, не давая мне нести его самой, обходит машину и открывает передо мной дверь.

Лифт поднимает нас на высокий этаж. Дмитрий отпирает массивную входную дверь, пропускает меня вперёд в прихожую и включает мягкий верхний свет.

Квартира встречает нас теплом и сдержанным уютом: просторная прихожая переходит в объединённую кухню-гостиную с высокими потолками, отделкой из тёмного дерева и матового камня, широким диваном и панорамными окнами во всю стену, за которыми расстилаются огни вечерней Москвы. В прихожей у стены стоит его большая кожаная сумка с вещами, а на кухонном острове виднеются упаковки с охлаждёнными стейками, картофелем и свежими овощами.

Дмитрий закрывает входную дверь, ставит мой рюкзак на банкетку, вешает своё пальто в шкаф и поворачивается ко мне, протягивая руку, чтобы забрать мою куртку.

— Располагайся. Чувствуй себя как дома.

Психолог: Сейчас ему нужна поддержка и тепло.

Я отдаю ему куртку, разуваюсь и веду его на диван.

Дмитрий вешает мою куртку в шкаф, быстро разувается и идёт за мной в полумрак гостиной, куда дотягивается мягкий свет из прихожей и отсветы городских огней за панорамными окнами.

По моему кивку он опускается на диван, а когда я устраиваюсь боком у него на коленях и обвиваю руками его шею, его ладони тут же смыкаются вокруг меня — одна ложится на талию, другая скользит вдоль спины под распущенные волосы, притягивая вплотную к его груди.

Он делает долгий выдох и опускает голову, утыкаясь лицом в изгиб моей шеи и плеча. Под моими руками его плечи постепенно расслабляются. Он просто сидит, прикрыв глаза, дышит запахом моих волос и бережно гладит ладонью мою спину сквозь мягкую ткань футболки.

Знаете, это ощущение дома есть сейчас и здесь, рядом с ним. Несмотря на всё его напряжение и проблемы.

В просторной комнате несколько минут стоит тишина.

— Даже не представляешь, как мне сейчас этого не хватало, — произносит он у моей шеи и чуть крепче прижимает меня к себе.

Представляю. Поэтому и делаю это.

— Я знаю.. Сегодня у тебя был непростой день.. И он закончился.. Сейчас поужинаем, посидим вдвоём — и совсем отпустит. Вино планируешь пить? — говорю я негромко.

Дмитрий поднимает голову с моего плеча и смотрит на меня в полумраке гостиной. Его ладонь скользит по моей спине к пояснице.

— Когда ты так говоришь, кажется, что всё действительно гораздо проще, чем было ещё пару часов назад, — негромко отвечает он, и жёсткие складки у его рта окончательно разглаживаются.

Он подаётся вперёд и мягко целует меня в губы, задерживаясь на секунду, прежде чем ответить на вопрос:

— За руль мне сегодня больше не садиться, так что от бокала хорошего сухого под мясо я не откажусь. В винном шкафу на кухне стоит пара отличных бутылок из Тосканы, — он говорит неторопливо, как человек, который уже там, где хочет быть и не хочет, чтобы этот тёплый момент заканчивался. Он убирает прядь моих волос за плечо. — Я помню, что вчера у Марко ты выбрала чай, поэтому ориентируйся по своему настроению: захочешь — составишь мне компанию, нет — заварим тебе чай.

Психолог: Подождите. «Я выбрала»? А ничего, что он даже не спросил, что я хочу? Интересная картина мира у него.

Стратег: Скажем, но без претензий.

Он чуть сжимает ладони на моей талии, готовый подняться с дивана, как только я встану с его колен, чтобы перейти к кухонному острову и заняться обещанным ужином.

Я улыбаюсь и говорю:

— «Я выбрала»? Ты уверен, что всё было именно так?

Дмитрий на секунду прищуривается, мысленно отматывая назад вчерашний ужин у Марко, а затем уголок его рта приподнимается в короткой, чуть ироничной усмешке.

— Ладно, подловила. Чай с чабрецом заказал я, — признаёт он. — Но, справедливости ради, ты вчера была за рулём, а когда принесли чайник, протестов с твоей стороны я тоже не заметил. Так что я искренне записал это в наше общее решение.

Его ладонь на моей пояснице чуть сжимается, скользя большим пальцем по краю джинсов.

— Сегодня ты без машины, и командовать за тебя у Марко я не собираюсь. Так что говори сама: составишь мне компанию с красным сухим или предпочитаешь что-то другое?

Он чуть наклоняет голову набок, продолжая удерживать меня на своих коленях и ожидая моего вердикта.

— Составлю-составлю. Но на будущее — в кафе и ресторанах я предпочитаю лимонады. Вкусно, сладко и кисло. И со льдом и пузырьками. Пью я редко, но за ужином бокал вина могу осилить. Просто быстро в голову даёт.

Целую его в нос и встаю с колен.

От моего короткого поцелуя в кончик носа Дмитрий невольно улыбается — по-мальчишески живо и тепло, совсем не похоже на того хмурого человека, который сидел за рулём полчаса назад.

— Лимонад со льдом и пузырьками — записал на подкорку, — говорит он, поднимаясь с дивана следом за мной и легко проводя ладонью по моей талии. — А то, что от бокала вина тебе быстро даёт в голову.. Учитывая, что мы уже дома и никуда ехать сегодня не нужно, минусов в этом раскладе я вообще не вижу.

Мы переходим в кухонную зону. Дмитрий включает тёплую подсветку над каменным островом и рабочими поверхностями, оставляя остальную часть гостиной с видом на вечерние огни Москвы в мягком полумраке.

Первым делом он достаёт из встроенного винного шкафа бутылку тёмного стекла, быстро расправляется с пробкой при помощи штопора и снимает с подвеса два широких бокала на тонких ножках. Разлив рубиновое вино, он придвигает один бокал ко мне через столешницу.

Затем закатывает рукава своего тёмно-серого лонгслива до локтей, открывая крепкие предплечья и часы на запястье, и выкладывает на остров две разделочные доски и ножи.

Опять эти сводящие с ума руки.

Он вскрывает вакуумную упаковку с мясом, ставит на индукционную панель чугунную сковороду-гриль и вторую — обычную, глубокую, под картошку, после чего берёт свой бокал за ножку.

— За то, чтобы этот вечер прошёл гораздо лучше, чем сегодняшний день, — произносит Дмитрий, приподнимая бокал.

— И все следующие.

Тонкое стекло тихо звенит, когда наши бокалы соприкасаются. На моих словах Дмитрий улыбается. Он делает глоток вина, ставит бокал на камень столешницы и смотрит на разложенные на острове продукты.

Чуть отпиваю из своего бокала.

— Хочешь сам всё приготовить? Я могу помочь.

— Мясо и картошку я вчера обещал взять на себя, так что тут слово держу, — отвечает он, пододвигая вторую разделочную доску, удобный небольшой нож и вымытые помидоры с пучком зелени ближе к своему краю, чтобы мы стояли рядом, а не по разные стороны широкого острова. — Но если хочешь поучаствовать и нарезать овощи — не откажусь. Вдвоём дело пойдёт гораздо приятнее.

Я принимаюсь за овощи.

Он берёт крупный шеф-нож и начинает быстро, уверенными движениями нарезать молодой картофель ровными ломтиками. По тому, как свободно он обращается с ножом и раскалёнными сковородами, видно, что готовить простую мужскую еду своими руками ему действительно не впервой.

Когда масло на глубокой сковороде достаточно прогревается, Дмитрий высыпает туда картофель. На кухне слышится шкворчание. Следом он промокает бумажным полотенцем два толстых стейка рибай, щедро натирает их крупной морской солью, свежемолотым перцем и каплей оливкового масла, после чего выкладывает мясо на раскалённые чугунные рёбра сковороды-гриль.

Аромат жарящегося мяса и картошки мгновенно перебивает прохладную стерильность квартиры. Дмитрий включает вытяжку на тихий режим, берёт лопатку, переворачивая подзолотившиеся дольки картофеля, и поворачивает голову ко мне, задевая своим предплечьем моё плечо:

— Тебе прожарку, как вчера у Марко, — медиум-рэр, с розовой серединкой, или сделать чуть сильнее?

— Я люблю сырое, когда оно ещё мычит, так что не суши.

Дмитрий коротко и с явным удовольствием смеётся на мои слова про «ещё мычит».

— Наш человек, — с тёплой улыбкой произносит он, подхватывая кулинарными щипцами мой кусок рибая, на котором уже отпечатались тёмные полоски от раскалённого чугуна. — Пересушить такое мясо было бы просто преступлением. Сделаю тебе честный рэр, с горячей красной серединкой.

Он обжаривает мой стейк на сильном огне буквально по паре минут с каждой стороны, запечатывая корочку, и снимает со сковороды чуть раньше своего, перекладывая на чистую

деревянную доску, чтобы мясо немного «отдохнуло» и сохранило внутри весь сок. Через минуту туда же отправляется его порция, а спустя время, когда картофель готов, конфорка под ним выключается. Я выкладываю помидоры и зелень в салатник, наливаю туда масло, которое Дмитрий достал, солю и перемешиваю овощи.

Дмитрий достаёт из выдвижного ящика две большие тарелки из тёмной матовой керамики и тяжёлые стейковые ножи с вилками.

Он раскладывает мясо и румяные дольки картофеля по тарелкам, переносит их на стол у панорамного окна, за которым внизу переливаются огни вечерней Пресни, и ставит в центр нарезанные мной овощи. Забрав с острова оба бокала, он садится не напротив через весь стол, а на соседнее место сбоку от меня — так близко, что наши локти почти соприкасаются.

Дмитрий берёт нож с вилкой, делает первый надрез на своём куске и переводит взгляд на мою тарелку, где из-под зажаристой корочки рибая уже выступает прозрачный мясной сок:

— Проверяй работу повара. Должно быть ровно так, как ты заказывала.

Я разрезаю мясо и сразу отправляю в рот. Прожевав, говорю:

— Идеально. Я слышу мычание.

Дмитрий смеётся — с удовольствием, качая головой.

— Лучший комплимент повару за последние несколько лет, — говорит он, принимаясь за свою порцию.

Ужин проходит без лишней суеты и светских церемоний. Мясо получилось именно таким, как нужно — сочным внутри, с хрустящей солёной корочкой снаружи, а поджаристая домашняя картошка со свежими помидорами и зеленью расходится до последнего кусочка. Дмитрий ест с неменьшим аппетитом. Время от времени, откладывая нож, он делает глоток сухого красного из своего бокала и смотрит на меня с тем спокойным, тёплым вниманием человека, который наконец оказался ровно там, где хотел быть.

Когда тарелки пустеют, Дмитрий поднимается из-за стола, забирает посуду с приборами и относит к кухонному острову. В несколько быстрых движений он убирает всё во встроенную посудомоечную машину, споласкивает руки, насухо вытирает их полотенцем и возвращается ко мне.

Он останавливается прямо позади моего стула у панорамного окна, за которым в темноте миллионами огней переливается Москва, и кладёт обе ладони мне на плечи. Его большие пальцы с приятным нажимом разминают мышцы у основания моей шеи под распущенными волосами.

— Я ведь эту квартиру купил года два назад просто как запасной аэродром, чтобы не мотаться ночью за город после поздних совещаний, — негромко говорит он, глядя сверху вниз на меня и на отражение комнаты в тёмном стекле окна. — Всегда воспринимал её почти как гостиничный номер: переночевал, принял душ и уехал в офис. А сейчас стою и понимаю, что здесь впервые за всё время пахнет живым домом, а не пустыми стенами.

Он наклоняется, прижимается губами к моей макушке, а затем проводит ладонью по моей руке до запястья, лежащего на столе рядом с бокалом вина.

Забрав со стола бокалы, мы переходим от панорамного окна обратно в зону гостиной и устраиваемся на широком диване. От горячего ужина и половины бокала вина по телу разливается тепло, слегка туманящее голову.

Я устраиваюсь поудобнее, прислонившись к плечу Дмитрия, а он закидывает руку на спинку дивана позади меня, перебирая пряди моих волос. Здесь, в полумраке комнаты, подсвеченной только лампой над кухонным островом и огнями Пресни за стеклом, он кажется совсем спокойным — тем самым мужчиной, который утром варил со мной кофе на моей маленькой кухне.

— Хорошо, что мы остались дома, — негромко говорит он, глядя на рубиновый отсвет в своём бокале. — Здесь лучше, чем где бы то ни было.

Он ставит свой бокал на низкий журнальный столик, поворачивается ко мне, чтобы обнять обеими руками, но в эту самую секунду в тишине прихожей раздаётся отчётливый металлический звук.

Кто-то снаружи вставляет ключ в замочную скважину входной двери. Два тяжёлых оборота ригеля — и массивная дверь открывается, впуская в квартиру полосу яркого света из лифтового холла.

Я оборачиваюсь на звук. Твою мать..

Дмитрий напрягается. Он резко выпрямляется, и вся недавняя домашняя мягкость слетает с его лица так быстро, словно её и не было.

В прихожей раздаётся цокот каблуков по керамограниту. Это Светлана. Она делает несколько шагов внутрь, на ходу оглядывая оставленную у стены кожаную сумку Дмитрия, мой маленький рюкзак на банкетке и мою куртку в приоткрытом шкафу.

Через секунду она выходит на границу прихожей и гостиной. На ней расстёгнутое светлое пальто, волосы собраны — только глаза горят сухим, лихорадочным блеском человека, который приехал выяснять отношения.

Увидев нас вдвоём на диване и два бокала с вином, она останавливается как вкопанная. Её губы кривятся в злой, торжествующей усмешке.

— Надо же, как оперативно, — громко произносит она в тишине комнаты. — Ещё кровать в доме остыть не успела, а ты уже притащил её сюда и вино разливаешь?

Прощай, уют.

Дмитрий поднимается с дивана одним резким движением, мгновенно оказываясь между диваном и прихожей. Лицо у него меняется, голос срывается:

— Ты какого чёрта сюда приехала, Света?! Кто тебе дал право открывать эту дверь своим ключом без звонка?!

— Моим ключом, Дима! Моим! — Светлана даже не думает отступать; наоборот, она делает шаг вперёд, в освещённую зону у кухонного острова, сжимая в побелевших пальцах связку ключей. — Ты, кажется, забылся! Мы с тобой ещё не в разводе, ты всё ещё мой законный муж, а эта квартира куплена в нашем браке два года назад! Половина этих стен по закону моя, и я имею полное право приехать сюда в любой момент! Или ты думал, что бросишь мне кольцо на тумбочку в прихожей и будешь спокойно устраивать здесь бордель с девкой из интернета?!

Бордель? Жёстко. Но она рановато приехала, мы пока только поужинали.

Дмитрий теряет самообладание окончательно. Он в три шага пересекает гостиную, подходя к ней так близко, что Светлана невольно вжимает голову в плечи, хотя продолжает смотреть на него с вызовом.

— Закрой рот и выйди за дверь прямо сейчас! — кричит он, указывая на выход. — Немедленно, Света! Я тебе днём сказал: общаемся через юристов! Ключи на стол — и вон отсюда, пока я сам не вывел тебя под руки к лифту!

— Не трогай меня! — взвизгивает она, но ключи на остров не кладёт, а вместо этого переводит взгляд через его плечо прямо на меня, сидящую на диване. — Полюбуйся на него, милочка! Сегодня он мне с порога орал, что оставит без копейки, если я пойду в суд, а теперь из нашей общей квартиры гонит! Думаешь, с тобой этот благородный рыцарь по-другому себя поведёт, когда ты ему поперёк горла встанешь?!

Оставит без копейки, значит. Дмитрий пытался шантажировать, или она его слова перевернула?

Стратег: Она обратилась к нам.

Психолог: Она апеллирует к тому, что люди не меняются, но, по моему скромному заключению, — в нужных благоприятных условиях люди способны избавляться от токсичных паттернов поведения.

Женщина 30+: А ещё от хорошего секса.

Стратег: Мы не поведёмся на её провокацию.

Женщина 30+: Конечно, не поведёмся, давайте предложим ей вина?

Психолог: Её это взбесит.

Стратег: Предлагаю спасти Дмитрия от опрометчивых действий. Я скажу.

Я закидываю локоть на диван, отпиваю вино из бокала, глядя на неё со спокойным лицом.

— Состава преступления пока нет. Измена в браке — не уголовно наказуемое деяние. А вот если применить силу — тут уже вопросики. Так что не рекомендую выводить её силой. Светлана, не хотите вина, раз пришли? — говорю я спокойно.

Дмитрий резко останавливается в полушаге от жены. Он тяжело дышит, пальцы сжаты в кулаки. Кажется, моё предупреждение подействовало. Он делает короткий шаг назад, разрывая опасную дистанцию, и опускает руку, хотя на предложение вина бросает через плечо быстрый, почти ошеломлённый взгляд в мою сторону.

Светлана задыхается от возмущения, на её скулах и шее проступают сухие красные пятна.

— Вина?! — срывается она на звенящий крик, глядя на меня поверх плеча Дмитрия. — Ты мне в моей собственной квартире будешь вино предлагать, нахалка?! Сидит, локоть закинула, хозяйку жизни из себя строит на чужом имуществе!

Психолог: Вот, пожалуйста, мы её взбесили.

Стратег: Мы этого и добивались.

Она делает резкое движение вперёд, пытаясь обойти кухонный остров и направиться прямо к дивану, но Дмитрий мгновенно смещается поперёк прохода, наглухо перекрывая ей дорогу в гостиную.

— На шаг к дивану не подходи, Света, — произносит он сквозь стиснутые зубы. Голос уже тише, но сдерживается он с трудом. — Ты зачем сюда приехала на ночь глядя — убедиться своими глазами? Убедилась. Что дальше?

— А дальше — то, что подсказала твоя юристка с дивана! — ядовито выкрикивает Светлана, демонстративно опуская связку ключей в карман расстёгнутого пальто. Её пальцы мелко дрожат от адреналина, но подбородок вздёрнут с отчаянным упрямством. — Раз силой выводить меня нельзя, а квартира куплена в нашем законном браке — я остаюсь здесь! Хоть на всю ночь! Хочешь продолжать свой вечер — забирай её и вези по отелям или обратно в тот спальный район, откуда ты её привёз, а на моей территории вы сегодня вдвоём не останетесь!

Дмитрий упирается ладонью в край острова и смотрит на жену, словно не веря услышанному.

— Ты сейчас окончательно человеческое лицо потерять решила, Света? — жёстко спрашивает он. — Будешь стоять посреди прихожей назло мне?

— Буду! — отрезает она, скрещивая руки на груди и прислоняясь спиной к стене у входа в кухонную зону. — Вызывай хоть полицию, хоть охрану комплекса — посмотрим, как они выставят законную супругу из общей квартиры!

Неизвестная: Разреши ей остаться.

Стратег: Кто это сказал?

Психолог: Не я.

Женщина 30+: И не я.

Скептик: Я вообще отвлеклась — у меня концерт в самом разгаре.

Шутница: Я молчала.

Бухгалтер: Я тоже.

Я на секунду замираю от неожиданности. Кто это?

Эй. Кто говорит?

Молчание.

Ладно. Попробуем.

Я ставлю бокал на стол, негромко вздыхаю, принимая вид человека, который устал от чужих истерик. Затем я спокойно встаю с дивана и иду в кухонную зону, снимаю с подвеса третий бокал и наливаю в него вино. Дмитрий не сводит с меня взгляда — но не вмешивается, оставаясь стоять между мной и женой на расстоянии вытянутой руки, готовый перехватить любое её резкое движение.

Ставлю бокал на остров со стороны Светы.

— Запустишь его кому-то из нас в голову — сама знаешь, он не сдержится. Дим, пусти её. Хочет оставаться — пусть остаётся. Я уезжать тоже пока не планирую. Хочу посмотреть, чем всё закончится.

При моих словах про брошенный в голову бокал лицо Светланы заметно передёргивается. Дмитрий же, услышав мою просьбу пропустить её, медленно с усилием выдыхает.

Он делает шаг в сторону ко мне, освобождая широкий проход между островом и стеной, и скрещивает руки на груди.

— Слышала, Света? — холодно и уже совершенно ровно произносит он, кивая в сторону гостиной. — Проходи. Диван большой, кресло у окна свободное. Раз решила играть роль третьей лишней — располагайся. Мы из-за твоих выходок никуда уезжать не собираемся.

Её подбородок мелко вздрагивает от унижения и злости. Она делает несколько твёрдых шагов вперёд по открытому проходу. Поравнявшись с каменным островом, она демонстративно, тыльной стороной пальцев резко отодвигает налитый мной бокал в сторону — стекло с сухим скрежетом скользит по камню, расплёскивая пару рубиновых капель на столешницу, но остаётся стоять.

Пройдя на середину гостиной к панорамному окну, прямо в обуви, Светлана резко разворачивается к нам обоим лицом. Пальто она так и не снимает.

— Уже и про разбитый стакан ей доложил? — с горьким, звенящим смешком бросает она, переводя взгляд с Дмитрия на меня. — Какая трогательная откровенность на вторые сутки знакомства! А про остальное ты своей новой гостье тоже за ужином рассказал, Дима? Рассказал, как ты умеешь годами молчать с каменным лицом, когда у тебя проблемы в бизнесе? Или как ты через пару лет точно так же закроешься от неё за дверью кабинета, когда у вас пройдёт эта первая горячка и начнётся обычная жизнь?!

Так-так. Новые подробности. Значит, её претензии в том, что он молчал и закрывался от неё в кабинете. Резонно. Но это в любом случае не наше дело. Это проблемы прошлого. Наши проблемы совсем в другом, и нам нужно разбираться с ними, а не копаться в том, что происходило между ними в браке.

Психолог: Но сказать своё мнение будет не лишним. Не занимаем ничью сторону.

Женщина 30+: Это может задеть Дмитрия.

Скептик: А ещё «спалит» нашу компетентность. Мы готовы показать себя с этой стороны?

Женщина 30+: Рано или поздно это случится.

Стратег: Самое время.

Я бросаю взгляд на Дмитрия, он сжимает челюсть.

Я возвращаюсь на диван, беру бокал и откидываюсь на спинку.

— Ваш брак развалился не по моей вине. А ошибки совершают все. Партнёры могут как копить эти ошибки и не обговаривать их, прячась каждый в собственную ракушку, так и работать над отношениями вместе. Когда хотя бы один из вас последний раз говорил о своих чувствах друг другу? Вот в этом и проблема. Я не пытаюсь вас помирить, но и занимать чью-то сторону я не буду. А для меня прошлое в прошлом. Имеет значение только то, что есть сейчас.

В гостиной повисает тишина.

Дмитрий, который секунду назад уже набрал в грудь воздуха, чтобы жёстко ответить жене, осекается на полуслове. Он поворачивается ко мне. Я сижу на диване с бокалом в руке, а он смотрит так, будто видит меня впервые.

Психолог: Смотрите какая ситуация: для него мы сейчас беспристрастный зритель. И при этом важный человек, с которым ему хорошо. Напротив — истеричная жена, которую он хочет поскорее выпроводить. Он мог бы ожидать, что мы встанем на его защиту или начнём нападать на Светлану. А она — что мы начнём смущаться и теряться. Они оба не ожидали такого хода от «любовницы».

Кто была та неизвестная? Если бы не она — при нашем невмешательстве, ситуация бы, вероятно, развернулась продолжением конфликта. А сейчас они оба обезоружены, потому что я ни при каких условиях не буду молчать, когда меня пытаются зажать в угол. Её попытка указать мне на его косяки обернулась против неё — я не буду ни выгораживать его, говоря «это ты дура, просто не умеешь вести себя с мужчиной», ни соглашаться с ней, потому что, очевидно, это не наша вина.

Неизвестная показала нам неочевидный путь, который сработал.

Светлана стоит как громом поражённая. Красные пятна на её скулах бледнеют. Она открывает рот, но не находит слов.

Психолог: Смотрите, ей даже спорить не с чем. Мы не стали вставать ни в позицию врага, ни в позицию оправданий. Теперь, если она продолжит атаку, она будет выглядеть жалкой.

Светлана переводит взгляд на Дмитрия. Он смотрит на меня.

Её губы тонко сжимаются. Она резко шагает обратно к кухонному острову, засовывает руку в карман пальто, выхватывает оттуда связку ключей и с громким стуком бросает их на каменную столешницу рядом с нетронутым третьим бокалом вина.

— Подавись своей Пресней, Дима, — бросает она с горечью, глядя на него. — И ей передай: пусть привыкает. Ты же только командовать и умеешь, а слушать так и не научился. Посмотрим, надолго ли хватит её мудрости.

Психолог: «Командовать». Значит, и с ней он командовал. Ну, неудивительно. К нам он пришёл не из тёплого местечка. Очевидно, что он всегда такой и был, а не мы его провоцируем.

Она резко разворачивается на каблуках, пересекает прихожую. Входная дверь с грохотом захлопывается за её спиной.

В квартире снова становится тихо.

Дмитрий ещё несколько секунд стоит у кухонного острова, глядя на брошенную связку ключей, затем проводит ладонью по лицу, пытаясь сбросить напряжение хоть немного, и поворачивается ко мне.

Он обходит диван, опускается рядом и упирается локтями в колени. Некоторое время просто смотрит на меня немигающим взглядом, словно обдумывая какую-то мысль.

— Я вчера за столом думал, что у тебя просто крепкие нервы. Теперь не уверен. Откуда ты так видишь людей? — Его голос ещё немного дрожит, но я вижу, что он уже начинает сопоставлять моё поведение.

Психолог: Мягко уводим тему к тому, что остаётся между нами.

Я ставлю бокал и говорю:

— Ты говорил про холодный брак, про витрину. Она сейчас сказала примерно то же самое про тебя: про каменное лицо годами, когда проблемы в бизнесе, и про закрытую дверь кабинета. Очевидно, что вы мало делились чувствами. Прости, что я не стала.. искать оправдания тебе. Думаю, это не то, что я должна делать в подобной ситуации, в таком конфликте. А я.. я просто хорошо разбираюсь в людях. Я не слишком тебя задела тем, что сказала? Я не хотела обидеть тебя..

Дмитрий слушает меня молча, не сразу находя ответ. Напряжение в его плечах и спине после недавнего крика ещё не прошло до конца: он тянется к журнальному столику, берёт свой бокал и делает большой глоток вина, прежде чем отставить его обратно.

Когда я тихо спрашиваю, не обидела ли его, он поворачивает голову ко мне и накрывает ладонью мою кисть, лежащую на диване, и крепко сжимает её.

— На тебя мне обижаться не за что, — отвечает он сорванным голосом. — И оправдывать меня перед ней ты тем более не была обязана. Спасибо уже за то, что вовремя остановила меня одной фразой, когда я к ней шагнул.

Он замолкает на пару секунд, глядя на мою руку в своей.

— А про чувства и закрытые двери.. — он криво усмехается уголком рта. — Тут ты права. Жили каждый в своей скорлупе. Но я не привык тащить проблемы с работы домой, на женщину. Решаю сам, в кабинете. А делиться можно, только когда знаешь, что тебя хотят слышать. Ни она, ни я этого давно не хотели.

Дмитрий поднимает на меня глаза. Свободной рукой он притягивает меня ближе.

— Мне сейчас неприятно другое, — говорит он тише, касаясь пальцами моего плеча. — Я вёз тебя на тихий вечер, а втянул в эту грязь. И что ты видела, как я срываюсь на крик.. — он качает головой. — Завтра утром заменю замки и закрою ей пропуск в комплекс. Чтобы больше такого не было.

Он наклоняет голову, прижимаясь щекой к моим волосам у виска, и выдыхает, положив ладонь мне на плечо.

— Не грызи себя, — говорю я. — Вы оба поступали ровно так, как могли и как умели в той ситуации, в какой были. Тут нет виноватых на самом-то деле. Просто так сложилось. А насчёт нас и того, что она сказала: я — не она. Предполагать, что со мной будет так же, — глупо.

Я ненадолго замолкаю.

Женщина 30+: Вообще-то мы возбудились.

Стратег: Хорошо разыгранная партия определённо доставляет удовольствие.

Женщина 30+: Зовём его в спальню?

Стратег: Он ожидает не этого. Будет весело.

Психолог: Но ещё ему нужна разрядка. Это есть в моём плане по его перевоспитанию. Будет полезно.

Стратег: Принимается.

— Пойдём.. Я, если честно, ужасно завелась от этого всего. Надеюсь, ты не против? Можешь как раз выпустить всё, что накопилось, в более приятное русло.

Я лукаво улыбаюсь ему, встаю и тяну его за руку.

Дмитрий замирает и секунду смотрит на меня снизу вверх ошеломлённым взглядом.

Кажется, он был готов к чему угодно — к тому, что вечер окажется смазанным, что мне потребуется время переварить этот визит или что придётся сглаживать неловкость после его срыва. Но моё признание, сказанное с лукавой улыбкой, попадает в нерастраченное напряжение после скандала.

В его тёмных глазах вспыхивает горячий азарт.

— Ты сейчас серьёзно?.. — произносит он, поднимаясь с дивана следом за мной и тут же перехватывая меня свободной ладонью за талию, притягивая вплотную к себе. — Я тут сижу и подбираю слова, чтобы извиниться за испорченный вечер и свой срыв, а тебя это, оказывается, завело? Ты удивительная.

В том, как жёстко и собственнически смыкаются его пальцы на моём поясе, чувствуется накопившееся за день напряжение.

Не выпуская моей руки, он разворачивает меня и ведёт из гостиной по полутёмному коридору в спальню с широкой низкой кроватью и окном, затянутым графитовыми портьерами.

Едва мы переступаем порог комнаты, Дмитрий даже не тянется к выключателю — в спальню падает полоса света из коридора. Он разворачивает меня к себе лицом и впивается в мои губы жадным поцелуем. В его движениях сейчас нет утренней неторопливой нежности: он целует напористо, тяжело дыша через нос, проталкивая язык в мой рот и задавая требовательный ритм.

Я отвечаю ему с таким же напором: мои ладони цепляются за нижний край его тёмно-серого лонгслива и тянут ткань вверх. Дмитрий на секунду отрывается от моих губ, одним резким движением сдёргивает лонгслив через голову и отбрасывает на пол. В полумраке спальни блестят его широкие плечи и рельефная спина с яркими полосами вчерашних царапин от моих ногтей.

Интересно, если бы Светлана увидела эти царапины, на сколько децибел бы она зарядила крик?

Психолог: Мы ведь понимаем, что мы ужасно едкие здесь?

Женщина 30+: Сейчас не до этого..

Не теряя ни секунды, он подхватывает подол моей футболки, стягивает её с меня и тут же прижимает меня обратно к своей горячей, голой груди. Мои обнажённые соски мгновенно твердеют от трения о его кожу, а внизу живота я отчётливо чувствую, как сквозь плотную ткань джинсов в меня упирается его каменный стояк.

Целуя мою шею, скулы и ключицы, Дмитрий теснит меня к широкой низкой кровати. Его пальцы быстро расстёгивают пуговицу и молнию на моих джинсах и тянут их вниз вместе с тонким кружевным бельём. Я опираюсь ладонями о его крепкие предплечья, высвобождая ноги, отбрасываю одежду в сторону и опускаюсь на край матраса.

Дмитрий не спешит раздеваться сам — он опускается на колени прямо на пол между моих колен, укладывая широкие, горячие ладони на мои бёдра и медленно, но с силой разводит их в стороны. Сначала он склоняется к моей груди: обхватывает губами тугой, порозовевший сосок, с жадным стоном втягивает его и проводит по вершине кончиком языка, пока вторая рука скользит по моим рёбрам и талии вниз. Я запускаю пальцы в его короткие тёмные волосы, выгибаясь в спине навстречу его губам.

— Иди сюда, ко мне.. — глухо шепчет он, обжигая дыханием кожу у меня под грудью, и, подхватив меня под ягодицы, одним сильным движением подтягивает на самый край матраса, заставляя откинуться лопатками на простыни.

Закинув мои голые бёдра себе на плечи, Дмитрий коротко, с явным кайфом втягивает воздух сквозь зубы, когда моя гладкая кожа плотно прижимается к его вчерашним царапинам. Он проводит большими пальцами по внутренней стороне моих бёдер, раскрывая влажные складки, и с низким, гортанным звуком прижимается к ним горячими губами.

Я вздрагиваю всем телом и громко выдыхаю, когда его широкий язык с нажимом проходит снизу вверх по всей длине, собирая мою горячую смазку, и останавливается прямо на пульсирующем клиторе. Дмитрий ласкает меня жадно и безошибочно: то плотно обхватывает набухшую горошину губами, слегка посасывая, то быстро и ритмично работает кончиком языка. Его густая щетина охватывает нежную кожу вокруг колючим, сводящим с ума жаром.

Когда я начинаю мелко дрожать и подаваться тазом навстречу его лицу, сжимая пальцами его волосы на затылке, он уводит одну руку ниже и плавно, до самого основания вводит в меня два длинных пальца. Вторая его ладонь тяжело и властно ложится на низ моего живота, удерживая меня на месте, пока пальцы внутри сгибаются, ритмично нажимая на самую чувствительную переднюю стенку в такт быстрым, настойчивым движениям языка на моём клиторе. Удовольствие взлетает так резко и остро, что мне не хватает воздуха, и я, задыхаясь от собственных стонов, тяну его за плечи вверх, не желая кончать без него внутри.

Дмитрий понимает меня без слов. Он с глухим, гортанным стоном отрывается от меня, плавно вынимает пальцы и поднимается в полный рост между моих разведённых колен. В

косой полосе света из коридора его губы и подбородок влажно блестят от моей смазки, а тяжёлый, потемневший взгляд прикован к моему раскрасневшемуся лицу.

Я приподнимаюсь на локтях, и сама тянусь к пряжке его ремня, но его пальцы перехватывают инициативу: металл коротко звякает в полумраке, молния расходится, и Дмитрий несколькими быстрыми движениями стаскивает джинсы вместе с тёмными боксёрами, отбрасывая их к ногам. Его горячий, налитой каменной тяжестью член с набухшей головкой упруго касается моего бедра.

Подхватив меня под талию, он легко сдвигает меня выше к центру широкого матраса и нависает сверху, опираясь одной рукой у моей головы. Вторая его рука направляет ствол к моему разгорячённому, мокрому входу, и одним мощным, безостановочным движением бёдер Дмитрий входит в меня сразу на всю длину, до самого основания.

У меня перехватывает дыхание — с губ срывается громкий, прерывистый вскрик, спина невольно выгибается дугой, а мои пальцы с силой впиваются в его горячие плечи и лопатки прямо поверх вчерашних царапин. Дмитрий глухо рычит сквозь зубы, прикрывая на секунду глаза.

— Блядь.. какая же ты горячая, — хрипло выдыхает он прямо в мои приоткрытые губы, не давая ни себе, ни мне времени на раскачку. — Сама предложила выпустить пар.. теперь держись.

Он сразу берёт быстрый, глубокий и жёсткий ритм, вбиваясь в меня так плотно и размашисто, что низкая массивная кровать глухо отзывается под нашим весом. Я с азартом принимаю этот напор: крепко обхватываю его торс голыми ногами и подаюсь тазом навстречу каждому толчку. Когда он накрывает мой рот горячим, глубоким поцелуем, я ощущаю на его губах и языке терпкий вкус вина и собственной страсти, и от этого внутри всё разгорается ещё сильнее.

Дмитрий отрывается от моих губ, тяжело и жарко дыша, и перехватывает мои ноги под коленями. Одним сильным движением он поднимает мои бёдра выше, укладывая мои голени себе на грудь и плечи. В этом положении я складываюсь почти пополам, и угол проникновения меняется — теперь каждый его толчок сверху вниз достаёт до самой глубины, плотно притираясь основанием ствола к моему набухшему клитору.

Я громко стону, запрокидывая голову на подушку и пытаясь ухватиться за его предплечья, но Дмитрий ловит оба моих запястья своей широкой ладонью и властно прижимает их к матрасу прямо над моей головой. Свободной рукой он крепко держит меня за бедро, продолжая мощно и ритмично качать тазом, и смотрит на меня сверху вниз горящими, шальными от удовольствия глазами.

— Смотри на меня, — низко, на рваном выдохе требует он, не сбавляя темпа. — Я ещё там, у острова, еле сдержался, чтобы не завалить тебя прямо на столешницу. Ты меня просто с ума сводишь.. никогда в жизни меня женщина так не заводила.

Я не отвожу взгляда от его потемневших глаз — наоборот, с вызовом и жадным удовольствием смотрю прямо в них, выгибаясь в пояснице и сжимая его ствол внутренними мышцами. От его слов и от того, как властно он удерживает мои запястья над головой, внутри всё скручивается в тугой, раскалённый узел. С моих губ срывается громкий, прерывистый стон, когда он делает ещё несколько особенно глубоких толчков, буквально вжимая меня в матрас.

Чувствуя, что я уже совсем близко к грани, Дмитрий резко выпускает мои руки и на секунду выходит из меня, оставляя внутри горячую, пульсирующую пустоту. Не давая мне опомниться, он крепко перехватывает меня за талию и одним движением переворачивает меня на живот.

Я даже не думаю сопротивляться — сама опираюсь локтями и грудью о мягкие тёмные подушки, а когда его руки подхватывают меня под живот и приподнимают бёдра, охотно встаю на колени и прогибаюсь в спине навстречу ему.

Дмитрий устраивается позади меня. Его широкие, горячие ладони ложатся на мои ягодицы и бёдра, сжимая упругую кожу с такой жадной, собственнической силой, что пальцы буквально вдавливаются в плоть. В следующее мгновение он направляет свой мокрый, раскалённый член к моим раскрытым складкам и одним мощным движением входит сзади до самого упора, плотно прижимаясь пахом к моим ягодицам.

Я громко вскрикиваю, зарываясь лицом в подушку и комкая в кулаках тёмную простыню. В этой позе глубина кажется запредельной, а Дмитрий больше не сдерживает напор ни на грамм. Удерживая меня одной рукой за бедро и талию в железной хватке, он срывается на быстрый, жёсткий, размашистый ритм, словно насаживая меня на себя. В полумраке спальни разносится громкий, влажный звук ударов его бёдер о мои и наше тяжёлое, рваное дыхание.

Дмитрий склоняется над моей спиной, прижимаясь горячей, влажной от пота грудью к моим лопаткам. Его свободная рука скользит вдоль моего бока вниз по животу и безошибочно накрывает набухший, скользкий от обильной смазки клитор, начиная быстро и настойчиво растирать его пальцами в такт своим глубоким толчкам.

— Блядь.. что ты со мной творишь, — хрипло, сквозь стиснутые зубы рычит он прямо у моего уха, обжигая шею горячим дыханием и ещё крепче сжимая пальцы на моём бедре. — Как же мне сносит от тебя голову.. Давай, со мной, сейчас..

Его быстрые, точные движения пальцев на клиторе и мощные, глубокие удары изнутри сливаются в одну ослепительную вспышку. Меня накрывает таким резким, сокрушительным оргазмом, что дыхание перехватывает: я выгибаюсь всем телом, запрокидывая голову ему на плечо, и с моих губ срывается долгий, несдержанный стон, пока внутри всё сжимается частыми, тугими спазмами вокруг его ствола.

От этих горячих сокращений Дмитрий глухо, протяжно стонет, утыкаясь лицом в изгиб моей шеи. Его пальцы на моей талии и ягодицах сжимаются до предела, он делает ещё два резких, глубоких толчка и замирает, вдавливаясь в меня всем весом и изливаясь глубоко внутрь мощными, обжигающими волнами спермы. Я чувствую каждую тяжёлую пульсацию его члена внутри себя и то, как крупная дрожь проходит по его широким плечам и спине, пока он тяжело, прерывисто выдыхает в мою влажную кожу.

Мы застываем так, переживая оргазм, не в силах пошевелиться. Дыхание, сорванное и горячее, возвращается; он рушится рядом на матрас, притягивает меня лицом к себе и крепко обнимает, отпуская всё напряжение и переживания, вместе с этим острым, только что пережитым кайфом.

Спустя несколько долгих минут, пока сознание ещё дрейфует по волнам эйфории, а дыхание постепенно выравнивается, он начинает шевелиться. Он проводит ладонью по моей спине и талии, где на разогретой коже уже проступают яркие розовые следы от его пальцев, убирает прилипшую прядь волос с моей щеки и касается губами моего виска.

Я перевожу дыхание, поднимаю на него глаза и с тихой, лукавой улыбкой спрашиваю:

— Полегчало?

Дмитрий смотрит на меня в упор, и по его губам скользит тёплая, ленивая и совершенно обезоруженная усмешка. Он проводит большим пальцем по моей нижней губе и отвечает:

— Теперь — да. Тебе впору патентовать этот способ снятия стресса. Работает безотказно и выбивает из головы всё лишнее за считаные минуты.

Он поднимает руку и тыльной стороной пальцев проводит по моей раскрасневшейся щеке, убирая за ухо влажную прядь волос. Его тёмные глаза в полумраке спальни уже смотрят на меня спокойно и очень тепло.

— Правда, когда ты так откровенно отзываешься на напор, контролировать силу в конце становится почти невозможно, — добавляет он тише, опуская взгляд чуть ниже и поглаживая меня по талии и бедру.

И снова перед нами довольный кот. Смотрите, как просто сбрасывать напряжение.

— Вот. Теперь мы знаем, как решать вопрос с напряжённым рабочим днём. И не придётся закрываться в кабинете, — весело усмехаюсь я.

Дмитрий качает головой и тихо, грудно смеётся, глядя на мою весёлую усмешку.

— Учитывая, что в этой квартире я кабинет даже проектировать не стал, прятаться мне тут в любом случае негде, — с тёплой иронией отвечает он, перехватывая меня поудобнее за талию. — Да и какой дурак пойдёт запираться за дверью с бумагами, когда в спальне предлагают такую альтернативу.

Он наклоняется и целует меня в губы — медленно и мягко, задерживаясь у уголка моего рта.

Повернувшись на спину, он увлекает меня за собой так, что моя голова удобно ложится прямо ему на грудь, над стуком сердца, а его рука ложится поверх моего плеча, поглаживая меня по спине.

Несколько минут мы лежим в полумраке спальни. Сказываются и прошлая почти бессонная ночь, и сегодняшний бесконечный день — тело после яркой разрядки окутывает приятная, тяжёлая истома.

— Пойдём сейчас в душ, — негромко говорит Дмитрий, зарываясь пальцами свободной руки в мои растрепавшиеся тёмно-русые волосы, — или полежим так ещё немного?

— Пойдём. Поваляемся уже свежими.

Дмитрий коротко целует меня в макушку, поднимается с матраса и подаёт мне руку, помогая встать.

Ванная комната примыкает прямо к спальне за раздвижной матовой дверью, но перед тем, как зайти туда, он на полминуты выходит в прихожую — возвращается оттуда с моим небольшим рюкзаком, оставляя его на банкетке у входа в ванную, чтобы мои вещи и щётка были под рукой.

Внутри просторной душевой за стеклянной перегородкой он включает тёплую воду из широкой верхней лейки. После жаркой полутьмы спальни густые струи приятно освежают разгорячённую кожу. Здесь уже нет недавней спешки: Дмитрий берёт с полки гель, вспенивает его в ладонях и проводит руками по моим плечам, спине и талии, смывая следы пота и близости.

Задержав ладони на моих бёдрах и ягодицах, где под светом потолочных ламп отчётливо видны розовые отпечатки от его недавней жёсткой хватки, он наклоняется и мягко целует кожу у меня на плече, подставляя спину со своими царапинами под воду.

Выбравшись из душа, мы вытираемся пушистыми полотенцами. Пока я достаю из рюкзака щётку и умываюсь у широкой каменной раковины, Дмитрий распечатывает себе новую зубную щётку из шкафчика, а затем выходит в спальню.

Когда я возвращаюсь в комнату, в ней горит приглушённый светильник у изголовья, простыни поправлены, одеяло приветливо откинуто.

Мы забираемся под лёгкое одеяло. Дмитрий ложится на спину и сразу раскрывает объятия, укладывая меня головой к себе на грудь. Его кожа пахнет чистотой и свежим гелем для душа, а ладонь гладит моё обнажённое плечо и влажные у корней волосы.

Несколько минут в тишине комнаты слышно только наше ровное дыхание.

— Слушай, — негромко произносит Дмитрий, глядя перед собой в полумрак спальни и продолжая перебирать пальцами мои пряди. — Ты сегодня утром у себя на кухне обронила одну фразу.. что сто лет не чувствовала себя так в чьих-то руках. Мы про мою жизнь за эти сутки уже вдоль и поперёк всё обсудили, даже наглядно посмотрели. А как ты вообще жила до вчерашнего вечера? Почему так долго была одна?

Психолог: «Так долго была одна». Он думает, что мы давно ни с кем не встречались.

Стратег: Жаловаться на мужиков мы не привыкли. Но и врать ему нецелесообразно.

Скептик: Но и о том, что мы их как орешки щёлкали, — тоже не стоит. Начнёт ещё загоняться, что мы видим его насквозь.

Женщина 30+: Так с какой стороны подойдём к вопросу? «У меня никого нормального давно не было»?

Психолог: Говоря так, мы подразумеваем, что все, кто был, — были «ненормальные». Не подходит.

Женщина 30+: А что мы тогда утром почувствовали?

Стратег: Тепло и надёжность.

Скептик: Ну да. А Вадим был лодырем и просил давать ему на метро каждое утро.

Бухгалтер: Олежа вообще всегда счёт в ресторане пополам делил.

Стратег: Так, стоп. Вопрос денег поднимаем аккуратно. Мы не мелочные и не охотницы за кошельком.

Женщина 30+: И не тарелочницы. Тогда о чём говорим?

Психолог: Может, «низкий интеллект и простейший взгляд на жизнь»?

Я немного думаю, а потом говорю:

— Помнишь, ты говорил, что за две минуты понимаешь, что женщинам нужно из твоего круга? Вот у меня то же самое было примерно, только я сразу понимала, что не сложится. Очень.. трудно было найти парня или мужчину, чтобы я чувствовала себя в надёжных руках. Когда приходится разгребать не только свои бытовые и экономические вопросы, но и партнёра — это как-то.. огорчает. Я не просила содержать меня или платить за аренду квартиры. Но и счёт в ресторане делить пополам.. ну такое.. Так что я ходила на свидания, иногда начинала отношения, но ни с кем ничего построить не получалось. А утром.. от тебя просто исходила эта непоколебимая уверенность и спокойствие, которые я не чувствовала ни от кого никогда.

Под моей щекой мерно поднимается его грудь. Пока я говорю, пальцы Дмитрия неторопливо скользят по моим волосам, но на словах про чужие бытовые вопросы и разделённый счёт в его груди отдаётся короткая, сухая усмешка.

— Счёт в ресторане пополам.. — негромко повторяет он с лёгким недоумением в голосе, словно пробует на слух совершенно дикую для себя конструкцию. — Всегда поражало, как взрослый мужчина может пригласить женщину на ужин, а потом сидеть и высчитывать по чеку, кто сколько выпил кофе. А уж перекладывать свои бытовые и финансовые трудности на женские плечи — это вообще за гранью моего понимания.

Он поворачивает голову на подушке, касается губами моих волос у виска и кладёт ладонь мне на спину под одеялом.

— Иронично получается, — задумчиво продолжает он, глядя в мягкий полумрак спальни. — Мы с тобой просто находились на двух разных полюсах одной и той же крайности. Вокруг меня годами были те, кто смотрел исключительно на возможности и статус, а тебе попадались люди, рядом с которыми приходилось тянуть всё самой. Неудивительно, что тебе быстро становилось с ними плохо.

Его пальцы очерчивают изгиб моего плеча, спускаются ниже к предплечью и останавливаются на коже.

— А за то, что ты сказала про сегодняшнее утро — спасибо, — произносит он тише и заметно теплее. — Слышать от такой самостоятельной девушки, что в моих руках можно наконец выдохнуть и почувствовать опору.. для меня это дорогого стоит. И со мной тебе точно никогда не придётся думать о том, как делить счёт или решать мужские проблемы.

Он чуть крепче прижимает меня к себе, удобнее устраиваясь на подушках, не выпуская меня из объятий.

— И дай угадаю, — говорю я. — Сегодня Светлана наверняка сказала что-нибудь насчёт того, что мне от тебя нужны только деньги? Ты там не крутишь у себя эти мысли случайно в голове?

Под моей щекой чувствуется, как его грудь приподнимается от беззвучного смешка. Пальцы на моём плече на секунду замирают.

— Опять в десятку, — негромко признаёт он, не пытаясь юлить. — Да, сказала. Прямо в дверях гардеробной, когда я сумку закрывал: мол, неужели я настолько ослеп за одну ночь, что верю, будто тебе нужен я сам, а не мой чек и машина.

Он поворачивает голову так, что его подбородок касается моей макушки, и в его голосе звучит абсолютное, ровное спокойствие:

— Но если ты думаешь, что я после этого ехал сюда и прокручивал её слова в голове, то зря. Люди всегда судят о других по собственной системе координат, а её координаты мне известны слишком хорошо. К тому же я ведь смотрю не на то, что мне говорят со стороны, а на то, как человек себя ведёт в мелочах.

Его ладонь скользит вдоль моего позвоночника к пояснице и мягко ложится на талию под одеялом.

— Девушка, которой от мужчины нужны деньги и красивая обёртка, ведёт себя совершенно иначе, — продолжает он тихо и уверенно. — По моему опыту она оценивающе оглядела бы машину, в которую садится. Заходя впервые в квартиру на Пресне, она первым делом рассмотрела бы обстановку и вид из окон. А ты вечером села ко мне в салон, даже не взглянув по сторонам, и первым делом спросила, в порядке ли я. А когда мы поднялись сюда — молча взяла меня за руку и увела на диван, чтобы просто обнять. Такие вещи невозможно сыграть специально. Так что на этот счёт в моей голове нет ни одной лишней мысли.

Он наклоняет лицо ниже, отыскивает губами мой лоб у линии волос и оставляет там долгий поцелуй.

Стратег: Знаете, что странно.. Что у них не было брачного контракта. Спросим?

Скептик: Валяй.

— Слушай, а у вас брачного контракта не было? Я думала, сейчас все состоятельные люди его заключают в браке.

— Сейчас бы я, безусловно, его составил, — отвечает Дмитрий. — Но когда мы женились, мне было двадцать семь. Делить нам по большому счёту было нечего.

Он поправляет подушку и продолжает:

— Небольшая подрядная фирма, первые контракты, старая машина и кредиты на технику. Света выходила замуж за человека, который только начинал. Потом компания выросла, но предлагать жене брачный договор спустя несколько лет было бы уже совсем другим разговором.

— Личная недвижимость — этот дом за городом, квартира, счета — это всё совместно нажитое, тут спорить бессмысленно. А вот сама компания и строительные активы юридически структурированы совсем иначе, через холдинг и партнёрские доли с Максимом, так что выдернуть живые деньги из оборота или парализовать стройки у неё при всём желании не выйдет. Я бы предпочёл договориться без суда, но если не получится, пусть условия обсуждают юристы.

Скептик: Он что, специально построил фирму так, чтобы при разводе жена не смогла взять то, что ей причитается по закону?

Женщина 30+: Это как-то.. неправильно. Она ведь его жена. Я бы не хотела, чтобы с нами так поступили.

Психолог: Важны предпосылки. Намерение. И умысел.

Он поворачивает голову ко мне:

— Завтра с юристами составим соглашение и передадим ей. Не хочу, чтобы это тянулось бесконечно. Тебе сейчас не стоит забивать этим голову.

Свободной рукой он тянется к выключателю у изголовья.

Глядя ему в глаза, спрашиваю:

— А можно вопрос? Насчёт компании и остального, связанного с твоим делом.. Ты сделал это специально на случай развода? Я просто.. хочу понять, чем ты руководствовался.

Рука Дмитрия замирает у выключателя. Он не гасит свет, возвращает ладонь на подушку и смотрит на меня.

— Изначально — нет. В строительстве слишком много рисков: подрядчики, банки, обязательства по нескольким объектам. Мы с Максимом выстраивали структуру, чтобы проблемы в одном месте не положили всю работу.

Он ненадолго замолкает.

— Но полтора года назад, когда мы готовили новый посёлок и пересматривали документы, я уже понимал, что наш брак держится на бумаге. Положение, которое должно было защитить управление компанией при переходе долей, я оставил осознанно. В том числе думая о возможном разводе.

Бухгалтер: Разумно с точки зрения бизнеса.

Женщина 30+: Готовил почву.

Стратег: Не осуждаю. Когда видишь, что брак летит под откос — начинаешь думать о будущем.

Скептик: Неоднозначно..

Он выдерживает мой взгляд.

— Я не собираюсь оставлять Свету без дома или денег. Мы прожили вместе восемь лет, и я от этого не отказываюсь. Но компанию я тоже должен защитить — там не только мои интересы, у Максима своя доля, у людей работа. Поэтому да, я тогда об этом подумал.

Психолог: Хочу заметить, что ничего предосудительного не было сделано. Пока они были в нормальных отношениях — он не сделал этого специально. А когда брак начал рушиться, это стало осознанным решением, но защитой компании, а не ударом по жене. По предпосылкам и умыслу можно оправдать.

Стратег: Фактор Максима тоже важную роль играет.

— Поняла.. Спасибо, что ответил честно, без увиливаний. Я очень ценю это.

Дмитрий сжимает моё плечо.

— С тобой увиливать смысла нет, — отвечает он. — Да и самому проще говорить прямо.

Психолог: Можем сказать, что не против брачного контракта — это пойдёт нам в плюсик.

Скептик: Ага, и он подумает, что мы уже за него замуж хотим.

Женщина 30+: Я тоже за то, чтобы озвучить, что нам от него ничего не нужно в этом плане. Мы сами копим на квартиру!

Стратег: Такие вопросы в такой срок не обсуждаются. Пусть сейчас сам делает выводы, успеем обсудить ещё.

Он тянется погасить бра, но телефон на прикроватной тумбочке начинает вибрировать. На экране высвечивается «Максим». Дмитрий приподнимается на подушках и берёт трубку, не убирая руки с моей спины. В тишине спальни мне хорошо слышно голос Максима из динамика.

— Слушаю, Макс.

— Дим, не разбудил? Слушай, Света полчаса назад звонила Ане. Сказала, что ты утром приехал за вещами и объявил о разводе, а вечером она застала у тебя ту девушку, которая вчера вела покер. Я не хочу лезть в личное, но это правда?

Чёрт, его друзьям уже известно. Наговорила там про меня оскорблений..

Дмитрий выдыхает.

— Правда. Я прямо сказал, что мы разводимся. Днём в доме оставил кольцо. Вечером она приехала на Пресню без предупреждения, открыла дверь своим ключом. Покричала, оставила ключи и уехала.

— Понятно.. Она говорит, что наймёт адвокатов, будет делить компанию и блокировать счета. Аня перепугалась. У нас же на неделе подписание по подрядчикам. Нам ждать проблем с проектами?

— Аню успокой, бизнес и наши проекты это вообще никак не затронет, ты сам прекрасно помнишь устав холдинга. Максимум, что Света может сделать — затянуть через суд раздел нашей с ней личной недвижимости и счетов. Завтра с утра подключу юристов: составим соглашение и передадим ей. Если не договоримся, будем разбираться через суд.

— Ладно, услышал тебя, тогда я спокоен, — с заметным облегчением выдыхает Максим. — Значит, выкрутасы на парковке у моего дома вчера не на пустом месте начались.. Решительно ты, однако, вопрос закрыл. Ладно, Дим, не буду мешать, завтра в офисе после обеда увидимся, обсудим текучку.

— До завтра.

Дмитрий откладывает телефон на тумбочку и гасит свет. Потом опускается на подушку и снова устраивает меня у себя на груди.

— Оперативно работает сарафанное радио, — говорит Дмитрий. — Даже до утра не дотерпела — решила сразу привлечь тяжёлую артиллерию в лице друзей.

Я закидываю на него ногу, тянусь поцеловать его мягко и говорю:

— Иди сюда..

Дмитрий тут же подаётся навстречу в темноте. Его ладонь скользит по моему бедру, прижимая ближе, и он отвечает на поцелуй — медленно и мягко.

Когда я устраиваюсь обратно на его груди, он не убирает руку — его ладонь так и остаётся лежать на изгибе моего бедра и ягодицы под одеялом, а пальцы второй руки гладят мою спину вдоль позвоночника.

Положив на него голову после поцелуя, спрашиваю:

— Какой у тебя план на завтра?

— С утра первым делом спокойно позавтракаем, и я отвезу тебя домой — ты ведь сегодня без машины, — негромко отвечает он в темноте, и от его грудного голоса под моей щекой расходится мягкая вибрация. — Заодно сразу свяжусь с управляющей компанией комплекса: распоряжусь аннулировать второй пропуск и вызову мастера, чтобы заменили замки на входной двери.

Его палец чертит линию у меня на талии.

— К десяти поеду в офис. Сначала переговорю с руководителем нашего юридического отдела, передам ему все вводные по соглашению и разделу имущества, чтобы я сам в этой бумажной рутине больше не участвовал. А после обеда мы с Максимом садимся утверждать сметы с подрядчиками по новому посёлку.

Дмитрий чуть поворачивает голову на подушке, касаясь губами моих распущенных волос у виска.

— Часам к семи вечера я уже буду полностью свободен. У тебя по понедельникам, насколько я понимаю, обычно выходной после выходных заказов? Если не захочешь сидеть одна дома — с удовольствием заберу тебя снова к себе или съездим куда-нибудь поужинать, где подают правильный лимонад со льдом.

Этот мужчина говорит о будничном и при этом ласкает меня так, что я таю..

Он замолкает, прислушиваясь к моему дыханию.

Негромко говорю, чуть понизив голос от движений его рук:

— Мне ещё никогда так чувственно не рассказывали о делах на завтра.. Для тебя это тоже всё в новинку, да?..

От того, как заметно понижается мой голос под его ладонями, рука Дмитрия на секунду замирает у меня на спине, а затем скользит к пояснице, прижимая меня к себе плотнее.

В тишине спальни раздаётся его выдох, похожий на усмешку.

— В точку, — негромко отвечает он, и его рука скользит по моему бедру к талии и обратно. — Рассказывать о сметах, юристах и управляющей компании, пока на мне лежит

обнажённая женщина, от которой у меня второй день подряд сносит голову — такого в моей практике точно ещё не было.

Он поворачивает лицо в темноте, отыскивает губами мой висок, затем спускается по скуле к шее прямо за ухом, оставляя там след поцелуя. Он целует и ласкает меня так жадно, словно человек, который дорвался до живой женской ласки и просто не может надышаться и натрогаться вдоволь.

— Знаешь, что самое непривычное? — шепчет он почти у моих губ, продолжая медленно гладить изгиб моего бедра. — Что тебя не хочется отпускать даже после того, как мы только что вышли из душа. Раньше для меня всё заканчивалось гораздо проще: отвернулся на свою половину кровати и уснул. А сейчас я лежу, говорю тебе про какие-то рабочие бумажки на понедельник, а сам думаю только о том, какая у тебя невероятно гладкая кожа под пальцами.

Его ладонь поднимается вдоль моего позвоночника к затылку, путаясь в распущенных волосах, и он замирает в полувздохе от моего лица в темноте.

— А у тебя невероятно нежные пальцы.. — сонно говорю я и постепенно засыпаю в его руках.

Дыхание Валери на его груди выравнивается, становится размеренным, а тело под одеялом окончательно тяжелеет и расслабляется в тепле его рук.

На сонных словах Валери про нежные пальцы Дмитрий тихо, одними губами улыбается в темноте. Вряд ли кто-то из его окружения — партнёров, подрядчиков или тем более жены — за все эти годы хотя бы раз употребил рядом с его именем слово «нежный».

Его ладонь легко лежит на её талии, и он чувствует её дыхание.

Сам он засыпает не сразу. Несмотря на физическую усталость после почти бессонной прошлой ночи и сегодняшней встряски, мысли в голове ещё какое-то время продолжают крутиться по инерции.

Он лежит на спине, глядя в тёмный потолок спальни, и впервые за весь этот сумасшедший день остаётся наедине с тем, что произошло. Ещё сутки назад в этот самый час они с Валери только выезжали из посёлка Максима на её маленькой машине, а в салоне пел какой-то молодой парень из её плейлиста. За двадцать четыре часа он успел перевернуть вверх дном собственную жизнь, которая восемь лет катилась по накатанным, выверенным рельсам.

Внутри ещё остаётся тяжёлый, неприятный осадок от дневной ругани в загородном доме и вечернего вторжения. Он терпеть не может терять лицо и срываться на крик — особенно так, как сорвался сегодня в гостиной, когда шагнул к Светлане. И то, что Валери увидела его в такой момент, до сих пор задевает его мужское самолюбие. Как задевают и слова про закрытую дверь кабинета. Признать с ходу, что в развале их брака есть и его прямая доля вины, ему непросто: годами он был уверен, что если обеспечивает дом и не тащит рабочие проблемы за ужин, то с него взятки гладки. Но то, как спокойно, без обвинений и позёрства она разложила это вслух прямо перед ними обоими, заставило его впервые посмотреть на собственную правоту под другим углом.

Дмитрий переводит взгляд вниз, вглядываясь в очертания лица Валери и её волосы, рассыпавшиеся по его плечу и подушке.

В голове до сих пор не укладывается, как Валери повела себя сегодня вечером. Без истерик, без вопросов «кто я здесь тогда такая», без хлопанья дверью. Одной сухой репликой про состав преступления остудила его на взлёте, налила этот чёртов третий бокал вина, выбила почву из-под ног Светланы, а через десять минут с лукавой улыбкой потянула его за руку в спальню — забирать весь накопившийся за день мрак на себя.

Лопатки и плечи под простынёй ощутимо саднят от ногтей Валери, и это ощущение вызывает у него усмешку. Впервые за несколько лет мысль о завтрашнем утре и новой рабочей неделе не вызывает у него глухого раздражения — даже со всеми предстоящими разговорами с юристами, оценкой имущества и заменой замков.

Валери во сне чуть глубже утыкается носом в его плечо. Дмитрий осторожно, чтобы не потревожить её, тянется свободной рукой к смартфону на прикроватной тумбочке, приподнимает его и касается экрана, проверяя, заведён ли утренний будильник на восемь тридцать, и кладёт смартфон обратно. Затем подтягивает съехавший край одеяла выше, укрывая её обнажённое плечо, кладёт ладонь ей между лопаток и прикрывает глаза, прижимаясь подбородком к её макушке.

Он давно не чувствовал себя *так*.

Глава 5. Второй день

Ровно в восемь тридцать на прикроватной тумбочке коротко вибрирует смартфон, и в полумраке спальни раздаётся негромкий нарастающий сигнал будильника. Сквозь узкую щель между тяжёлыми тёмными портьерами на паркет ложится косая полоса утреннего света.

За ночь мы почти не расцепились: я лежу на смятых простынях лицом к Дмитрию, по-прежнему закинув согнутое колено на его бедро, а моя ладонь лежит у него на груди.

Дмитрий просыпается от сигнала. Не убирая руки с моей талии, он вслепую тянется свободной ладонью к тумбочке, нащупывает холодный корпус телефона и одним движением пальца гасит экран, возвращая в спальню тишину.

Уронив руку обратно на матрас, он несколько мгновений лежит неподвижно и смотрит на моё лицо сощуренными со сна тёмными глазами. Под одним на двоих одеялом сохранилось густое ночное тепло; когда он делает глубокий вдох и слегка потягивается, его горячее тело прижимается ко мне ещё плотнее, а твёрдый утренний стояк ощутимо упирается мне в низ живота и внутреннюю сторону бедра.

Его широкая тёплая ладонь медленно скользит по моей гладкой спине вниз, оглаживая прогиб поясницы и упругую линию ягодицы, и мягко, но настойчиво притягивает меня вплотную к себе. Дмитрий подаётся вперёд, касаясь жёсткой утренней щетиной моей щеки, и оставляет долгий, горячий поцелуй в основании моей шеи, прямо над ключицей.

— Доброе утро, — низким, хрипловатым со сна голосом произносит он прямо в мою кожу, продолжая неторопливо водить пальцами вверх и вниз вдоль моего позвоночника.

— Доброе.. Я чувствую, что ты очень-очень рад меня видеть с утра..

Я прижимаюсь к нему ещё ближе.

По его груди проходит низкая, глухая вибрация смешка. Мой живот и внутренняя сторона бедра плотно скользят по его каменному, горячему стояку, отчего Дмитрий делает короткий, шумный вдох сквозь зубы.

— Тут при всём желании не скроешь, — хрипло усмехается он, и его пальцы на моей пояснице сжимаются ощутимо крепче. — Когда ты так трёшься об меня с утра, думать о делах решительно невозможно.

Он подаётся вверх, пальцами свободной руки поддевает мой подбородок и накрывает мои губы глубоким, жадным поцелуем. Я сразу отвечаю ему: приоткрываю губы, впуская его язык, и веду ладонями вверх по его широким плечам, зарываясь пальцами в короткие тёмные волосы на затылке.

Не разрывая поцелуя, Дмитрий плавно переносит вес тела и увлекает меня на спину, нависая сверху. Тяжёлое одеяло сползает вниз, открывая прохладному утреннему воздуху нашу разогретую после сна кожу. Я выгибаюсь под ним, теснее прижимаясь к его широкой груди, и с тихим выдохом провожу ладонями вдоль напряжённых мышц его спины.

Оторвавшись от моих губ, он спускается горячими поцелуями по подбородку и шее, слегка оцарапывая мою кожу жёсткой утренней щетиной. Его широкая ладонь накрывает мою грудь, сжимает её, большой палец с нажимом проводит по мгновенно затвердевшему соску, а секунду спустя его губы и горячий язык обхватывают вершину, лаская и втягивая её. От этого контраста с прохладным воздухом спальни с моих губ срывается протяжный утренний стон; я сильнее прогибаюсь в лопатках навстречу его рту и выше закидываю согнутую ногу ему на поясницу, притираясь бедром к его твёрдому паху.

Дмитрий глухо рычит прямо в мою кожу и ведёт ладонью вниз — по животу к изгибу талии и дальше, между моих раздвинутых бёдер. Его пальцы сразу находят горячую, скользкую влагу. Я невольно подаюсь тазом навстречу его руке, когда он двумя пальцами медленно и с

ощутимым нажимом очерчивает набухший клитор, заставляя моё дыхание сбиться, а затем скользит ниже, собирая влагу у самого входа во влагалище.

Уперевшись одним предплечьем в подушку рядом с моей головой, Дмитрий устраивается между моих разведённых ног. Его тёмные глаза смотрят прямо в мои — взгляд тяжёлый, потемневший, дыхание глубокое и прерывистое. Свободной рукой он направляет свой член, проводит головкой вверх-вниз по моим влажным губам и плотно упирается в сам вход.

— Хочу тебя прямо сейчас, — глухо выдыхает он мне в самые губы, чуть подаваясь бёдрами вперёд, так что крупная головка уже начинает медленно раздвигать мои влажные губы.

— Ммм.. И я хочу.. Чувствуешь?..

На последних словах я чуть подаюсь тазом вперёд, скользя горячими, намокшими складками прямо по чувствительной головке. Дмитрий делает резкий вдох сквозь сжатые зубы, его зрачки расширяются, делая взгляд почти чёрным.

— Чувствую, — глухо выдыхает он, сжимая пальцы на моём бедре. — Вся горишь.

Он подхватывает мою ногу под колено, закидывая её выше себе на талию, и одним мощным, тяжёлым движением входит в меня до самого основания. С моих губ срывается протяжный, низкий стон; я невольно выгибаюсь в пояснице навстречу этому плотному заполнению, обхватываю его торс обеими ногами и впиваюсь пальцами в напряжённые мышцы его плеч.

На секунду Дмитрий замирает внутри, прижимаясь широкой горячей грудью к моей, так что мои затвердевшие соски тесно трутся о его кожу на каждом вдохе. Затем он отводит бёдра назад и снова с силой толкается вперёд, задавая глубокий, тягучий утренний ритм.

— Боже, как в тебе хорошо, Ви. — Дима не отводит от меня взгляд.

Я сразу подхватываю его движение: качаю тазом ему навстречу, плотнее сцепляю лодыжки у него на крестце и веду ладонями по его спине, ощущая под пальцами перекаты твёрдых мышц. Когда я намеренно сжимаю его внутри себя и тяну на себя за шею, Дмитрий глухо рычит и накрывает мой рот горячим, сбитым поцелуем. Мы целуемся жадно и глубоко, не разрывая контакта, пока толчки становятся всё быстрее и тяжелее.

Оторвавшись от моих губ, чтобы перевести дух, он проводит обе ладони под мои ягодицы и крепко сжимает их, чуть приподнимая мой таз над смятой простынёй. Угол проникновения меняется — теперь его член входит ещё глубже, задевая самую чувствительную точку внутри, а основание паха при каждом толчке плотно и с нажимом притирается к моему набухшему клитору.

От этого трения удовольствие внутри начинает быстро скручиваться в тугую пружину; я запрокидываю голову на подушку, прерывисто стону в голос и сильнее подаюсь бёдрами навстречу его рукам. В полумраке спальни слышны только наше горячее, рваное дыхание и влажные звуки ударов кожи о кожу.

Дмитрий упирается лбом в мой висок, тяжело дыша мне в щёку, и заметно наращивает темп, вбиваясь в меня резкими, глубокими толчками.

— Так.. давай, двигайся со мной, — хрипло произносит он мне в самые губы, не сбавляя напора.

— Дима.. Да.. Вот так.. — выдыхаю я.

Мой сбитый шёпот и то, как звучит его имя на выдохе, срывают ему остатки утренней сдержанности. Пальцы Дмитрия ещё крепче сжимают мои ягодицы, удерживая таз на весу под идеальным углом, и он начинает двигаться мощно и размашисто, буквально вколачиваясь в меня всем весом.

Я не просто принимаю этот напор — сама подаюсь навстречу каждому толчку, с силой прижимая его к себе сцепленными на пояснице ногами и впиваясь ногтями в напряжённые, влажные от пота мышцы его лопаток.

С моих губ срываются уже не тихие выдохи, а громкие, прерывистые стоны. Напряжение внутри натягивается до предела и через несколько секунд взрывается яркой, горячей волной:

я выгибаюсь всем телом, запрокидывая голову на подушку и вскрикивая, а мои внутренние мышцы начинают ритмично и туго пульсировать, сжимая его ствол.

Дмитрий смотрит прямо в моё лицо потемневшими глазами, ловя каждую секунду моего оргазма. Ощутив, как сильно я сжимаю его изнутри, он делает ещё два резких, глубоких толчка, до упора вжимается в меня и глухо, протяжно рычит, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи. Его спина под моими ладонями каменеет, и я чувствую, как его член мощно вздрагивает внутри, изливая горячую сперму.

Мы оба тяжело и прерывисто дышим, пока последние спазмы медленно утихают. Постепенно мышцы его плеч расслабляются; Дмитрий переносит вес на предплечья, чтобы не давить на меня, и поднимает голову, заглядывая мне в глаза. На его губах появляется довольная, чуть усталая усмешка.

Он целует меня в губы — уже мягко, неторопливо — и осторожно выходит из меня, после чего перекатывается на спину и сразу же притягивает меня к себе. Я устраиваюсь рядом, положив голову ему на горячую, тяжело вздымающуюся грудь и перекинув руку через его торс.

Сердце под моей щекой бьётся часто и гулко. Дмитрий закидывает свободную руку за голову на подушку, а второй ладонью медленно гладит моё плечо и спутанные после секса волосы.

— Вот теперь точно доброе утро, — негромко произносит он с лёгкой хрипотцой, восстанавливая дыхание и прижимаясь губами к моей макушке. — Хотя на работу после такого ехать совсем не тянет.

— Доброе.. И очень приятное.. — Я улыбаюсь, глядя на него.

Дмитрий усмехается, проводит большим пальцем по моей губе и ещё раз коротко целует меня.

— Если мы пролежим так ещё хотя бы десять минут, я точно плюну на все совещания и запру спальню изнутри, — с лёгким сожалением произносит он и, осторожно высвобождаясь, поднимается с кровати.

Он подходит к панорамному окну и одним движением раздвигает тяжёлые портьеры. Комнату тут же заливает яркий утренний свет; далеко внизу просыпается Пресня, по улицам уже тянутся плотные потоки машин.

Дмитрий подаёт мне руку и помогает выбраться из-под одеяла. По пути в ванную я забираю у входа свой рюкзак со сменной одеждой и зубной щёткой.

В просторной душевой кабине за стеклянной перегородкой быстро становится влажно от горячего пара. Мы встаём под широкую тропическую лейку вдвоём; Дмитрий выдавливает на ладонь гель, намыливает мои плечи, спину и ягодицы, не упуская случая лишний раз прижать меня к себе и поцеловать в мокрый висок, пока тёплая вода смывает пену. Выбравшись из душа и растеревшись пушистыми полотенцами, мы плечом к плечу чистим зубы перед широким зеркалом. Я надеваю чистое бельё и свежую свободную футболку из своего рюкзака, расчёсываю и завязываю волосы, надеваю джинсы, а Дмитрий достаёт из своей дорожной кожаной сумки тёмные брюки и тёмно-синюю рубашку, закатывая рукава до локтей, а верхние пуговицы — расстёгнутыми.

Женщина 30+: Чёрт, какой же он всё-таки сексуальный в рубашке. Да и без неё.

Когда мы выходим в кухню-гостиную, утреннее солнце падает на каменную столешницу острова. Там со вчерашнего вечера всё ещё лежат брошенные Светланой ключи в кожаной ключнице и стоит нетронутый третий бокал с вином.

Взгляд Дмитрия на секунду тяжелеет. Он молча подходит к острову, выливает вино в раковину, убирает бокал в посудомойку, а связку ключей с глухим стуком бросает в верхний выдвижной ящик. Включив встроенную кофемашину, он берёт смартфон и звонит кому-то.

— Доброе утро. Квартира сто четырнадцать, — деловым тоном говорит он в трубку, пока кофемашина с гудением перемалывает зёрна. — Аннулируйте с сегодняшнего дня постоянный

пропуск на имя Светланы и пропуск на её автомобиль. Да, совсем. И пришлите мне сегодня к семи вечера мастера для замены цилиндра во входной двери. Отлично, жду.

Пока он говорит, я подхожу к острову и кладу на него предплечья.

Положив телефон на столешницу, Дмитрий открывает холодильник и оценивающе оглядывает полки.

— Так. У нас есть яйца, чиабатта, сливочное масло, пармезан, ветчина и ещё остались вчерашние помидоры с зеленью. — Он оборачивается ко мне, доставая продукты на стол. — Сделаем горячие тосты с ветчиной, сыром и глазуньей?

Я киваю и перехватываю у него доску и нож.

Работа на кухне спорится быстро и слаженно. Пока я нарезаю оставшиеся помидоры, зелень и натираю сыр, Дмитрий растапливает на большой сковороде кусочек сливочного масла, поджаривает ломти чиабатты до золотистой хрустящей корочки, а следом отправляет на вторую сковороду полоски ветчины и разбивает яйца так, чтобы желтки остались жидкими. По кухне разносится густой, аппетитный запах свежемолотого кофе, поджаренного хлеба и горячего масла.

Через десять минут передо мной на столешнице острова появляется большая тарелка с горячими тостами, поджаренной ветчиной, глазуньей, посыпанной сыром и зеленью, и нарезанными помидорами. Дмитрий ставит рядом две чашки свежесваренного кофе, достаёт из холодильника сливки и садится на высокий барный стул рядом со мной.

Придвинув ко мне молочник со сливками, он накалывает на вилку кусочек хрустящего хлеба, обмакивает его в яркий желток и смотрит на меня с лёгкой улыбкой:

— У тебя сегодня полноценный выходной или нужно готовить что-то к следующим играм?

Я наливаю себе в кофе сливки, добавляю ложку сахара и задумчиво размешиваю ложкой в кружке.

— За выходные наверняка скопились заявки, по понедельникам обычно их разгребаю, связываюсь с заказчиками, обсуждаю детали и всё такое. Плюс рекламными кабинетами занимаюсь и размещением. Короче, операционка за ноутом. Иногда куда-нибудь выезжаю проветриться днём. Уборкой ещё, может, займусь.

Дмитрий слушает меня с заметным интересом, отпивая кофе из своей чашки, и на слове «операционка» понимающе усмехается.

— Знакомая история, — говорит он, ставя чашку обратно на камень столешницы. — Когда сам и за коммерческого директора, и за маркетолога, и на выездах отдуваешься. Ты все заявки ведёшь одна или на крупные заказы иногда берёшь кого-то в помощь?

— В основном одна справляюсь, редко когда требуется помощь. Хотя знакомств уже приобрела, конечно, достаточно в этой среде, — говорю я, прожевав очередной кусок яичницы.

Он отправляет в рот кусочек поджаренной ветчины с тостом, поглядывая на то, как я завтракаю, и продолжает спокойным, деловым тоном:

— Я тебя сейчас после завтрака отвезу домой, спокойно разберёшься со своими клиентами и делами. А к вечеру спишемся — мне к семи нужно будет успеть сюда, встретить мастера по замкам, это минут на двадцать. Могу по дороге заехать за тобой, или, если захочешь проветриться за рулём, приезжай сама, пропуск на твою машину я оформлю через приложение за минуту.

Он берёт салфетку, вытирает пальцы и переводит взгляд на мои губы, чуть прищурившись от яркого утреннего солнца, бьющего из панорамного окна.

Я тоже расправляюсь со своим завтраком и говорю:

— Насчёт вечера поняла. Ты как после вчерашнего? Всё в порядке? Ну так в целом.

Дмитрий отставляет пустую тарелку в сторону, берёт чашку с остатками кофе, но пить начинает не сразу — несколько секунд задумчиво смотрит на тёмную поверхность, а затем поднимает взгляд на меня.

— Если честно — на удивление спокойно, — негромко отвечает он, делая глоток кофе и ставя чашку на столешницу. — Вчерашние сцены, конечно, удовольствия не доставили. Терпеть не могу истерики, битьё посуды и выяснение отношений на повышенных тонах. Сегодня ещё предстоит малоприятный разговор с главным юристом, да и Светлана наверняка продолжит обзванивать всех общих знакомых, пытаясь привлечь их на свою сторону. Но главное уже сделано — решение принято. Когда годами тянешь то, что давно мертво, оно выматывает гораздо сильнее, чем один резкий разрыв.

Он протягивает правую руку через угол каменного острова и накрывает мою ладонь. На его безымянном пальце при ярком утреннем свете заметна чуть более светлая полоска кожи там, где восемь лет сидело обручальное кольцо.

— К тому же, — Дмитрий чуть сжимает мои пальцы, и в его тёмных глазах появляется тёплая усмешка, — то, что я сегодня проснулся в нормальном состоянии, а не с глухим раздражением на весь мир, — целиком твоя заслуга.

Психолог: Ну смотрите, он уже замечает, что с нами его настроение стало лучше. Хороший сигнал.

Он бросает короткий взгляд на механические часы на запястье — стрелки показывают начало десятого — и поднимается с барного стула. Я как раз закончила есть. Убрав тарелки и чашки в посудомоечную машину, Дмитрий застёгивает манжеты рубашки.

— Поехали? Пока доберёмся с Пресни до твоего района по утренним пробкам, как раз будет около половины десятого.

В прихожей я надеваю свои джинсы и куртку, обуваюсь, закидываю на плечо рюкзак, а Дмитрий берёт со столика ключи от внедорожника и смартфон, придерживая передо мной тяжёлую входную дверь.

Скоростной лифт бесшумно опускает нас на минус второй уровень подземного паркинга. В прохладном бетонном полумраке гулко отдаются наши шаги; Дмитрий снимает внедорожник с охраны, открывает передо мной пассажирскую дверь и подаёт руку, помогая подняться на высокий порог, после чего обходит капот и садится за руль.

Когда тяжёлая машина выныривает из-под земли на залитую утренним солнцем улицу, Москва уже живёт в плотном ритме понедельника. Навстречу, в сторону центра и Сити, тянется глухая бордовая пробка, но в обратном направлении — из центра к моему району — поток движется гораздо бодрее.

В салоне пахнет кожей, утренней свежестью и древесным парфюмом Дмитрия. Вырулив с Пресни на проспект, он перекладывает левую руку на верхнюю часть руля, а правой находит мою ладонь на широком центральном подлокотнике и переплетает наши пальцы. На долгих светофорах он поворачивает голову ко мне, большим пальцем неторопливо гладит моё запястье и время от времени подносит мою руку к губам, оставляя короткие тёплые поцелуи на костяшках пальцев.

— Забавно, — с лёгкой усмешкой говорит он, перестраиваясь в левый ряд и поглядывая в зеркало заднего вида. — В субботу вечером мы ехали из ресторана по этой же дороге, и я думал только о том, как бы не спугнуть раньше времени. А сейчас такое ощущение, будто мы ездим так уже не первый месяц.

Психолог: Какое спокойное у нас выдалось утро.

Стратег: Ну и прекрасно. Расстаёмся на хорошем настроении. И целый день только для себя.

Через полчаса внедорожник сворачивает с широкого шоссе в тихие зелёные дворы моего спального района и плавно останавливается у подъезда моего дома, неподалёку от припаркованной на стоянке моей машины.

Дмитрий переводит коробку передач в режим паркинга, отстёгивает ремень безопасности и поворачивается ко мне всем корпусом. Когда я тянусь к нему, чтобы попрощаться, он обхватывает моё лицо ладонями и целует в губы — долго, тепло и неторопливо, словно оттягивая момент, когда придётся переключиться на рабочие вопросы и юристов.

Оторвавшись от моих губ, он проводит пальцами по моей щеке, заправляя прядь тёмно-русых волос за ухо, и тепло улыбается:

— Хорошего тебе дня. Разгребай свои заявки спокойно, я напишу тебе после обеда, когда освобожусь от совещаний с юротделом.

— И тебе хорошего дня, Дим. Буду ждать. Очень. — Я на прощание сжимаю его руку и выхожу из машины, закинув рюкзак на плечо.

Дмитрий ждёт, пока я открою магнитным ключом дверь подъезда и зайду внутрь, и только после этого его тёмный внедорожник плавно трогается с места, выезжая со двора.

Поднявшись на лифте на свой этаж, я открываю дверь квартиры. Внутри тихо и солнечно — утренний свет падает сквозь занавески на кухню и комнату. Я разуваюсь в прихожей, достаю из рюкзака свои вещи, снимаю куртку и уличные джинсы и переодеваюсь в привычную домашнюю одежду — мягкую свободную футболку и короткие шорты.

Ноутбук лежит на столе со вчерашнего дня.

Иду на кухню поставить чайник. Завариваю себе большую кружку горячего чая, возвращаюсь с ней в комнату и устраиваюсь на диванчике перед столом, удобно поджав под себя одну ногу. Открываю ноутбук и погружаюсь в работу.

Первым делом я открываю рекламные кабинеты и таблицы со статистикой за выходные. По пятницам и субботам люди традиционно активнее ищут ведущих на дни рождения и корпоративы, поэтому к утру понедельника бюджет на паре площадок уже почти выкрутился. Я проверяю стоимость целевой заявки, отключаю одно объявление, которое съело деньги на пустые клики, пополняю баланс на неделю вперёд и поднимаю в поиске свою анкету на профильном агрегаторе ивент-услуг.

Затем отпиваю горячий чай и перехожу к рабочим чатам в мессенджере.

Первые три диалога — стандартная текучка:

В одном чате девушка ищет ведущую на классическую «Мафию» с реквизитом и масками в закрытый зал ресторана на Таганке на следующую субботу — я сверяюсь со своим календарём, скидываю ей презентацию с форматами игры и условиями брони. Во втором — эйчар из небольшой айти-компании просит прислать коммерческое предложение на командный квиз для тридцати человек в лофте и уточняет, работаю ли я по безналу с чеками для бухгалтерии. В третьем — запрос на дату, которая у меня уже давно занята предоплатой.

Разделавшись с рутиной, я открываю чат от Кирилла — координатора частных мероприятий, с которым мы уже пару раз пересекались на закрытых клубных вечерах летом. Последнее сообщение от него пришло полчаса назад:

«Ви, привет! Слушай, выручай, очень нужна ты со своим чемоданом фишек и сукном на эту среду. Постоянные гости собираются в закрытом VIP-зале ресторана на Малой Бронной, 8 человек, техасский холдем. По времени — классика, старт в 22:00 и до 03:00 ночи. Им нужен человек, который чётко держит темп стола, считает банки без заминок и не грузит душным официозом. По гонорару за ночной выезд и срочность бюджет хороший — 60 000 чистыми за пять часов, половину готов закинуть тебе на карту прямо сейчас, чтобы забронировать среду, остаток сразу по окончании игры на месте. Свободна?»

Курсор мигает в строке ввода, а рядом в списке чатов всплывает ещё одно новое уведомление с круглой аватаркой Анны — жены Максима. В превью диалога написано: «Валери, доброе утро! Простите, что пишу не по рабочему вопросу..»

Я на секунду замираю, прокручивая в голове причины, по которым она могла бы написать.

Стоп, Дима вчера говорил, что Светлана позвонила Анне и рассказала всё.

Чёрт, неужели гневная тирада насчёт Дмитрия и Светланы? О нет, пожалуйста. Ещё не хватало выслушивать от подруг Светы, какая я разлучница. Ладно, сначала с Кириллом разберёмся.

Я отвечаю Кириллу:

«Вообще без проблем. Бронирую, кидай, проведу по высшему разряду ».

Кирилл ставит на моё сообщение реакцию с огоньком буквально через десять секунд, а ещё через полминуты мой смартфон, лежащий рядом с ноутбуком, коротко вибрирует пуш-уведомлением от банка: зачислен перевод на 30 000 рублей. Следом в рабочий чат падает геолокация ресторана на Малой Бронной и контакт администратора VIP-зала.

Занеся вечер среды в свой электронный календарь, я переключаюсь на диалог с Анной. Субботняя переписка у нас заканчивалась организационными моментами — кодом от шлагбаума посёлка и временем моего приезда.

Ниже висят два новых сообщения, отправленных десять минут назад:

«Валери, доброе утро! Простите, что пишу не по рабочему вопросу, надеюсь, не отвлекаю)».

«Мне вчера вечером дважды звонила Света — сначала после разговора с Димой у них дома, а потом уже совсем поздно, после того как съездила к нему на Пресню. Честно говоря, вылила на меня тонну эмоций и явно пытается сейчас обзвонить всех наших общих знакомых, чтобы собрать коалицию против Димы и заодно против вас. Я в чужие семейные дела никогда не лезу, да и мы с Максом слишком хорошо знаем, как они с Димой жили последние годы. Просто хотела предупредить по-человечески: если вдруг Света или кто-то из её подруг попытается вам писать или портить нервы через соцсети — даже не берите в голову. P.S. Хотя после её рассказа про третий бокал вина мы с Максом вчера вечером даже немного восхитились вашей выдержкой))».

Внизу экрана на секунду появляется плашка «Анна печатает..», и прилетает ещё одно короткое сообщение:

«Да, и давайте уже на ты, если не против, а то после всех событий выкать как-то совсем странно».

Женщина 30+: Она что, поддержала нас?

Стратег: Ага.

Психолог: Интересно. Предупреждает нас насчёт Светы и её подруг. Сама себя к ним не относит. Что ж, это приятный нюанс. После всего.

Стратег: Мы можем поделиться с ней нашей точкой зрения на ситуацию.

Женщина 30+: Зачем?

Стратег: Чтобы подружиться.

Пишу ей:

«Привет) Конечно, на ты, потому что, похоже, нас уже связывает не только заказ услуг Во-первых, спасибо. Я думала, ты напишешь нечто более неприятное. Во-вторых, мне чисто по-человечески жаль, что такая ситуация со Светланой получилась, но Дмитрий не баран, чтобы его уводить. Это его решение. Я с себя ответственности не снимаю, но и вины не чувствую. Так что нервы мне никто не попортит, даже если очень захочет».

Две галочки рядом с моим сообщением почти сразу синеют. Несколько секунд в верхней части окна горит статус «Анна печатает..», затем пропадает и появляется снова.

В чат одно за другим прилетают два ответа:

«Хах, про то, что Дима не баран — это прямо в точку Попробуй его вообще куда-то сдвинь или заставь что-то сделать против воли. Мы с Максом его десять лет знаем, он в жизни ни одного шага на поводу у чужих капризов не сделал».

«А насчёт неприятного — мне бы и в голову не пришло тебе такое писать. Мы со Светой никогда близкими подругами не были, общались постольку-поскольку, потому что мужья — партнёры и дружат много лет. То, что у них с Димой внутри всё давно остыло, мы с Максом видели прекрасно, просто Света до последнего держалась за статус и красивую картинку для окружающих. Так что твоя позиция вызывает только уважение)».

Следом появляется ещё одно короткое сообщение:

«В общем, рада, что мы друг друга поняли! Уверена, скоро увидимся уже в нормальной неформальной обстановке, без сукна и таймера Не буду больше отвлекать от дел, хорошего тебе дня!»

Она и правда милая. Что ж, двое на нашей стороне — отлично.

В комнате тихо гудит кулер ноутбука; чай в моей кружке стал приятно тёплым, а в соседней вкладке браузера мигает новое письмо от бухгалтерского сервиса и пара ответов от дневных клиентов по «Мафии» и квизу.

Следующие два часа я продолжаю заниматься работой за ноутбуком. Отправляю эйчару коммерческое предложение по квизу со ссылками на портфолио, согласовываю тайминг субботней «Мафии» на Таганке, подписываю электронной подписью закрывающие акты в бухгалтерском сервисе и проверяю настройки таргета.

К часу дня, когда основная текучка разгребается и глаза начинают немного уставать от таблиц, я закрываю рабочие вкладки, потягиваюсь и иду на кухню. Достав из холодильника контейнер с маминой уткой и печёными яблоками, разогреваю обед. По кухне тут же плывёт домашний пряно-сладковатый аромат. Устроившись за столом с тарелкой, я беру смартфон и отправляю сообщение Дмитрию:

«Мне написала Анна. Кажется, мы подружимся) Всё в порядке».

***

Тем временем в офисе Дмитрия..

В это же время на четырнадцатом этаже бизнес-центра за панорамным стеклянным столом переговорной Дмитрий сидит напротив Максима. Перед ними разложены распечатанные сметы подрядчиков и широкие листы генплана нового коттеджного посёлка.

Утро в офисе выдалось плотным. В десять часов Дмитрий закрылся в кабинете с руководителем юридического департамента Виктором и детально обговорил проект соглашения о разделе имущества: загородный дом и машина Светланы переходят ей в единоличную собственность при условии подписания документов без судебных тяжб вокруг счетов компании. А уже в двенадцать тридцать Дмитрию позвонил персональный менеджер из банка: Светлана попыталась через приложение разом перевести со связанного семейного счёта крупную сумму на свой личный вклад, превысив суточный лимит и вызвав запрос подтверждения у основного владельца счёта. Дмитрий операцию отклонил, распорядился оставить на карте стандартный лимит на текущие расходы до подписания бумаг и велел Виктору ускорить отправку официального проекта соглашения Светлане.

Сейчас, когда Максим кончиком ручки указывает на колонку с расчётами по монолитным работам, лежащий на столе смартфон Дмитрия коротко вибрирует.

Дмитрий бросает взгляд на экран, читает сообщение Валери, и жёсткая складка между его бровей мгновенно разглаживается. Уголки губ трогает тёплая, живая усмешка.

Максим, заметив перемену в лице партнёра, отрывается от бумаг и хмыкает:

— Судя по выражению твоего лица, это точно не подрядчики по бетону.

— Аня уже успела написать Ви. — Дмитрий берёт телефон в руку, не скрывая довольной улыбки. — Валери пишет, что они, кажется, подружатся.

Максим смеётся, откидываясь на спинку кожаного кресла и складывая руки на груди:

— Аня мне ещё за завтраком сказала: если бы сама вчера видела, как Светке на Пресне наливают третий бокал вина и вежливо предлагают остаться пожить втроём, — лично пожала бы твоей девушке руку. Светка ведь вчера в одиннадцать часов звонила Ане в полной истерике, рассчитывала на женскую солидарность и общий фронт, а получила совет не устраивать цирк и не позориться. Честно говоря, Дим, мы с Аней вчера сами были под впечатлением. Без единого грубого слова так развернуть Светку к выходу — это надо уметь.

— Надо, — негромко соглашается Дмитрий, и в его голосе звучит плохо скрываемая гордость. — Я сам вчера стоял посреди гостиной и дар речи потерял.

Пока Максим собирает со стола подписанные листы сметы, чтобы отнести их в сметный отдел, Дмитрий проводит пальцем по экрану смартфона и быстро печатает ей ответ.

***

Тем временем дома у Валери..

На кухне мой телефон, лежащий рядом с тарелкой, отзывается двумя короткими сигналами. На экране всплывают сообщения от Дмитрия:

«Мы как раз сидим с Максимом над сметами. Он передаёт, что Анна со вчерашнего вечера в полном восторге от истории с третьим бокалом вина. Кажется, в их семье у тебя теперь абсолютный кредит симпатии».

Через несколько секунд прилетает второе сообщение:

«Ты как, разгребла свои утренние заявки? У меня тут в первой половине дня уже были первые приветы из банка от Светланы, но юристы сегодня до вечера отправят ей проект соглашения. Освобожусь по плану, к семи».

Пишу:

«Ага, разгребла, ты давай там не перетрудись) Максиму тогда привет передавай, раз меня обсуждаете)».

От Дмитрия почти сразу прилетает короткий ответ:

«Передал, Максим смеётся и шлёт ответный привет. До вечера».

Допив чай и убрав тарелку в раковину, я включаю на телефоне свой плейлист вперемешку — комнату заполняют бодрые биты XOLIDAYBOY и BEARWOLF — и берусь за уборку.

За полтора часа квартира заметно освежается: я протираю пыль со всех полок и рабочего стола, навожу порядок на кухне, прохожусь пылесосом по комнате и прихожей, мою полы и открываю окно на проветривание, впуская внутрь свежий послеполуденный воздух.

К четырём часам дня, когда с домашними делами покончено, я заваливаюсь на кровать, обложившись подушками, и открываю на ноутбуке Ютуб. Включаю вчерашний ролик Димы Мельникова — тот самый, который не успела досмотреть перед встречей с Дмитрием.

***

Тем временем в офисе Дмитрия..

Около половины шестого вечера в угловом кабинете Дмитрия на четырнадцатом этаже уже начинают сгущаться сумерки.

Руководитель юридического департамента Виктор только что вышел, оставив на столе папку с копией бракоразводного соглашения и отчитавшись, что электронная версия документа вместе с сопроводительным письмом отправлена Светлане, а курьер везёт бумажный экземпляр к ней в загородный дом.

Не проходит и пятнадцати минут, как лежащий на кожаном бюваре смартфон Дмитрия начинает настойчиво вибрировать. На экране высвечивается имя: «Светлана».

Дмитрий откидывается на спинку кресла, берёт телефон и после короткой паузы отвечает, прикладывая трубку к уху.

— Слушаю.

— Ты решил общаться со мной через своих корпоративных юристов, Дима?! — голос Светланы в трубке звенит от плохо сдерживаемой ярости. — Восемь лет брака, а мне на почту падает сухой казённый текст от твоего Виктора со списком условий и предупреждением о лимитах по картам?! Ты заблокировал мне перевод в банке!

— Я заблокировал попытку вывести со счёта крупную сумму в обход договорённостей, — ровно и холодно отвечает Дмитрий, глядя сквозь панорамное стекло на огни вечерней Москвы. — Текущие расходы по твоей карте никто не ограничивал. А условия я озвучил тебе ещё вчера днём: загородный дом с участком и твоя машина полностью остаются за тобой. По рыночной оценке, это больше чем достаточная компенсация, чтобы закрыть вопрос мирно и без грязи.

— А квартира на Пресне? А твои счета?! — срывается Светлана. — Я уже проконсультировалась сегодня с адвокатом! По закону всё нажитое в браке делится пополам, и я не обязана подписывать эту подачку только потому, что тебе приспичило устроить новую жизнь со своей..

— Я не советую тебе продолжать эту фразу, — жёстко перебивает её Дмитрий, и металл в его голосе заставляет Светлану на секунду осечься. — Твой адвокат хочет заработать на затяжном процессе, и это его работа. Но он забыл тебе объяснить одну простую вещь: если мы идём в суд делить имущество по закону, то делится абсолютно всё — включая сам загородный дом, который оформлен на меня, и кредитные обязательства по оборотным средствам. Вместо того чтобы через месяц получить чистые права собственности на готовый особняк и спокойно жить в своё удовольствие, ты получишь два года судебных экспертиз, арестованные на время тяжбы объекты и половину дома по кадастровой оценке. Подумай об этом на холодную голову, без подруг и советчиков.

В трубке повисает тяжёлое, прерывистое дыхание. Светлана явно пытается найти, чем крыть, но аргумент про раздел самого загородного дома попадает в самую больную точку.

— У тебя неделя на то, чтобы показать проект соглашения любому толковому юристу и принять решение, — уже спокойнее добавляет Дмитрий. — Все вопросы по пунктам договора пусть твой представитель направляет напрямую Виктору. Мне звонить с истериками больше не нужно.

Он нажимает отбой, не дожидаясь новой волны криков, и откладывает телефон на стол. Несколько секунд Дмитрий сидит в тишине кабинета, массируя пальцами переносицу, затем поднимается, берёт со стойки своё тёмное пальто и выключает настольную лампу.

***

Тем временем дома у Валери..

Досмотрев ролик Мельникова, я переключаюсь на тру-крайм: в следующем видео рассказывают о расследовании убийства целой семьи где-то на юге США. К шести вечера в комнате уже уютно полутемно, а свет экрана ложится на покрывало.

Мой смартфон, лежащий рядом на одеяле, оживает мелодией вызова — звонит Дмитрий.

Я ставлю видео на паузу и беру трубку.

— Привет. Ты освободился? Я дома, что-то после уборки не захотелось никуда ехать. Уже собираюсь к тебе.

— Привет. Да, только вышел из офиса, сажусь в машину. — В трубке слышится глухой хлопок тяжёлой двери внедорожника, короткий сигнал бортовой системы и мягкий, низкий рокот запустившегося двигателя.

В его голосе на этих фразах слышится какое-то напряжение, но, когда он слышит меня, интонация сразу становится мягче и теплее:

— Правильно сделала, что никуда не поехала и отдохнула. Ты сейчас ко мне на своей машине выезжать планируешь или заехать за тобой? Если на своей — скинь мне в мессенджер госномер, я прямо сейчас через приложение управляющей компании оформлю тебе постоянный пропуск на подземный паркинг, чтобы не искала место наверху. Мастер по замкам будет на

Пресне ровно в семь, за полчаса должен управиться. И подумай пока, чего тебе больше хочется вечером: выберемся куда-нибудь поужинать или закажем еду к нам и никуда не пойдём.

— Если хочешь, то можешь заехать за мной. Я буду готова через двадцать минут. Если успеваем к приходу мастера, конечно. Если нет, то могу сама добраться. А по поводу еды — можно и заказать.

В трубке слышно, как Дмитрий на секунду замолкает и затем с лёгкой досадой вздыхает:

— Я бы с удовольствием сам тебя забрал, но навигатор уже рисует восемь баллов из центра на вылет. Если я сейчас поеду к тебе и обратно, мы вернёмся на Пресню в лучшем случае к восьми, и мастер уедет. Зато в сторону центра поток сейчас идёт свободно, за полчаса долетишь без пробок.

В фоне слышится тихий щелчок поворотника и гул мотора.

— Давай так: если есть настроение сесть за руль — скидывай мне номер машины, я за минуту оформлю постоянный пропуск. На минус втором уровне за моей квартирой закреплены два соседних машиноместа, второе сейчас пустует, так что паркуйся прямо рядом с моим внедорожником. А если после уборки лень крутить руль — скажи, я прямо сейчас вызову тебе машину к подъезду. Как тебе удобнее? И вариант заказать ужин домой и никуда сегодня не выходить мне определённо нравится.

— Сейчас скину номер машины. Скоро приеду.

— Жду номер. Аккуратнее за рулём, до встречи, — тепло отзывается Дмитрий перед тем, как отключиться.

Я скидываю ему в мессенджер госномер своей машины, и уже через минуту прилетает ответ: «Готово, шлагбаум откроется автоматически по камере. Минус второй этаж, места 214 и 215 прямо у лифтового холла».

Закрыв ноутбук, я закидываю в рюкзак домашние шорты, сменную футболку, зубную щётку и расчёску. Переодеваюсь в джинсы и футболку, накидываю в прихожей куртку, обуваюсь и спускаюсь во двор.

На улице уже сгустились синие ноябрьские сумерки, пахнет прохладным вечерним воздухом и асфальтом. Я сажусь за руль своей машины, завожу мотор, подключаю телефон к аудиосистеме и выруливаю со двора. Как Дмитрий и говорил, встречные полосы из центра стоят в плотном багровом потоке фар и стоп-сигналов, зато в сторону Пресни дорога идёт свободно. Под треки из моего плейлиста я за полчаса добираюсь до жилого комплекса.

На въезде в подземный паркинг камера у рампы считывает мой номер, и стрела шлагбаума плавно поднимается вверх. Съехав по бетонному серпантину на минус второй уровень, я сразу замечаю у стеклянных дверей лифтового холла массивный тёмный внедорожник Дмитрия на месте 214. Свободное место 215 рядом с ним пустует — я паркую свою машину по соседству, глушу двигатель и, прихватив рюкзак, иду к лифту.

Когда двери бесшумно расходятся на нужном этаже, я вижу, что тяжёлая входная дверь квартиры Дмитрия приоткрыта, а из прихожей в коридор падает полоса тёплого света и доносится негромкий металлический щелчок отвёртки.

Я захожу внутрь. В прихожей на корточках у открытого кофра с инструментами сидит мастер в аккуратной куртке сервисной службы, заканчивая прикручивать броненакладку на новый замковый цилиндр. Рядом стоит Дмитрий — уже без пальто, в той же тёмно-синей рубашке с закатанными до локтей рукавами.

Услышав мои шаги, он оборачивается. Усталая сосредоточенность на его лице мгновенно сменяется живой, тёплой улыбкой. Он делает шаг навстречу, забирает с моего плеча рюкзак, ставит его на банкетку и, обняв меня одной рукой за талию, притягивает к себе, коротко и крепко целуя в висок.

— Быстро добралась, — негромко говорит он, помогая мне снять куртку и вешая её в гардеробный шкаф.

— Всё готово, Дмитрий Александрович, — мастер поднимается на ноги, дважды мягко проворачивает ригели изнутри, проверяя ход механизма, и протягивает Дмитрию вскрытую заводскую упаковку с комплектом новых ключей. — Старую личинку оставляю на тумбе.

Мастер собирает свой кофр.

— Спасибо за оперативность. — Дмитрий подписывает на планшете мастера акт выполненных работ, выпускает его в коридор и закрывает за ним тяжёлую дверь, с мягким щелчком поворачивая вертушку нового замка.

Опустив связку новых ключей на консоль в прихожей, он наконец поворачивается ко мне всем корпусом, кладёт обе ладони мне на талию и притягивает вплотную к своей широкой груди, зарываясь лицом в мои волосы, пахнущие прохладной улицей. Он делает глубокий, долгий выдох, словно только сейчас по-настоящему переключаясь с рабочего дня, а затем поднимает голову и накрывает мои губы долгим, соскучившимся поцелуем.

— Даже не представляешь, как я рад, что этот день наконец закончился, — негромко произносит он, глядя мне в глаза и не спеша разжимать руки на моей спине. — Быстро нашли место внизу? Шлагбаум сработал без заминок?

— Система работает идеально, — говорю я с улыбкой. — Ты не переодевался.. Я захватила домашнюю одежду себе. Переоденусь?

— Я буквально за пять минут до мастера поднялся, только пальто успел скинуть, — улыбается Дмитрий, скользя взглядом по моему лицу. — Конечно, пойдём переодеваться вместе.

Он подхватывает с банкетки мой рюкзак, но перед тем, как шагнуть в сторону спальни, задерживается на секунду у консоли в прихожей. Берёт вскрытую упаковку с новыми ключами от двери, снимает с заводского кольца один ключ с чёрной матовой головкой и протягивает его мне на раскрытой ладони.

— Держи. Чтобы, если что, в следующий раз не стояла под дверью и открывала сама. Пропуск в паркинг у тебя теперь постоянный, ключ тоже должен быть свой.

Я беру ключ и убираю его во внутренний кармашек рюкзака.

В спальне он зажигает мягкую тёплую подсветку вдоль стен, ставит мой рюкзак на широкую кровать и начинает расстёгивать пуговицы тёмно-синей рубашки. Пока я достаю из рюкзака свои домашние шорты и свободную футболку, Дмитрий снимает с запястья тяжёлые механические часы, кладёт их на тумбочку, вешает рубашку и брюки на плечики в гардеробной и переодевается в простые тёмные домашние брюки из мягкого хлопка и чёрную футболку, плотно обтягивающую его широкие плечи и грудь.

Пока я переодеваюсь, Дмитрий останавливается у входа в гардеробную и без стеснения любуется мной. Он подходит ближе, проводит тёплой ладонью по моему обнажённому бедру у края шорт и легко целует меня в плечо.

— Так гораздо лучше, — с тихим, довольным выдохом говорит он, беря с тумбочки свой смартфон. — Пойдём на диван, выберем, чем будем ужинать. Тебе сегодня чего больше хочется — пасту, морепродукты, азиатскую кухню или снова мясо? И я помню про правильный лимонад: тут в двух кварталах от дома есть отличный грузинский и итальянский рестораны, у них делают домашние лимонады в литровых бутылках. Что скажешь? — Он вопросительно приподнимает бровь, пропуская меня вперёд в просторную гостиную.

Я устраиваюсь под его рукой на диване, он обнимает меня за плечо.

— Какой сложный выбор.. Но первое, что мне пришло на ум, — жареный рис. Знаешь такой? Я бы вот его поела откуда угодно.

Услышав про «откуда угодно», он тихо смеётся и поворачивает экран смартфона так, чтобы мне тоже было видно.

— Настолько проголодалась после генеральной уборки? — с тёплой усмешкой спрашивает он, открывая приложение доставки. — Конечно знаю. Тут в десяти минутах, на Никит-

ской, есть отличный паназиатский ресторан, у них делают правильный жареный рис на воке — с яйцом, овощами и дымком.

Листая меню с фотографиями блюд, он закидывает в корзину сразу две большие порции жареного риса — одну с тигровыми креветками, вторую с мраморной говядиной, — добавляет к заказу горячие димсамы, хрустящие баклажаны в кисло-сладком соусе и две бутылки домашнего лимонада: манго-маракуйя и кислый юдзу с лаймом.

Нажав кнопку оплаты, Дмитрий откладывает телефон на журнальный столик и поворачивается ко мне. Его ладонь ложится на моё обнажённое колено, неторопливо поглаживая кожу вверх по бедру до края коротких домашних шорт.

— Курьер будет через полчаса, лёд для лимонада у меня в морозилке есть, — говорит он, устраиваясь удобнее и прижимаясь щекой к моей макушке. — Рассказывай, как прошёл твой день за ноутбуком. Что там Анна тебе писала, и много ли заявок набросали на неделю?

Он чуть сдвигает брови, вспоминая свой рабочий день, и добавляет спокойным, чуть суховатым тоном:

— У меня под вечер тоже не обошлось без звонков. Около половины шестого юристы отправили Светлане проект соглашения — где дом и машина остаются полностью за ней, если мы разводимся без судов. Через пятнадцать минут позвонила сама, в бешенстве от того, что с ней общаются через юротдел и не дали днём вывести крупную сумму со счёта. Грозилась адвокатом и разделом всего пополам. Пришлось популярно объяснить, что если делить всё через суд по закону, то и загородный дом тоже пойдёт под раздел и арест на два года. Кажется, этот аргумент её немного отрезвил — по крайней мере, кричать перестала.

Его пальцы на моём бедре мягко сжимаются, и он переводит взгляд на моё лицо, ожидая моего рассказа.

— Анна написала, чтобы я не брала в голову, если Светлана или её подружки будут что-то мне писать и давить. И сказала, что они с Максом восхитились моей вчерашней выдержкой. И что Светлана, кажется, обзванивает всех ваших общих знакомых, ища поддержки. А по заказам — да, на выходные и на среду прилетел срочный. В среду в десять вечера турнир по покеру надо провести. На пять часов забронировали.

Психолог: Мы же понимаем, что сейчас будет, да?

Женщина 30+: Ага..

Психолог: Продолжаем калибровку.

Пока я пересказываю сообщение Анны, Дмитрий слушает с лёгкой одобрительной усмешкой, продолжая неторопливо поглаживать пальцами моё обнажённое бедро. Но на последней фразе — про срочный заказ на среду в десять вечера на пять часов — его ладонь на моей коже плавно замирает.

Расслабленная вечерняя мягкость в его тёмных глазах сменяется цепким, внимательным прищуром. Он поворачивает голову ко мне, мгновенно сложив в уме цифры.

— С десяти вечера на пять часов — это до трёх ночи? — уточняет он, и его голос звучит уже на полтона ниже. — И что за компания? Снова восемь подвыпивших мужиков в закрытом помещении?

Дмитрий чуть отстраняется от спинки дивана, чтобы видеть моё лицо целиком. В его взгляде без труда читается то самое собственническое напряжение.

Психолог: Формулировку слышите, да?

Стратег: Ага, сразу максимально негативно выкручивает ситуацию.

— Я, конечно, понимаю, что это твоя работа, — ровно произносит он, хотя желваки на его скулах едва заметно ходят, а пальцы на моём колене сжимаются чуть плотнее. — Но, учитывая, что мы с тобой познакомились ровно при таких же обстоятельствах два дня назад, перспектива того, что ты будешь до трёх ночи раздавать карты в закрытой мужской компании, восторга у меня, мягко говоря, не вызывает. Где вообще это проходит?

Стратег: Сохраняем спокойствие. Он, по крайней мере, задаёт вопросы.

Психолог: Это плюсик.

Женщина 30+: И не выставляет нас виноватой.

— В вип-зале ресторана на Малой Бронной. Да, до трёх часов ночи, — говорю я ровно, глядя ему в глаза.

Дмитрий выдерживает мой прямой взгляд несколько секунд. Он прекрасно видит, что я не собираюсь ни оправдываться, ни сглаживать углы, и эта спокойная твёрдость сбивает первый порыв резкости, хотя тёмное собственническое упрямство из его глаз никуда не исчезает.

Он медленно выдыхает через нос и откидывается спиной на подушки дивана, продолжая держать ладонь на моём обнажённом бедре.

— Малая Бронная — это хотя бы публичный ресторан в пяти минутах езды отсюда, а не чей-то частный особняк за городом, — негромко произносит он. — Уже проще.

Его большой палец с лёгким нажимом проводит по моей коже у самого края шорт. Дмитрий чуть кривит губы в короткой, невесёлой усмешке и смотрит на меня прямо:

— Понимаешь, в чём проблема? Дело даже не в том, что я в тебе сомневаюсь. Я в субботу видел, как ты работаешь и как чётко держишь дистанцию со всеми за столом. Проблема в том, что в субботу я сам сидел на месте этих клиентов. И я слишком хорошо помню, о чём я думал все три часа, пока ты раздавала карты, и как на тебя смотрел тот же Игорь. Поэтому мысль о том, что какая-то компания будет до трёх ночи сидеть в закрытом зале и пялиться на мою женщину, меня откровенно злит.

Психолог: Прекрасно, может, нам надеть паранджу и сидеть дома, не высовывая нос?

Стратег: Ага, и сесть на его полное обеспечение.

Шутница: И умерли они в один день: самодостаточность и свобода.

Я продолжаю спокойно смотреть на него, не отводя взгляд. Мне нечего скрывать. Это работа.

Он замолкает на секунду, изучая моё лицо, и спрашивает уже более ровным, практичным тоном:

— Предоплату ты, я так понимаю, уже взяла? И кто заказчик — ты этих людей знаешь или новый клиент с улицы?

Психолог: Он определённо делает успехи. Вопрос за вопросом. Надо дать ему шоколадную медальку за старания. Шучу. Позитивное подкрепление.

Скептик: Нет настроения позитивно подкреплять.

Психолог: А придётся, если мы хотим перевоспитать его.

— Взяла. Со мной связался координатор Кирилл, которого я давно знаю. Это его постоянники. — Мой голос звучит ровно и размеренно. — Им нужен профессиональный крупье. Формат, который был в субботу, — он более праздничный, где гости не все даже правила знают. А этим нужен спортивный ведущий, который держит темп стола. Не мямлит и не душнит.

Услышав про проверенного координатора и постоянных игроков, которые собираются ради темпа игры, Дмитрий задумчиво хмыкает. Напряжение в его плечах немного отпускает, а пальцы снова начинают медленно поглаживать мою кожу чуть выше колена.

— Значит, у нас в субботу был праздничный формат для любителей, — с лёгкой суховатой усмешкой замечает он. — Справедливо. За тем столом как минимум один человек вообще не следил за картами, пока ты тасовала колоду.

Женщина 30+: Он про Свету?

Стратег: Ты чего? Про себя.

Женщина 30+: А-а-а. Поняла.

Он поворачивает голову, скользя взглядом по моему лицу и домашней футболке, и говорит уже спокойнее, хотя в тоне по-прежнему слышна твёрдая собственническая нотка:

— То, что заказ от проверенного человека и публика адекватная, — хорошо. Срывать тебе работу и просить возвращать предоплату я, разумеется, не стану. Но давай сразу договоримся насчёт среды: Малая Бронная — это буквально соседний квартал отсюда, пять минут на машине. Ехать в три часа ночи одной через пол-Москвы к себе домой после пятичасовой смены точно ни к чему.

Напряжение, которое я даже не ощущала в моей спине, спадает.

Дмитрий кладёт вторую руку на спинку дивана за моими плечами, чуть наклоняясь ко мне:

— Либо сразу после игры приезжаешь сюда — пропуск в паркинг и свой ключ у тебя теперь есть, — либо, ещё лучше, напишешь мне за пятнадцать минут до конца турнира, я подъеду к ресторану, заберу тебя вместе с твоим тяжёлым чемоданом фишек, а твою машину вообще можем заранее оставить здесь внизу. Таскать ночью реквизит по парковкам одной мне тем более не нравится.

Психолог: Это можно назвать адекватным ответом для той ситуации, в которой мы находимся. Но до идеала ещё далековато..

Он вопросительно приподнимает бровь, глядя мне в глаза и ожидая, что я скажу на такой расклад.

— И ты не будешь спать, а будешь ходить, переживать и накручивать себя? — спрашиваю я уже спокойнее.

Дмитрий смотрит на меня и кривовато, но честно усмехается.

— Будем реалистами: спокойно уснуть в одиннадцать вечера, зная, что ты в двух кварталах отсюда до трёх ночи сидишь в закрытом зале с мужской компанией, я всё равно не смогу, — прямо отвечает он, перебирая пальцами прядь моих волос на плече. — Ходить по квартире из угла в угол не стану — сяду с ноутбуком поработать над проектами или посмотрю что-нибудь. Но спать точно не лягу, пока ты не закончишь и не окажешься дома. Это уже вопрос моего характера, с этим ничего не поделаешь.

В этот момент в прихожей раздаётся мягкая трель видеодомофона. Экран у двери загорается, показывая курьера с двумя большими крафтовыми пакетами из ресторана.

— О, наш жареный рис приехал. — Дмитрий легко сжимает моё колено, поднимается с дивана и идёт в прихожую.

Забрав у курьера горячие пакеты, от которых на всю квартиру сразу тянет аппетитным ароматом вока, кунжутного масла и специй, он переносит их на кухонный остров. Пока я подхожу к кухне, Дмитрий достаёт из шкафа тарелки, приборы, деревянные палочки и два высоких стакана. Заглянув в морозилку, он доверху наполняет оба стакана крупными прозрачными кубиками льда и ставит передо мной две запотевшие стеклянные бутылки домашнего лимонада — ярко-жёлтый манго-маракуйя и светлый, с кусочками цитруса юдзу-лайм.

— Какой открываем первым — сладкий или кислый? — спрашивает он, поддевая открывалкой крышку и расставляя на столешнице коробочки с дымящимся жареным рисом, димсамами и хрустящими баклажанами. — Или смешаем оба?

Ощущение предстоящего вкусного ужина и не менее вкусного лимонада берут своё, и моё настроение выправляется в мирное и даже предвкушающее русло. Я говорю:

— О, можно смешать!

Дмитрий с улыбкой откупоривает обе бутылки и разливает по высоким стаканам со льдом сначала густой, сладкий манго-маракуйя, а сверху доливает искрящийся пузырьками кислый юдзу с лаймом. Напиток красиво перемешивается вокруг прозрачных кубиков льда, покрывая стекло снаружи прохладной испариной.

Мы устраиваемся за островом, открываем горячие коробочки, и первые несколько минут проходят за едой. Жареный рис оказывается именно таким, как надо — рассыпчатым, с аро-

матом дымка, крупными тигровыми креветками и сочными кусочками говядины, а хрустящие баклажаны в кисло-сладком соусе отлично сочетаются с ледяным кисло-сладким лимонадом.

Спустя несколько минут я говорю уже совсем мягко:

— Спасибо. Что спросил. Конечно, твои формулировки вопросов пока оставляют желать лучшего: «снова восемь подвыпивших мужиков» и «предоплату ты, я так понимаю, взяла». Но ты по крайней мере уже даёшь мне пространство, чтобы прояснить детали и почти не чувствовать себя виноватой. В общем.. спасибо. Я вижу, что ты стараешься.

Дмитрий замирает с палочками в руке, смотрит на меня и не удерживается от короткого, чуть виноватого смешка.

— Ну, красиво я, конечно, спросил, — усмехается он и откладывает палочки. — У самого в голове сразу картинка: ночь, закрытый зал и мужики вокруг тебя. Попробуй тут дипломатично.

Он берёт стакан, делает глоток лимонада и смотрит на меня поверх него.

— Но я рад, что ты мне рассказала. И спасибо, что заметила. Я правда стараюсь сначала спросить, хотя иногда, похоже, лучше бы сначала помолчал.

Он с лёгкой улыбкой пододвигает ко мне коробочку с горячими димсамами и соевым соусом:

— Так что в среду веди свой турнир спокойно, а в три ночи я тебя встречу у входа на Малой Бронной. Попробуй вот эти с креветкой и гребешком, пока не остыли.

Я пробую димсам и продолжаю есть, запивая лимонадом.

Психолог: Давайте расскажем ему про нашу предусмотрительность, чтобы он не думал, что мы безответственные. Так его тревога станет чуть меньше.

Опустошив примерно половину тарелки риса, говорю:

— Я-то, конечно, тоже понимаю, куда можно соваться, а куда нет. Плюс у меня всегда брат в курсе подобных ночных вызовов. Я ему кидаю сообщение с адресом и временем, когда должна закончить. И отписываюсь, когда закончила и что еду домой. Он всегда подстраховывает. Ты уж не думай, что я такая глупая, чтобы ехать ночью в какую-нибудь заведомую ловушку. Всё через проверенные контакты всегда. Но. Почему я вообще берусь за подобное — платят больше. А я, знаешь ли, не обладаю мужем-миллионером. Сама себе на квартиру коплю. И я хочу, чтобы у меня был свой собственный угол. На всякий случай. Почти накопила на первоначальный взнос, немного осталось. Потом несколько лет, чтобы погасить ипотеку, и она моя. Только, пожалуйста, не начинай предлагать помощь, ладно? И я понимаю, как это звучит. Типа: «Я буду брать ночные заказы и бесить тебя этим и при этом отказываться от твоей помощи».

Я вздыхаю, понимая, как звучит последняя фраза, особенно для него.

Дмитрий сначала замирает с кусочком говядины на палочках, а потом не выдерживает и, негромко, искренне рассмеявшись, качает головой.

— А я ведь уже собрался предложить, — признаётся он, откладывая палочки. — Только представил, как ты ночью едешь на работу, и первая мысль — закрыть этот вопрос финансово, чтобы тебе вообще не приходилось об этом думать.

Он берёт свой стакан со смешанным лимонадом, медленно прокручивает его в пальцах, глядя, как кубики льда ударяются о стекло, и поднимает на меня тёмный, внимательный взгляд.

— Ладно, не буду. Сама — значит, сама. Я понимаю, зачем тебе своя квартира. — Он качает головой и усмехается. — Хотя звучит для моего терпения действительно издевательски: деньги не предлагай, но я пока по ночам на турниры покатаюсь.

В его глазах мелькает тёплая ирония. Он делает глоток холодного лимонада и возвращается к первой части моего рассказа:

— То, что брат всегда в курсе твоих ночных маршрутов и контролирует возвращение, — правильно. Значит, Даня у тебя парень основательный. Только теперь эти адреса и время

окончания скидывай и мне тоже. А в среду можешь сразу написать брату, что дежурство отменяется — от ресторана тебя заберу я.

Дмитрий берёт вилкой кусочек хрустящего баклажана, отправляет в рот и с живым профессиональным любопытством смотрит на меня:

— И раз уж зашла речь про квартиру — финансовую помощь я не предлагаю, договорились. Но ты хотя бы уже присматривала конкретные районы или застройщиков? Или пока просто копишь сумму на счёте?

— Пока нет. Хочу сначала с запасом накопить — потом уже смотреть. Я в этом плане не сильно спешу. А насчёт Дани и среды — просто не скажу ему про вызов.. Ну.. я не рассказала ему про тебя. Поэтому будет странно: «Дань, меня в среду с ночного заберёт один парень, но ты его не знаешь, спи спокойно».

Дмитрий представляет себе эту картину и тихо фыркает от смеха, отставляя стакан на каменную столешницу.

— Да уж, после такого сообщения любой нормальный старший брат не то что спать не ляжет — сам приедет к ресторану на полчаса раньше разбираться, кто там тебя забирает, — с понимающей усмешкой соглашается он. — Логично. Незачем лишний раз дёргать его ночью.

При этом в его взгляде мелькает спокойный, задумчивый интерес к тому, что я вчера провела полдня с семьёй, но пока оставила нашу историю за кадром. Он легко касается пальцами моей руки на столе:

— Вчера не стала ничего рассказывать домашним, чтобы не засыпали вопросами раньше времени? Тем более ситуация у меня сейчас с этим разводом ещё в самом разгаре — понимаю. Но при случае я с твоим братом с удовольствием познакомлюсь.

Он подхватывает палочками последний димсам из коробочки, доедает его и возвращает разговор к теме квартиры:

— А насчёт того, чтобы сначала накопить с запасом и только потом смотреть объекты, — тут я тебе уже чисто профессионально, как строитель, подскажу один нюанс. Денег с тебя за консультацию не возьму, — в его тёмных глазах пляшут тёплые смешинки. — Начинать присматривать районы и застройщиков лучше за полгода до того, как соберёшь финальную сумму. Сейчас половина девелоперов в Москве делает красивые рендеры и шоурумы, а на деле экономят на монолите, вентиляции и шумоизоляции так, что потом соседей слышно через три этажа. Когда дойдёшь до этапа выбора — просто скажи, какие ЖК тебе нравятся внешне и по локации, а я тебе по своим каналам за десять минут дам полный расклад, кто из подрядчиков там лил бетон и стоит ли вообще туда нести свои кровные. Идёт?

— Идёт-идёт, — говорю я с улыбкой. — Какой ты сговорчивый стал после этой бури в стакане. Удивительно.

Дмитрий медленно приподнимает бровь, допивая из стакана остатки холодного лимонада со льдом.

— «Сговорчивый»? — негромко переспрашивает он, отставляя пустой стакан на камень столешницы. — Жаль, мой сметный отдел или юристы тебя сейчас не слышат. Они бы очень удивились, узнав, что меня можно описать этим словом.

Он поднимается со своего барного стула, собирает со стола пустые картонные коробочки из-под риса и димсамов, выбрасывает их в ведро под раковиной и вытирает руки бумажным полотенцем. Но вместо того, чтобы сесть обратно на своё место, Дмитрий обходит угол острова и останавливается вплотную ко мне.

Взявшись ладонями за края сиденья моего высокого барного стула, он легко поворачивает его вместе со мной к себе лицом и делает полшага вперёд, оказываясь прямо между моих разведённых коленей. Его тёплые ладони ложатся на мои обнажённые бёдра у самого края коротких домашних шорт, а тёмные глаза смотрят сверху вниз с прищуром.

— Только насчёт бури ты рано обрадовалась, — говорит он, наклоняясь ближе. — Я не в восторге от твоих ночных турниров. Просто ты рассказала, что там и как, и мне стало спокойнее. Так что не злоупотребляй моей сговорчивостью.

Психолог: Фиксирую, что на нём работает информирование против тревожности. Заносим в протокол перевоспитания.

Он касается губами уголка моего рта, задерживаясь на секунду у моей щеки, и чуть отстраняется, не убирая рук с моих бёдер:

— Наелась или допьёшь лимонад на диване? У нас ещё весь вечер впереди.

— Ой-ой-ой, какой страшный диктатор у меня тут, — говорю я с улыбкой и целую его в нос. — Лимонад на диване звучит отлично.

От моего лёгкого поцелуя в кончик носа вся его суровая внушительность даёт трещину: Дмитрий на секунду щурится, словно пытаясь сохранить серьёзный вид, но уголок его рта тут же дёргается вверх в сдерживаемой улыбке.

— В нос? — с притворным возмущением хмыкает он, качая головой. — Никакого уважения к старшим.

Не давая мне самой спрыгнуть с высокого барного стула, он подхватывает меня ладонями под ягодицы, легко приподнимает на весу, прижимая к своей широкой груди, и плавно ставит босыми ногами на тёплый паркет. При этом его ладонь с коротким, ощутимым шлепком ложится пониже моей поясницы поверх тонкой ткани домашних шорт.

— Иди на диван, я сейчас принесу стаканы.

Пока я перехожу в полутёмную зону гостиной и устраиваюсь на мягких глубоких подушках дивана, Дмитрий доливает в оба стакана со льдом остатки сладкого манго и кислого юдзу из бутылок, выключает яркий верхний свет над кухонным островом, оставляя только приглушённую тёплую подсветку вдоль стен, и возвращается ко мне.

Поставив оба запотевших стакана на низкий журнальный столик, он опускается на диван рядом, вытягивает ноги и берёт с подлокотника пульт от большого настенного экрана. Когда я беру свой лимонад и устраиваюсь поудобнее, Дмитрий закидывает мои обнажённые ноги себе на колени, укладывая широкую тёплую ладонь на мою голень.

Женщина 30+: Слушайте, ну, может, поднимем вопрос о переезде? Он наверняка сам не начинает, чтобы не давить.

Стратег: Если так прикинуть.. Если он днём всё время на работе, то у нас здесь будет свободное время без него. Что вполне комфортно. Давайте уточним.

Психолог: Меня устраивает динамика его исправлений, можно спросить. Пока без конкретных предложений.

На тёмной панели напротив нас мягко загорается главное меню домашнего кинотеатра.

— Включишь нам что-нибудь на свой вкус? — спрашивает он, протягивая мне пульт и большим пальцем неторопливо поглаживая гладкую кожу на моей лодыжке. — И скажи сразу, какие у тебя планы на завтрашний день: мне с утра заводить будильник только на себя, чтобы тебя не будить, или тебе тоже нужно рано вставать по делам?

Я беру у него пульт и задумчиво кручу его в руке. Немного подумав, говорю:

— На завтра на раннее утро — никаких. Слушай, а ты каждый день работаешь с утра до вечера?

Дмитрий берёт со столика свой стакан с лимонадом, делает глоток и на мой вопрос коротко, чуть иронично усмехается.

— Если честно, уехать из офиса около шести в понедельник — это я сегодня ещё очень рано освободился, — прямо отвечает он, ставя стакан обратно на стекло столика. — Специально подвинул вечернюю планёрку по снабжению на завтра, чтобы успеть к мастеру и провести вечер с тобой.

Он откидывается затылком на спинку дивана, продолжая медленно водить ладонью по моей голени, и объясняет без прикрас:

— Стройка — это вообще история ненормированная. Сейчас ноябрь, самый тяжёлый сезон: до первых серьёзных заморозков нам нужно закрыть монолитные работы и тёплые контуры на двух текущих объектах, плюс мы с Максимом запускаем новый посёлок. Поэтому в обычном режиме я чаще возвращаюсь в восемь-девять вечера. А пару раз в неделю вместо чистого кабинета с утра надеваю рабочие ботинки и еду за город месить грязь на стройплощадках с прорабами и технадзором. Бывает, что и в субботу приходится срываться на объект, если подрядчики косячат со сроками или бетон привозят не той марки.

Дмитрий поворачивает голову ко мне, и в его тёмных глазах мелькает сухая усмешка:

— Единственный плюс собственного бизнеса — надо мной нет начальства с табелем. Если день без авралов и жёстких совещаний, я могу спокойно приехать в офис к одиннадцати или уехать среди дня. К тому же, будем откровенны: последние пару лет я сидел в кабинете до девяти-десяти вечера ещё и потому, что ехать домой мне совершенно не хотелось. В офисе хотя бы мозги делом заняты.

Его ладонь скользит чуть выше, к моему колену, и пальцы мягко сжимают гладкую кожу.

— Сейчас стимул разгребать дела быстрее и не засиживаться на работе допоздна у меня появился более чем весомый. Но обещать, что я каждый день буду как штык свободен в семь вечера, не стану — на стройке это просто нереально. Вот завтра во вторник мне к девяти утра надо быть на объекте на Новой Риге, так что уеду я рано, около восьми.

Он переводит взгляд на моё лицо:

— Поэтому утром можешь даже не открывать глаза, когда я буду собираться. Выспишься сколько захочешь, позавтракаешь спокойно — кофе и продукты на кухне есть, свой ключ у тебя в рюкзаке, захлопнешь потом дверь и поедешь по своим делам, когда тебе будет удобно. Или тебя с утра смущает оставаться одной в чужой квартире?

Я продолжаю крутить пульт в руке, обдумывая то, что хочу сказать дальше, и начинаю говорить:

— Я просто.. подумала о нас.. Если ты целый день на работе, то, если ты, конечно, этого хочешь, я, наверное, могу переехать к тебе.. Мне нравится быть дома одной — и раз тебя целый день нет, то мне будет комфортно переехать так скоро.

Выждав короткую паузу, я решаюсь сказать о том, что меня беспокоит:

— Я переживаю только за то, чтобы ты не начал контролировать меня и чем я занимаюсь и где нахожусь, пока ты на работе. Сейчас, когда я живу отдельно, — я предоставлена сама себе. А если и когда я перееду — как это в твоём представлении вообще? Что для тебя норма?

Ладонь Дмитрия на моей голени останавливается. Он несколько секунд внимательно смотрит на меня, словно проверяя, не послышалось ли ему, а затем поворачивается ко мне всем корпусом, опираясь локтем о спинку дивана.

В его тёмных глазах появляется глубокое, совершенно нескрываемое удовлетворение.

— Если бы я этого не хотел, я бы час назад не отдавал тебе в прихожей ключ от квартиры и не оформлял постоянный пропуск на паркинг, — прямо говорит он, и уголок его рта приподнимается в тёплой улыбке. — Кататься каждый день через пол-Москвы из района в район и возить в рюкзаке зубную щётку с шортами — история точно не на долгую перспективу. Я хочу возвращаться с работы сюда и знать, что ты здесь.

Он берёт мою стопу в ладонь, неторопливо разминая большим пальцем её изгиб, и задумывается на пару секунд, прежде чем ответить на вторую часть моего вопроса.

— Теперь насчёт того, что для меня норма, чтобы у нас с тобой сразу не было иллюзий. Днём ты полностью предоставлена сама себе, как и в своей квартире. У меня в компании полторы сотни человек в штате и три стройки в разгаре — звонить тебе каждые два часа с проверками, во сколько ты проснулась, поела ли и чем занимаешься за ноутбуком, мне и в голову

не придёт. Я не надзиратель. Хочешь весь день сидеть дома одна в тишине — сиди, хочешь уехать по делам, к родителям или проветриться — поезжай. Ждать от тебя борщей из трёх блюд к моему приходу или отчётов за уборку я тоже не собираюсь: раз в неделю сюда приходит клининг, а с ужином мы всегда разберёмся вместе.

Психолог: Вполне приемлемо.

Его пальцы скользят выше по моей икре к колену, и взгляд становится чуть тяжелее и прямее:

— Но есть вещи, на которые я закрывать глаза не буду. Если мы живём вместе, для меня норма — понимать, где ты вечером и во сколько мы увидимся. То есть ситуация, когда я возвращаюсь в девять вечера домой, тебя нет, телефон молчит или ты постфактум сообщаешь, что уехала куда-то до ночи, — со мной не пройдёт. О вечерних заказах, задержках и планах мы договариваемся заранее. И второе: моя реакция на других мужчин рядом с тобой от штампа или общей квартиры мягче не станет. Я собственник. Давить на тебя без повода я постараюсь отучиться, но делить твоё внимание с кем-то ещё не буду.

На секунду я внутренне вспыхиваю протестом.

Женщина 30+: Он говорит это так, будто..

Стратег: Слышу.

Психолог: Это никуда не годится.

Дмитрий чуть наклоняется вперёд, укладывая ладонь на моё бедро у края шорт, и спокойно смотрит мне в глаза:

— В остальном эта квартира твоя ровно настолько же, насколько и моя. Так как тебе такие условия диктатуры? Потянешь или уже передумала перевозить вещи?

Психолог: Давайте постараемся сохранять спокойствие. Да, неприятно. Но мы выше этого. А он.. А ему ещё многому нужно научиться.

Я задумчиво смотрю на него и спокойно, рассуждая, говорю:

— Ты вот говоришь нормальные вещи. Совершенно нормальные для отношений. Но ты их говоришь так, что хочется сбежать. Сбегать не буду. Но мне просто интересно. «Ситуация.. со мной не пройдёт» — тебе нравится так говорить или ты просто не знаешь, как сформулировать по-другому?

Дмитрий несколько секунд смотрит на меня, слегка нахмурившись, словно мысленно прокручивает назад собственную реплику и пытается услышать её со стороны.

Потом уголок его рта кривится в озадаченной, чуть ироничной усмешке.

— Мне казалось, нормально сказал. Главное, что сбегать ты не собираешься. Это я услышал в первую очередь.

Он берёт со столика стакан, делает глоток холодного лимонада и задумывается над моим вопросом всерьёз.

— Наверное, и нравится, и по-другому не сразу соображу. На работе я так и говорю. Если начинаешь мяться, подрядчик решит, что ещё можно поторговаться.

Дмитрий смотрит мне прямо в глаза, и в его взгляде мелькает упрямая мужская прямота:

— И дело не только в работе. Мне действительно ближе говорить с позиции силы, чем просить. Сама подумай: как я, по-твоему, должен был это сформулировать? Сказать: «Мне будет очень тревожно и обидно, если ты уедешь на всю ночь и не предупредишь»? Для меня это звучит как жалоба или слабость. А жаловаться я не умею и не люблю. Мне проще сразу очертить границу: вот так со мной нельзя.

Его ладонь скользит по моей голени вверх, к колену, и он с лёгким прищуром, но вполне искренним интересом спрашивает:

— А как надо было? Как бы ты это сказала?

— Ну вот та фраза про «норма понимать, где ты вечером и во сколько увидимся» — нормальная. А дальше ты сказал так, будто считаешь, что после обозначенных тобой границ

я могу так сделать. Ты мог бы сказать: «Для меня неприемлемо, если моя женщина..» — и далее твои вот эти вот перечисленные моменты. А «со мной не пройдёт» звучит так, будто я планирую это сделать и чтобы даже не думала. Ты заранее предупреждаешь меня о том, чтобы я даже не думала косячить. А я и не думаю. Ты мог вообще выкинуть эту фразу, и тогда смысл бы остался, но звучал бы он только как твои границы. А не как угроза мне.

Я жду, пока эта мысль уляжется в его голове. И задаю вопрос:

— И давай сразу разберёмся — что для тебя значит «делить моё внимание с кем-то ещё»?

То, что я не требую от него сюсюканья и сама предлагаю вполне жёсткую, мужскую формулировку — «для меня неприемлемо, если моя женщина..», — похоже, ложится ему на слух гораздо лучше, чем абстрактные разговоры о мягкости.

Он задумчиво кивает, проводя большим пальцем по моему колену.

— А, вот ты про что. Будто я уже решил, что ты так поступишь, и заранее пригрозил. Не хотел тебя в этом обвинять. Хотя прозвучало именно так, согласен.

Он отпивает ещё глоток из стакана, ставит его обратно на столик и поднимает на меня прямой, серьёзный взгляд, переходя ко второму вопросу:

— Теперь насчёт того, что я имею в виду под «делить твоё внимание с кем-то ещё». Я сейчас не про твоего брата и не про рабочую переписку с координатором вроде этого Кирилла, когда вы обсуждаете тайминг и оплату. Я про всё, что выходит за рамки чистого дела.

Дмитрий чуть подаётся вперёд, опираясь предплечьями о мои ноги, и раскладывает всё прямо, без попыток сгладить углы:

— Во-первых, я не верю в тесную дружбу между мужчиной и женщиной. Поэтому истории в духе «я поехала выпить кофе со старым приятелем» или переписки по вечерам с бывшими и просто знакомыми мужиками «за жизнь» — для меня закрытая тема. Если мужчина тратит на тебя своё личное время и внимание, у него к тебе далеко не дружеский интерес.

Он делает короткую паузу, и его взгляд становится чуть темнее:

— А во-вторых — твоя работа. Ты красивая женщина, которая проводит вечера в мужских компаниях. Я видел это в субботу своими глазами: мужики выпивают, расслабляются, и у кого-то неизбежно возникает желание продолжить общение уже без карт. Предложить подвезти до дома после ночной игры, пригласить посидеть за столом ещё полчаса за бокалом, написать на следующий день в мессенджер с комплиментом или вопросом, как ты добралась. Вот для меня любое твоё личное внимание в ответ на такие заходы — за гранью. Закончилось оплаченное время — работа закончилась, чемодан закрылся. Никаких личных разговоров, любезностей сверх протокола и неформальных контактов с клиентами.

Дмитрий смотрит мне в глаза, проверяя мою реакцию:

— Или у тебя есть какие-то близкие друзья-мужчины, о которых я ещё не знаю?

— Ну, насчёт неформальных контактов с клиентами я согласна. Один раз допустила осечку, и вот она сидит и диктует мне свои условия, — усмехаюсь я.

На шутку про «осечку» с клиентом Дмитрий коротко хмыкает:

— Лимит на такие осечки ты исчерпала в субботу вечером.

— Но насчёт друзей.. — моя улыбка гаснет. — Ты серьёзно? У меня вообще-то жизнь и до тебя была. Что, мне обрывать все контакты с людьми, которые по-человечески мне важны, просто потому, что у них определённые половые признаки?

Его взгляд мгновенно меняется — расслабленная полуулыбка исчезает, уступая место прямому, тяжёлому прищуру. Его ладонь на моём колене перестаёт поглаживать кожу и ложится неподвижно.

— Абсолютно серьёзно, — ровно и твердо отвечает он, не отводя глаз. — И не надо передёргивать, будто я требую от тебя стереть прошлое или перестать здороваться со всеми, у кого в паспорте стоит мужской пол. Я говорю о конкретной вещи — о близкой «дружбе» один на один.

Я тут же вспоминаю своего старого друга, с которым мы периодически встречаемся и сидим в кафе, пока не наговоримся.. обо всём на свете. Внутри вспыхивает протест.

Я напряжённо слушаю его.

Дмитрий чуть подаётся вперёд, и в его голосе звучит жёсткая убеждённость:

— Мне тридцать пять лет, я сам мужчина и прекрасно знаю, как мы устроены. Ни один нормальный мужчина не станет тратить своё время, ездить с тобой по вечерам пить кофе вдвоём, выслушивать твои проблемы и вести задушевные беседы просто из человеческой симпатии. Когда мужчина дружит с такой женщиной, как ты, — он либо бывший, который не прочь повторить, либо тот, кто сидит в засаде и ждёт подходящего момента. И делать вид, что я этого не понимаю, и спокойно смотреть, как ты уезжаешь на посиделки с каким-нибудь «просто другом», я не буду. Одно дело — твои коллеги по цеху, с которыми ты пересекаешься по работе, общие компании или старые знакомые, которых ты поздравляешь с праздниками в мессенджере. Против этого я слова не скажу. И совсем другое — тесное личное общение тет-а-тет.

Ну неужели он и правда хочет, чтобы я прекратила общаться с друзьями? Неужели он думает, что все смотрят на меня как на мясо и что невозможно просто человеческое общение? Боже, это какой-то кошмар. Просто кошмар!

Он выдерживает паузу, внимательно изучая моё лицо, и переводит разговор из теории в конкретику:

— Ты сейчас про кого-то конкретного говоришь? У тебя есть такой друг?

— Ну.. есть один друг в Питере. Мы вместе учились в школе. Примерно раз в год с ним встречаемся, когда я приезжаю в Питер и у него выдаётся возможность. Он со своей женой уже вместе много лет. Мы не переписываемся с ним, копим новости и события и делимся при встрече. Обычно залетаем в какой-нибудь рестик и сидим там часа четыре-пять, трещим обо всём, что произошло, пока не виделись. Потом разъезжаемся, и всё. И так до следующей встречи, — в отчаянии от перспективы разорвать контакт с таким дорогим мне человеком, я продолжаю. — Ты просто нарисовал себе в голове образ тестостеронового самца и видишь во всех вокруг только таких! Есть ещё пара человек из универа и ещё там со школы, но мы с ними видимся ещё реже. Скорее по дальней памяти, но все равно иногда видимся! Просто я не хочу, чтобы, если мне напишет мой старый друг и предложит просто увидеться и пару часов пообщаться, я говорила: «Слушай, мне парень запрещает». Это ненормально!

Жёсткая складка между бровей Дмитрия постепенно разглаживается.

Когда я заканчиваю, он несколько секунд смотрит на меня, а затем коротко и шумно выдыхает через нос, качая головой.

— Питер? — Дмитрий удивлённо поднимает брови. — Раз в год? А я уже представил, что у тебя здесь приятель, с которым вы каждую неделю по барам ходите.

Боже!

На моих словах про «образ тестостеронового самца» он всё же кривовато усмехается и не спешит со мной соглашаться:

— И не смотри так. Женат он или нет — это меня как раз не успокаивает. Сам понимаешь, мне ли про верность женатых мужиков рассказывать. Но если вы правда видитесь раз в год и даже не переписываетесь.. Ладно. Тут я, кажется, не ту картинку себе нарисовал.

Нарисовал он себе! Опять! А я нервничаю!

Дмитрий снова начинает медленно поглаживать ладонью мою голень, обдумывая мои последние слова, и смотрит на меня уже спокойно и деловито:

— Говорить друзьям «парень не разрешает» я тебя не прошу. Если кто-то из старых знакомых напишет и предложит встретиться — просто скажи мне заранее. Не хочу узнавать задним числом.

Он чуть сжимает пальцами моё колено, и в его тёмных глазах появляется лукаво-собственнический прищур:

— А с питерским другом можем и познакомиться. В следующий раз ведь, скорее всего, вместе туда поедем? Посидим вчетвером, с его женой. Или хотя бы я пойму, кто он такой, прежде чем вы на пять часов засядете школьные годы вспоминать. Тебе такой вариант как?

Я немного успокаиваюсь от того, что он вроде бы сбавил обороты со своим контролем. Но в груди всё равно остаётся этот неприятный осадок от давления. Говорю:

— Мы не знакомы с его женой, честно говоря. Но если мы пригласим его в гости в Питере и посидим втроём — он не будет против. И у тебя все опасения будут сняты. Просто не вижу смысла знакомиться с его женой. И нет, мы не вспоминаем школьные годы. Мы говорим про сейчас. Про то, что произошло, пока мы не виделись. И нет, каждую неделю я ни с кем не хожу. — Я перевожу дыхание, но раздражение никуда не девается. — Ты вот накрутил меня своими заверениями про то, как ты видишь их и всё-то ты про них знаешь. И я, честно говоря, расстроилась из-за того, что ты так воспринимаешь любого моего друга. А по итогу опять оказалось, что моя реальная ситуация нормальная даже для тебя!

На словах о том, что с женой этого друга я даже не знакома, бровь Дмитрия на секунду характерно приподнимается, но следом звучит моё предложение спокойно посидеть в Питере втроём и он заметно расслабляет лицо.

Но когда в моём голосе прорезается злость и я прямо говорю, что расстроилась из-за его категоричных заходов, Дмитрий меняется в лице. Он убирает ладонь с моей голени, аккуратно спускает мои ноги со своих колен на диван и сам пересаживается вплотную ко мне, сокращая дистанцию.

— Подожди. Ты сама спросила, что я об этом думаю, я ответил. Откуда мне было знать, что он в Питере и вы видитесь раз в год? Я услышал «близкий друг» и представил совсем другое.

Представил он! А можно сначала уточнить детали, а потом пускаться в фантазии о тестостероновых самцах! Боже, как бесит!

Он обнимает меня за плечи, притягивая к себе, но, видя, что я всё ещё хмурюсь, шумно выдыхает и кривовато усмехается.

— Хотя да. Сначала представил, потом уже спросил. С братом у меня примерно так же вышло.

Пальцы его свободной руки бережно касаются моего подбородка, поворачивая моё лицо к себе. В тёмных глазах Дмитрия нет ни насмешки, ни желания спорить дальше — только спокойное тепло и лёгкая досада на собственную резкость.

— Не хотел тебя расстраивать, — говорит он тише. — С твоим другом познакомлюсь с удовольствием. Втроём, так втроём. Обещаю в следующий раз сначала доспрашивать тебя до конца, кто, где и как часто, и только потом выдавать свои тирады про мужскую психологию.

Он наклоняется и коротко, тепло целует меня в губы, словно стирая напряжённую складку у моего рта, а затем чуть отстраняется и смотрит на меня с лёгким прищуром:

— Ну что, тогда вернёмся к приятному? Когда вещи перевозим?

Вещи?! Серьёзно?! Вот так просто мы вернёмся к разговору о переезде после всего этого?!

Я мягко высвобождаюсь из его рук. Стараюсь держать себя в руках. Мой голос не дрожит, но в нём чётко слышится напряжение:

— Подожди. Дай мне переварить это чувство. Я пока не готова возвращаться к нормальному разговору.

Дмитрий отпускает меня, и его лицо мгновенно становится серьёзным. Улыбка, с которой он только что переводил тему на переезд, исчезает.

Я встаю и иду на кухню попить воды.

Он не идёт за мной по пятам на кухню, но разворачивается на диване вполоборота, опираясь предплечьем о спинку, и не сводит с меня тяжёлого, внимательного взгляда, пока я иду к острову.

Я наливаю воду, отпиваю и, держа стакан в руке, оборачиваюсь к нему лицом, упираясь поясницей в столешницу. Смотрю на него немного мрачновато.

Дмитрий несколько секунд молча выдерживает эту паузу в полутёмной гостиной. В нём явно борется привычное желание сразу закрыть вопрос и досада от того, что разговор, начавшийся с моей же инициативы переехать к нему, свернул в такое глухое напряжение.

Наконец он негромко вздыхает, поднимается с дивана и неторопливо подходит ближе — но останавливается напротив меня по ту сторону кухонного острова, не нарушая моё личное пространство и опираясь ладонями о край камня.

— Подожди, — говорит он уже серьёзно. — Я думал, мы разобрались. Тебя всё ещё задевает то, что я сказал? Или ты теперь вообще не хочешь переезжать?

— Меня задевает, что мне приходится защищаться рядом с тобой. Защищать свои границы, своих друзей, свою работу, своего брата. Я знаю, что ты не со зла. Я знаю, что ты просто вот такой сейчас и ты стараешься изменить это в себе, по крайней мере, хоть сколько-то. — Я делаю паузу, пытаясь держать себя в руках и не срываться на повышенный тон, хотя внутри всё кипит. — Получается, что моя позиция заранее неправильная, а твоя правильная. А когда ты требуешь объяснений — выясняется, что, в общем-то, моя позиция не такая уж неправильная, просто ты изначально понял всё по-своему. — Я всплескиваю свободной рукой.

Дмитрий слушает меня молча, опершись ладонями о прохладный камень острова. Когда я произношу слово «защищаться», между его бровей прорезается резкая вертикальная складка — видимо, сама мысль о том, что мне приходится держать от него оборону, задевает его за живое и совсем не вяжется с тем, как он сам воспринимает своё отношение ко мне.

Он выпрямляется, скрещивает руки на груди и несколько секунд смотрит на стакан воды в моих пальцах, прежде чем ответить.

— Слушай, с Даней я действительно перегнул. Но сейчас ты меня сама спросила, что я думаю. Я ответил. Мы знакомы два дня, Валери, я не могу знать про всех твоих друзей, пока ты мне о них не расскажешь.

Он делает короткую паузу, шумно выдыхает и обходит угол острова, останавливаясь в шаге от меня — достаточно близко, чтобы не разговаривать через стол, но не нависая и оставляя мне свободное пространство.

Он замолкает и смотрит на меня, сдвинув брови.

— Я не хочу, чтобы ты от меня защищалась. Тем более у меня дома.

Я отпиваю воды из стакана, внимательно глядя на него.

Он прислоняется бедром к краю столешницы рядом со мной и смотрит на меня прямо, уже без прежнего напора, но вполне серьёзно:

— Просто когда я слышу про друга, с которым ты встречаешься вдвоём, я не знаю, что он в Питере и у него жена. Ты-то знаешь. А у меня в голове уже совсем другая история.

Дмитрий протягивает руку и негромко, почти осторожно касается пальцами моего локтя:

— Я постараюсь убрать этот прокурорский тон, когда мы выясняем такие вещи. Но и ты не воспринимай каждое моё слово о том, что мне важно, как попытку загнать тебя в угол или обвинить. Идёт?

Это я воспринимаю каждое его слово? Он что, имеет в виду, что я на каждое его кривое слово плохо реагирую?!

— Да я-то вообще самая терпеливая женщина в мире! — восклицаю я с удивлением. — Просто сегодня меня прям пробрало от этого прокурорского тона. Когда изначально ты говоришь такими формулировками: «Со мной не пройдёт» — и дальше и дальше загоняешь

эти гвозди вины.. Я понимаю, что ты делишься тем, как ты видишь этот мир. Я просто не привыкла, чтобы кто-то говорил мне это в таком формате.

На моём эмоциональном восклицании про «самую терпеливую женщину в мире» мрачное напряжение, повисшее было в полутёмной кухне, наконец даёт трещину. Дмитрий смотрит на меня секунду, а затем не выдерживает и тихо, искренне усмехается, качая головой.

— Самая терпеливая? — переспрашивает он, и уголок его рта дёргается. — После визита Светланы я бы, пожалуй, спорить не стал. Другая бы ещё вчера вечером собрала бы рюкзак и послала меня куда подальше вместе с моей семейной драмой. А ты меня ещё и сегодня весь вечер терпишь.

Он осторожно забирает из моих пальцев недопитый стакан с водой, отставляет его в сторону на каменную столешницу и делает полшага ближе, останавливаясь прямо передо мной.

Улыбка с его лица постепенно сходит. Он кладёт ладони мне на талию.

— Про гвозди я услышал. Неприятно, что ты так это почувствовала. Я за десять лет привык, что за всё отвечаю сам и правила устанавливаю тоже сам. Вот и получается, что я по инерции начинаю разговаривать с тобой так, будто зачитываю устав на планёрке.

Его большие пальцы медленно поглаживают бока моей талии поверх тонкой домашней футболки.

— Я постараюсь за собой следить. А если меня опять понесёт — скажи. Договорились?

Психолог: Фиксирую какое-то там по счёту обещание постараться следить за собой. Ну, по крайней мере, тут мы вышли в положительную динамику. Он хотя бы обещает. Считаю, что нужно добавить ему мотивации.

Женщина 30+: Какой, например?

Стратег: Например, что он может нас потерять.

Скептик: Жёстко. Но правильно.

Я смотрю на него с выражением лица человека, который невероятно вымотался от этого всего, и говорю:

— Пожалуйста, цени то, что я спокойно отношусь ко многому. Если ты начнёшь считать, что моё спокойствие — это само собой разумеющееся, и продолжишь так говорить со мной — я не смогу терпеть это долго. Меня рядом с тобой не держит ничего, кроме собственного желания. Ты сказал, что штамп и общая квартира не сделают тебя менее собственником. А меня ни штамп, ни недвижимость, ни контракт не заставят быть с человеком, с которым мне некомфортно рядом.

Несколько секунд после моих слов Дмитрий молчит, не отводя взгляда от моего лица.

Фраза о том, что меня рядом с ним ничего не держит, кроме собственного желания, похоже, попадает в цель — и бьёт сразу по двум точкам. Для мужчины с его самолюбием и собственническим инстинктом слышать прямым текстом, что женщина в любой момент может просто развернуться и уйти, — ощутимый укол. Его пальцы на моей талии непроизвольно сжимаются чуть крепче, а в тёмных глазах мелькает упрямая, тяжёлая искра.

— Жёстко ты мне мою же подачу вернула. — Он ненадолго замолкает. — Слышать, что тебя рядом со мной ничего не держит, мне, мягко говоря, не слишком приятно.

Он делает медленный вдох и чуть качает головой, глядя на меня сверху вниз:

— Я ведь и сам прекрасно понимаю, что ни квартирой на Пресне, ни деньгами, ни статусом тебя не привяжешь: ты мне ещё полчаса назад за ужином дала понять, что тебе от меня ничего материального не нужно. С одной стороны, именно за эту независимость я тебя и уважаю. А с другой — это значит, что рычагов давления на тебя у меня ровно ноль, и ты здесь только до тех пор, пока сама хочешь здесь быть.

Дмитрий поднимает одну руку от моей талии, тыльной стороной пальцев проводит по моей щеке и заправляет прядь волос мне за ухо. Металл и оборонительная жёсткость из его лица уходят, уступая место спокойной, взрослой серьёзности.

— Я ценю, что ты сейчас здесь. И что после всего этого разговариваешь со мной, а не хлопнула дверью. Не хочу проверять, сколько у тебя терпения.

Он подаётся вперёд, обнимает меня обеими руками за спину и притягивает к себе — уже без всякого давления, просто крепко и тепло прижимая к своей груди, и целует меня в висок.

— Мир? — спрашивает он тише. — Или мне лучше пока помолчать?

Я вздыхаю. Я устала. Просто тупо устала.

Психолог: Контрольный вопрос.

— Ты сам-то хочешь меняться в отношениях или это я тут себе надумала, что у тебя есть такое желание?

Дмитрий не сразу отвечает на мой вопрос — несколько секунд он просто стоит, обнимая меня за спину и ощущая мой вздох своей грудью. Затем он чуть отстраняется, чтобы видеть моё лицо, но руки с моей талии не убирает.

Он смотрит на меня прямо и говорит:

— Хочу. Только я не знаю, как взять и перестать ревновать. Меня и дальше будет задевать, когда рядом с тобой другие мужчины. Не буду обещать, что это вдруг пройдёт.

Он проводит большим пальцем по моей талии и продолжает уже мягче, но всё так же серьёзно:

— А то, как я с тобой разговариваю.. Да, это я хочу изменить. Не хочу снова жить с человеком под одной крышей и делать вид, что всё нормально, пока мы друг друга не слышим. Я уже так жил.

Дмитрий кривовато усмехается уголком рта:

— Просто делай скидку на то, что я годами вообще ни под кого не подстраивался и привык сначала рубить с плеча, а потом разбираться. Где-то меня всё равно будет заносить по старой памяти. Но разгребать эти заносы и учиться говорить с тобой нормально, а не как с подчинёнными на планёрке, я хочу сам. Иначе зачем бы я вообще всё это вчера затеял?

Он вопросительно смотрит мне в глаза.

Психолог: Выученное застарелое поведение и правда за один вечер не вытрясешь из человека.

Стратег: Давай спросим, насколько далеко простирается его контроль.

Скептик: По какому поводу?

Стратег: Ну, например, слежка машины.

— Хорошо.. И ещё один вопрос.. — Я внимательно смотрю в его глаза. — У тебя есть способы отслеживать моё местоположение или местоположение моей машины без моего ведома?

Дмитрий выдерживает мой пристальный взгляд без единого моргания. Первую секунду он смотрит на меня с неподдельным изумлением, словно пытается понять, всерьёз ли я сейчас это спрашиваю, а затем между его бровей прорезается жёсткая складка, но уже совсем другого рода.

— В смысле, поставить маячок на машину? Или через безопасников телефон проверить? — Дмитрий хмурится. — Если говорить о возможностях, служба безопасности у меня есть. Способы бы нашлись.

Он делает короткую паузу, и его голос становится твёрдым и сухим:

— Но я этого делать не стану. Если мне понадобится следить за тобой за спиной, чтобы узнать, где ты и с кем, — зачем мы вообще вместе? Я лучше спрошу тебя сам. Да, возможно, не самым приятным тоном, но спрошу.

Дмитрий чуть наклоняет голову, всё ещё внимательно вглядываясь в моё лицо:

— Единственное место, где твой номер машины сегодня засветился, — это база управляющей компании этого дома, куда я внёс его сегодня для автоматического открытия шлагбаума. Откуда вообще взялась такая мысль? Тебе в жизни уже попадались любители тайной слежки или я за сегодняшний вечер окончательно создал себе репутацию параноика?

— Просто заранее уточнила. Не хочу потом узнать, что ты, например, имеешь доступ к дорожным камерам Москвы и поставил мою машину на отслеживание «просто на всякий случай, вдруг что случится». Или что-то в этом роде. Прикрыть свою ревность, когда она такая сильная, как у тебя, можно любой благовидной причиной.

Дмитрий слушает меня и коротко, почти беззвучно хмыкает, качая головой.

— Мог бы кто-то и так оправдаться, — признаёт он. — «Я же о тебе забочусь». Но нет. Я не стану за тобой следить.

Его ладони на моей талии лежат спокойно и тепло, без прежнего напряжения.

— Если меня накроет, ты об этом узнаешь. Я, как ты уже заметила, молчать не очень умею, за что получил от тебя уже сполна.

Дмитрий чуть подаётся вперёд, проводит большим пальцем по моей щеке и с лёгким, уже более тёплым прищуром спрашивает:

— Так что за свою машину и телефон можешь быть абсолютно спокойна, безопасников я к нашей личной жизни на пушечный выстрел не подпущу. Или у тебя в запасе остался ещё какой-нибудь каверзный вопрос на сегодня, прежде чем мы официально объявим перемирие?

— Есть один, но не буду тебя продолжать мучить.

Я вздыхаю, шумно выпуская воздух носом.

— Ладно. Мир. Прости за это всё. Просто.. почувствовала себя не в своей тарелке. Вот и.. взбесилась.

От моего шумного вздоха и слов «прости за это всё» последние остатки напряжения окончательно уходят из его плеч. Дмитрий притягивает меня к себе уже вплотную, крепко обнимая одной рукой за спину, а второй ладонью накрывая мой затылок и прижимая мою голову к своему плечу.

— Тебе не за что извиняться. — Он обнимает меня крепче и касается губами моей макушки. — Лучше скажи мне в лицо, если что-то не так. Я слишком долго жил рядом с человеком, с которым мы перестали разговаривать. Ещё раз так не хочу.

Он чуть отстраняется, чтобы заглянуть мне в лицо, и на его губах появляется живая, чуть ироничная усмешка:

— А про последний вопрос ты зря сказала. Теперь ведь не отстану.

Дмитрий берёт меня за руку, переплетая наши пальцы, и увлекает обратно из кухни в полутёмную гостиную к широкому дивану, где на столике всё ещё стоят наши стаканы с подтаявшим льдом и светится экран телевизора. Опустившись на мягкие подушки, он усаживает меня к себе на колени — боком, так чтобы моя спина опиралась о его согнутую руку, а его свободная ладонь легла на моё бедро.

— Выкладывай давай свой последний вопрос, — спокойно и с лёгким прищуром говорит он, глядя мне в глаза. — Чтобы у тебя в голове точно ничего лишнего на ночь не оставалось. О чём он?

— Сам напросился..

Глава 6. Третья ночь

— ..Или у тебя в запасе остался ещё какой-нибудь каверзный вопрос на сегодня, прежде чем мы официально объявим перемирие? — говорит Дмитрий, проводя пальцем по моей щеке.

Психолог: Вообще-то удачный момент «покопаться» в причинах его ревности.

Стратег: Давайте не будем, мы так устали.

Женщина 30+: Да и он тоже, наверное.

— Есть один, но не буду тебя продолжать мучить.

— Выкладывай давай свой последний вопрос, — спокойно и с лёгким прищуром говорит он, глядя мне в глаза. — Чтобы у тебя в голове точно ничего лишнего на ночь не оставалось. О чём он?

Психолог: Ну, он сам просит.

Стратег: Ладно, вперёд, госпожа Психолог. Карты в руки, барабан на шею, палочки.. сама знаешь куда. Жги.

— Сам напросился. Смотри. Ревность обычно возникает по нескольким причинам. Первая — когда человек сам изменяет. Что вряд ли. За такой-то короткий срок между нами. Вторая — от неуверенности в себе. Тут тоже, кажется, у тебя всё нормально.. Или я ошибаюсь? Ну и третья — та, о которой я не догадываюсь.

Дмитрий внимательно слушает мою классификацию, не перебивая, и его широкая ладонь медленно скользит вверх-вниз по моему бедру.

Когда я заканчиваю, он негромко усмехается и качает головой.

— Так. Изменять я тебе не собираюсь, это раз. — Дмитрий косится на меня. — А с уверенностью в себе у меня вроде бы всё в порядке. Во всяком случае, до сегодняшнего допроса было.

Он делает короткую паузу, и его тёмный взгляд становится глубже и серьёзнее, уходя от лёгкой иронии.

— Я не знаю, как ты это назовёшь. Для меня это.. территория, что ли. Если женщина со мной, мне не нравится, когда кто-то другой на неё претендует. Совсем не нравится.

Он чуть кривит губы в суховатой, честной усмешке:

— Понимаешь, меня ведь не страх того, что ты найдёшь кого-то лучше меня, заводит с пол-оборота. Меня выводит из себя сам факт того, что посторонний мужик позволяет себе смотреть на мою женщину с интересом, думать о ней или рассчитывать хотя бы на каплю её внимания. Для меня это то же самое, как если бы кто-то без спроса зашёл ко мне в дом и положил ноги на стол.

Дмитрий переводит взгляд на мои губы, затем снова в глаза и добавляет чуть тише, уже с совсем другим, более личным оттенком в голосе:

— Со Светланой я давно ничего такого не чувствовал. Мне было всё равно, кто на неё смотрит. А с тобой.. — Он качает головой. — Меня от тебя самого так накрывает, как не крыло в двадцать пять ни от кого. Когда ты настолько сильно хочешь женщину сам, это происходит автоматически.

Его пальцы на моём бедре сжимаются чуть ощутимее, притягивая меня ближе к его животу и груди.

— Ну? К какой из твоих причин это относится? — спрашивает он с лёгкой усмешкой.

Я задумчиво смотрю на него, прикидывая расклад, и говорю:

— Получается.. ты выбираешь себе красивую женщину, но от того, что она красивая, а значит, привлекательная для других мужчин, в тебе это вызывает ревность?

Дмитрий смотрит на меня и вдруг смеётся, откидывая голову на спинку дивана.

— Да уж. Если так поставить вопрос.. Красиво ты меня сейчас поймала.

Его ладонь скользит с моего бедра на изгиб талии, большой палец забирается под край свободной домашней футболки, касаясь тёплой, гладкой кожи на рёбрах.

— Мне нравится, какая ты. Как выглядишь, как разговариваешь, как за столом сидишь и всех строишь одним взглядом. Я же сам в субботу от тебя глаз оторвать не мог.

Взгляд его тёмных глаз чуть тяжелеет, скользя по моему лицу и шее:

— Но когда ты становишься моей, другим мужчинам уже так смотреть не полагается. — Он коротко усмехается. — Знаю, что это глупо. Не могу я запретить людям смотреть. И тебя прятать не собираюсь. А всё равно злит.

Он наклоняется ближе, касаясь губами изгиба моей шеи прямо под ухом, и негромко, с лёгкой хрипотцой спрашивает:

— Всё, психолог, хватит с меня на сегодня? — Его рука под моей футболкой чуть поднимается по спине. — Или ещё что-нибудь обо мне расскажешь?

Психолог: Съезжает. Вы посмотрите, как съезжает..

— Ты пытаешься съехать с темы, потому что боишься, что я докопаюсь до истины?

Дмитрий отстраняется и смотрит на меня с прищуром.

Его ладонь остаётся у меня под футболкой, но улыбка постепенно исчезает.

— Я боюсь? — переспрашивает он. — Валери, я тут уже полвечера говорю так откровенно, как вообще ни с кем за последние десять лет не разговаривал. Мне казалось, я тебе уже всю подноготную выложил.

Он чуть наклоняет голову набок, не отрывая тяжёлого, пристального взгляда от моих глаз, и его пальцы на моих рёбрах слегка сжимаются:

— Если у тебя есть ответ, скажи. А то у меня ощущение, что я на экзамене, к которому не готовился.

Готов слушать, окей. Вот только прокурорский допрос теперь устраиваю я. В более мягкой форме.

— Нет-нет, у меня ответов нет, ответы есть у тебя. А у меня есть вопросы. Ты сказал, что «когда я становлюсь твоей, другим мужчинам уже так смотреть не полагается». Почему? Что может произойти такое, что заставляет тебя испытывать эти чувства?

Дмитрий хмурится. Несколько секунд он смотрит на меня, потом переводит взгляд на окно.

Его ладонь на моей спине остаётся неподвижной.

— Ну посмотрел. Потом подойдёт, заговорит.. — Он замолкает и качает головой. — Чёрт. Ты сейчас заставляешь меня копаться в том, о чём я в жизни словами не думал. Просто не хочу, чтобы он к тебе лез, просто на уровне рефлекса.

Я не отвожу взгляда, давая понять, что так просто он не отвертится.

Он медленно выдыхает через нос, и жёсткая складка между его бровей углубляется.

— Что может произойти? — повторяет он через паузу. — Да что угодно. Вокруг много мужиков с деньгами, временем и подвешенным языком. Ты сама сказала: тебя здесь ничего не держит, кроме твоего желания. Сегодня ты хочешь быть со мной. А завтра?

Дмитрий смотрит на меня прямо, тяжело, без всякой рисовки:

— Я ведь сам в субботу даже не спросил, есть у тебя кто-то или нет. Просто захотел тебя и забрал себе. И теперь мне не нравится думать, что кто-то ещё может сделать то же самое. — Он криво усмехается. — Я могу сколько угодно злиться на него, но что ты сама решишь — от меня не зависит. Потому что я не могу контролировать то, что происходит у тебя в голове. Я могу контролировать бизнес, счета, подрядчиков, юристов — всё что угодно, кроме того, не переключится ли в какой-то момент твой интерес на кого-то другого, если вокруг тебя постоянно будут крутиться мужики и пытаться тебя заинтересовать.

Он замолкает. На его скулах заметно напрягаются желваки.

— Вот тебе и ответ. Довольна? — суховато спрашивает он, не отрывая от меня взгляда.

— Не кипятись. Мы лишь докапываемся до истины. Получается, ты не уверен в том, что я буду выбирать тебя каждый день? И чтобы быть уверенным — что тебе хочется сделать?

Дмитрий делает медленный, глубокий вдох через нос, сбавляя внутренние обороты, и смотрит на меня уже без вспышки раздражения — скорее с тяжёлой, сосредоточенной задумчивостью.

— Я не кипячусь. — Он выдыхает и поправляется: — Ладно, может, немного. Просто ты бьёшь в такие точки, куда я и сам заглядывать не большой любитель.

Психолог: Работа идёт. Полёт нормальный. Держим строй.

Женщина 30+: Я устала и хочу домой..

Он несколько секунд молчит, глядя прямо в мои глаза, и отвечает на первый вопрос с предельной, почти жёсткой прямотой:

— Откуда мне быть уверенным? Мы знакомы с субботы. У меня от тебя сносит крышу, ты говоришь, что тебе со мной хорошо. А потом говоришь, что если станет некомфортно — уйдёшь. Я головой понимаю, что иначе и быть не может. Но спокойнее мне от этого не становится.

Он опускает взгляд на свои руки, потом снова смотрит на меня.

— А хочется.. Мне хочется сделать ровно то, за что ты меня последние полчаса и отчитываешь. Первое — наглухо зачистить периметр вокруг тебя. Оградить от любых ночных смен, пьяных компаний и старых приятелей, чтобы рядом вообще не фонило другими мужчинами. А второе — максимально крепко завязать твою жизнь на себя. Перевезти тебя в свою квартиру, закрыть твои вопросы с жильём и деньгами, замкнуть весь твой быт на себя, чтобы у тебя были со мной общие якоря, а не только одно голое желание.

Женщина 30+: Какой. Кошмар.

Скептик: Зато честно.

Психолог: Мы докопались до того, чтобы он посмотрел правде в глаза. Как бы он ни отрицал, что готов идти навстречу — базово он хочет посадить женщину в золотую клетку.

Он обрывает себя и несколько секунд молчит.

— Только вот прямо сейчас, пока я тебе это проговариваю вслух, до меня наконец доходит одна простая вещь. Чем жёстче я пытаюсь очертить вокруг тебя границы и привязать к себе контролем — тем быстрее ты начинаешь думать о том, чтобы развернуться и уйти.

Его ладонь на моей спине чуть сдвигается, но он не притягивает меня ближе.

— Ты к этому меня подводила? Чтобы я сам это сказал?

— Я никуда не веду тебя. Ты сам путешествуешь по своему бессознательному. Окей. Мы определились. Ты хочешь посадить меня в золотую клетку, чтобы я никуда от тебя не ушла. И ты знаешь, что я в неё не сяду ни при каких условиях. Что ты считаешь нам нужно с этим делать?

На словах про «путешествие по бессознательному» Дмитрий невесело усмехается. Но при упоминании золотой клетки его лицо снова становится серьёзным.

Он молчит несколько секунд, перебирая пальцами край моей футболки, прежде чем ответить.

— Знаешь, что в этом самое ироничное? — негромко говорит он. — Ведь Светлана последние годы жила ровно в такой «золотой клетке», о которой ты сейчас говоришь. Не работала, ни к чему не стремилась, полностью зависела от моих счетов и дома, никуда бы от меня сама не делась. Казалось бы — идеальный расклад для собственника, стопроцентный контроль. Только вот домой мне при этом возвращаться не хотелось совершенно, потому что внутри всё было мертво.

Он делает короткую паузу, глядя мне прямо в глаза:

— А ты мне понравилась именно такой, какая есть. Со своей работой, своей головой.. Сидела за столом и даже не думала под меня подстраиваться. — Он качает головой. — И что я теперь делаю? Рассказываю тебе, с кем видеться и куда ездить.

Дмитрий проводит ладонью по своему лицу и смотрит на меня.

— Что делать.. Мне придётся привыкать к тому, что гарантий у меня нет. Я не обещаю, что завтра перестану ревновать. Но если я хочу, чтобы ты была рядом, мне надо как-то справляться с этим самому, а не выставлять тебе запреты. Чтобы ты сама хотела быть со мной.

Он чуть наклоняется ко мне, не отводя прямого взгляда:

— Поэтому давай договоримся на берегу. Ты переезжаешь ко мне, но при этом у тебя остаётся вся твоя жизнь: твоя работа, твои накопления на квартиру, твоя свобода днём и твои друзья. Я не пытаюсь купить твою независимость и не лезу к тебе с запретами. Но чтобы меня не срывало на ровном месте, от тебя мне нужна простая прозрачность — без тайн, недомолвок и сюрпризов по ночам. А если меня снова начнёт крыть ревностью или потянет включить директора — я не буду ставить тебе ультиматумы, а скажу прямо, что меня напрягает, и мы это спокойно разберём. Как сейчас.

Психолог: И он снова ставит нам условия. Практически в приказном порядке.

Стратег: Нам нужен воздух. Подумать и переварить это всё.

Женщина 30+: Поддерживаю.

Его пальцы на моей талии мягко сжимаются, и он с лёгким прищуром смотрит на моё лицо:

— Как тебе? Или я опять что-то не так предлагаю?

Я прикрываю глаза, делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями. Несколько секунд на то, чтобы принять решение. И затем говорю мягко, без упрёка:

— Послушай.. Я благодарна тебе, что ты мне открылся и ответил на вопросы, не утаивая ничего. Я вижу, что для тебя это действительно болезненная тема.. Но прямо сейчас я пока не готова переезжать. И сегодня я хочу переночевать у себя дома. Одна. Просто побыть одна. Подумать над этим всем. Я не отвергаю общение и отношения, но я хочу быть там сегодня.

Несколько секунд в полутёмной гостиной стоит тишина. Ладонь Дмитрия под моей футболкой замирает на моей спине; я прямо кожей чувствую, как напрягаются мышцы его плеч и груди.

Ещё полчаса назад я сама спрашивала его о переезде, а сейчас собираюсь домой, одна.

Дмитрий смотрит на меня, сжав челюсть, и на мгновение отводит глаза. Он делает медленный, глубокий выдох и криво, без всякой радости усмехается.

— Ну надо же. Сильно я сегодня выступил. Полчаса назад ты предложила съехаться, а после разговоров со мной хочешь собрать рюкзак и уехать домой ночевать одна. Отличный результат.

Он убирает руку из-под моей футболки, бережно берёт мои ладони в свои и смотрит на меня прямо — без злости, скорее с досадой на самого себя.

— Врать не буду: отпускать тебя сейчас, в десятом часу вечера, когда ты уже переоделась в домашнее и сидишь у меня на руках, мне чертовски не хочется, — прямо говорит он, сжимая мои пальцы. — Первая мысль в голове — никуда тебя не пустить. Но я понимаю, почему ты хочешь уехать. За эти два дня на тебя свалились мой развод, визит Светланы, а сегодня вечером я вместо того, чтобы просто побыть с тобой, вывалил на тебя тонну своих условий, претензий и тараканов. Любому человеку от такого напора захочется выдохнуть и побыть одному.

Дмитрий подносит мои руки к губам и тепло, долго целует мои пальцы, не сводя с меня потемневших глаз.

— Только ключ оставь у себя, ладно? И пропуск тоже. — Он ненадолго замолкает. — И дай мне хотя бы проводить тебя до машины.

Он отпускает мои ладони, давая мне возможность подняться с его колен, но его взгляд остаётся прикованным к моему лицу.

Я встаю и иду собираться.

Господи, ну что за дерьмо: уезжать в таком паршивом состоянии. Но мне сейчас ужасно душно. Мне нужен воздух.

В спальне тихо. Я снимаю шорты и футболку, убираю их обратно в рюкзак — там же, во внутреннем кармашке, остаётся лежать матовый чёрный ключ от его квартиры — и переодеваюсь на улицу.

Дмитрий ждёт меня в прихожей, уже обутый и накинувший расстёгнутое пальто поверх чёрной домашней футболки. Когда я выхожу, он молча помогает мне надеть куртку, я обуваюсь, а он берёт из моих рук рюкзак, чтобы донести его до машины, и открывает входную дверь.

В зеркальной кабине лифта по пути на минус второй этаж мы едем молча. В прохладном полумраке подземного паркинга гулко звучат наши шаги. Подойдя к моей машине, припаркованной бок о бок с его массивным внедорожником, Дмитрий открывает переднюю дверь, кладёт мой рюкзак на пассажирское сиденье и поворачивается ко мне.

У машины я говорю:

— И ещё, Дим.. Перечитай свои сообщения, пожалуйста. Посмотри на них моими глазами. Я напишу, как доеду до дома.

Он слегка сдвигает брови. Первую секунду в его взгляде мелькает искреннее недоумение, но спорить или переспрашивать на парковке не начинает. Только серьёзно кивает.

— Обязательно перечитаю, — негромко говорит он. — Поезжай аккуратно. Буду ждать сообщение.

Он наклоняется, бережно берёт моё лицо ладонями и целует меня в губы — тепло, мягко и без всякого нажима, словно боясь снова перегнуть палку, после чего придерживает дверцу, пока я сажусь за руль. В зеркале заднего вида я вижу, как он стоит на бетонной стоянке, засунув руки в карманы пальто, и провожает взглядом мою машину, пока она не скрывается за поворотом выездной рампы.

Психолог: Он не психанул. Не удержал. Отпустил. Записываю прогресс.

Ночная Москва в десятом часу вечера уже свободна от пробок. Я выезжаю с Пресни на широкие освещённые фонарями проспекты; в салоне тихо играет музыка из моего плейлиста, и с каждым километром напряжение долгого вечера постепенно начинает отпускать.

Через двадцать пять минут я паркуюсь в своём тихом дворе и поднимаюсь наверх. Когда я открываю дверь своей квартиры, меня встречают покой, чистота после дневной уборки и свежий воздух. Здесь никто не задаёт вопросов с прищуром, не строит сложных теорий и не ставит условий. Переодевшись в удобную домашнюю одежду, я беру телефон и отправляю Дмитрию короткое сообщение о том, что добралась до дома.

* * *

Тем временем в квартире у Дмитрия..

В это же время в квартире на Пресне стоит непривычная, гулкая тишина.

Вернувшись с подземного паркинга, Дмитрий скидывает в прихожей пальто и проходит в полутёмную гостиную. На журнальном столике перед пустым диваном так и стоят два высоких стакана с окончательно растаявшим льдом и остатками лимонада.

Он опускается на диван — ровно на то место, где полчаса назад Валери сидела у него на коленях, — достаёт из кармана домашних брюк смартфон и открывает их диалог в мессенджере.

В комнате тихо. Дмитрий медленно листает переписку с самого первого сообщения, пытаясь прочитать собственные тексты так, как об этом попросила Валери.

И чем дальше он смотрит на экран, тем сильнее меняется его лицо.

Среди его сегодняшних ответов:

«У меня тут в первой половине дня уже были первые приветы из банка от Светланы, но юристы сегодня до вечера отправят ей проект соглашения. Освобожусь по плану, к семи».

«Передал, Максим смеётся и шлёт ответный привет. До вечера».

«Готово, шлагбаум откроется автоматически по камере. Минус второй этаж, места 214 и 215 прямо у лифтового холла».

Дмитрий замирает, глядя на эти строчки, и в памяти вдруг с предельной чёткостью всплывает то, что Валери вчера вечером спокойно сказала Светлане прямо здесь, в этой же гостиной: «Вы оба прятались в ракушку и не говорили о чувствах».

Он проводит ладонью по лицу, с досадой качая головой. За все три дня в его сообщениях нет ни одного живого, тёплого слова о Валери или о том, что он к ней испытывает. Сухие рабочие сводки про юристов, отчёты про сметы, инструкции по парковке и расписание, как будто он переписывается со своим начальником участка, а не с женщиной, ради которой вчера перевернул всю свою жизнь. А вечером, вместо того чтобы сказать, как сильно он ждал этой встречи, он устроил ей двухчасовой разбор полётов с правилами совместного проживания.

В этот момент смартфон в его руке коротко вибрирует: прилетает сообщение Валери о том, что она дома.

Дмитрий долго смотрит на короткую строчку на экране, затем начинает печатать ответ, стирает написанное и набирает заново.

* * *

Тем временем дома у Валери..

В тишине моей комнаты телефон в моих руках отзывается мягким сигналом. На экране загорается ответ от Дмитрия:

«Спасибо, что написала. Я поднялся наверх, сел в пустой гостиной и перечитал весь наш чат с самого начала. Если честно — стало не по себе. Я пишу тебе так, будто составляю техническое задание для подрядчиков: графики, юристы, номера парковочных мест. А вечером ещё и навалился со своими правилами и допросами».

Следом внизу экрана снова бегут точки набора текста, и через полминуты приходит второе сообщение:

«Я так привык годами держать всё внутри и общаться сухими фактами, что даже не заметил, как не сказал тебе за сегодня самого главного. Я весь день в офисе только и ждал вечера, чтобы снова тебя увидеть и обнять. Мне без тебя в этой квартире сейчас очень пусто, Ви. Отдыхай спокойно, я не буду тебя сегодня дёргать. Спокойной ночи».

Женщина 30+: Мы ведь пока не услышали от него и слов о его чувствах, кроме того, что ему сносит голову.

Скептик: Ну мы и сами не говорили, кроме того, что нам с ним хорошо, спокойно и безопасно.

Стратег: Получается, оба молчим.

Женщина 30+: Это вы мне не даёте сказать!

Стратег: Всё, хватит. Хватит этих выяснений отношений. Хватит этой духоты.

Я смотрю на светящийся экран телефона с последним сообщением от Дмитрия, откладываю смартфон на край стола и оглядываю свою притихшую комнату.

В квартире чисто, тихо и спокойно — но буквально через пять минут я ловлю себя на том, что эта тишина сейчас совсем не расслабляет. Наоборот: оставаться одной в четырёх стенах и прокручивать в голове бесконечные разговоры про границы, чужие разводы и правила — последнее, чего мне хочется в этот вечер.

Стратег: Нам нужно развеяться. Что мы ему сказали? Что мы дома. Оставаться дома обещания не было.

Женщина 30+: Но он ведь просил сообщать о том, где мы находимся вечером.

Скептик: А губозакаточную машинку ему не подарить? Надоело.

Стратег: Соглашусь. Сидеть тут и крутить мысли вообще не хочется.

Скептик: Что делаем?

Стратег: В бар!

Скептик: В бар.

Женщина 30+: Разбираться с последствиями этого решения, видимо, предстоит Валери из будущего..

Психолог: Как практику от излишнего контроля со стороны Дмитрия — поддерживаю. Как ущерб для организма от предстоящей тусовки — немного порицаю. Но развеяться надо. После всего.

Внутри просыпается острое, почти физическое желание сбросить с себя всю эту серьёзность, вдохнуть ночной воздух и почувствовать, что моя жизнь, моё время и моя ночь принадлежат только мне.

Я вызываю такси к подъезду и ставлю точку в центре — на Покровке, где даже в понедельник ночью кипит жизнь и работают бары с хорошей музыкой.

Скинув домашние шорты, я за пару минут собираюсь на выход: надеваю джинсы, кроп-топ, распускаю тёмно-русые волосы мягкой волной по плечам, в прихожей накидываю сверху куртку и обуваюсь.

Через полчаса такси высаживает меня в самом центре. Здесь совсем другой ритм: вдоль узких старых улочек горят тёплые гирлянды веранд, мимо проходят компании, из открывающихся дверей тянет музыкой и парфюмом. Я толкаю тяжёлую дверь одного из оживлённых двухэтажных баров и шагаю внутрь.

Меня сразу окутывает густой, тёплый воздух, подсвеченный неоном и приглушёнными янтарными лампами. Из колонок качает плотный, бодрый бит — диджей за стойкой сводит современные поп- и рок-ремиксы, так что басы приятно отзываются под подошвами. Для вечера понедельника зал заполнен больше, чем наполовину: за столиками смеются компании, но у длинной контактной барной стойки из тёмного дерева есть пара свободных высоких табуретов.

Я скидываю куртку, вешаю её на крючок под стойкой и устраиваюсь на высоком стуле. Молодой бармен в чёрной футболке с закатанными рукавами, только что закончивший взбивать шейкер для соседнего заказа, сразу замечает меня, приветливо улыбается и кладёт передо мной костер под бокал:

— Привет! Рад видеть. Что сегодня смешаем для настроения — что-нибудь покрепче, послаще или с кислинкой?

Я прошу сделать что-нибудь яркое, кисло-сладкое, с пузырьками и большим количеством льда. Бармен понимающе кивает:

— Сделаем в лучшем виде. Маракуйя, лайм, немного джина и сухое игристое сверху — пьётся как лимонад, но настроение поднимает быстро.

Через пару минут передо мной опускается высокий запотевший бокал, доверху набитый колотым льдом, с ярко-оранжевым кисло-сладким коктейлем и веточкой мяты.

Я делаю первый большой глоток через трубочку — ледяная, шипучая кислинка с тропической сладостью мгновенно освежает. Играет знакомый трек, я покачиваю ногой в такт басам, разглядывая полки с подсвеченными бутылками и отражения в большом зеркале за спиной бармена.

Стратег: Вот. Другое дело. Музыка, алкоголь и никаких рассуждений о личных границах.

К середине бокала, как это всегда бывает у меня с алкоголем, в голову быстро и мягко ударяет приятный, тёплый хмель. Плечи окончательно опускаются, в теле появляется лёгкая, беззаботная невесомость, а все вечерние споры на Пресне кажутся чем-то далёким и совершенно неважным.

Когда я допиваю первый коктейль до самого льда и бармен по моему знаку ставит передо мной второй такой же бокал, через пару стульев справа от меня у стойки останавливается высокий симпатичный парень лет тридцати в расстёгнутом тёмном бомбере и белой футболке. Заказав у бармена виски со льдом, он поворачивает голову в мою сторону, ловит мой взгляд в полумраке бара и с лёгкой, ненавязчивой улыбкой поднимает свой стакан:

— Смелый выбор для вечера понедельника. У тебя сегодня какой-то личный праздник или просто решила продлить выходные?

Скептик: Подъехал. Разворачиваем.

Я окидываю его взглядом и говорю, перекрикивая музыку:

— У меня завтра выходной. Если ты хочешь меня закадрить, извини, не получится. Эту цыпочку заарканили два дня назад. А если просто пообщаться — то запросто.

Парень на секунду замирает со стаканом виски в руке, а потом, искренне, во весь голос рассмеявшись, качает головой.

— Вот это я понимаю — честность с порога, — улыбается он, поднимая свободную ладонь в знаке капитуляции и пересаживаясь на один барный стул ближе, чтобы не перекрикивать басы из колонок. — Даже сэкономила мне десять минут попыток произвести впечатление. Меня Артём зовут.

Он легко касается краем своего тяжёлого стакана с виски моего запотевшего бокала с маракуйей и делает глоток, с любопытством и весёлым прищуром разглядывая меня в полумраке стойки.

— Просто пообщаться в понедельник ночью с адекватным человеком — это вообще редкая удача, — говорит он, опираясь локтем о деревянную столешницу. — Но слушай, звучит интригующе: тебя заарканили всего два дня назад, в самый разгар конфетно-букетного периода, а на третий вечер ты сидишь одна за барной стойкой и пьёшь коктейли. Этот счастливчик в курсе, какую свободолюбивую девушку он себе отхватил, или ты от него уже сбежала на перерыв?

Из колонок как раз начинает играть свежий танцевальный ремикс на один из треков Вани Демиденко; я тяну через трубочку ледяной кисло-сладкий коктейль со второго бокала.

Стратег: Предупреждаю, язык развязался. Контроль речи на уровне «ниже среднего».

Женщина 30+: Ой, ладно, мы его в первый и последний раз видим.

— Я Валери. Слушай, он ещё не понял, какой он счастливчик, потому что сегодня он изо всех сил делал вид, что я должна его слушать по всем его пунктам. Думаешь, дело труба, да? Есть у меня ощущение, что ещё всё может вырулиться. Но на третий день такие трудности — это, конечно, перебор. Вот я и сбежала сюда подышать. Таким, наверное, нужны те, кто ищут, кого бы слушаться, а не такие, как я.

— Очень приятно, Валери. — Артём улыбается, неторопливо покачивая стакан в пальцах.

Он слушает меня с живым интересом, а на последней фразе про тех, «кто ищет, кого бы слушаться», усмехается и качает головой, глядя на меня поверх стакана:

— Слушай, ну если хочешь взгляд с мужской колокольни — как раз наоборот. Бывают такие мужики, которые по жизни привыкли всеми командовать и строить всех по струнке. И им самим иногда кажется, что им нужна тихая, послушная девочка, которая будет заглядывать в рот и кивать по всем пунктам. Только на практике они от таких послушных через полгода начинают выть с тоски, потому что дома становится как в казарме или в скучном офисе.

Он делает глоток виски, ставит стакан на деревянную стойку и с лёгкой иронией кивает на мой бокал:

— Поэтому цепляют их как раз такие, как ты, — живые, с характером и со своим мнением. Но привычка командовать никуда не девается, вот они по инерции с третьего дня и пытаются загнать девушку в свои рамки. Чисто проверить, прогнётся или нет.

Из колонок мягко перетекает следующий трек — бодрый кавер с плотным басом, под который за соседним столиком компания чокается шотами. В моём втором бокале коктейля остаётся меньше половины.

— Так что дело далеко не обязательно труба, — с улыбкой добавляет Артём, поворачиваясь ко мне вполоборота на высоком табурете. — Тут главный показатель не то, что он попытался права покачать, а то, как он отреагировал, когда ты ему сказала «нет» и уехала. Он тебе вслед скандал закатил с ультиматумами или всё-таки проглотил и задумался?

— Ультиматумы он мне выкатывал ровно до того, как я объявила, что уезжаю. После — уже постеснялся. Он ещё богатый до жопы. И я ему сказала, что его деньги меня не интересуют. Видел бы ты его лицо в этот момент. Они же привыкли, что любая согласна ради денег терпеть вот это вот всё.

Психолог: Грубовато мы о Дмитрии.

Скептик: Простите, вырвалось. Накопилось за вечер.

Артём на фразе про «богатый до жопы» и про выражение лица моего мужчины фыркает прямо в стакан и от души смеётся, запрокидывая голову.

— О-о, ну тогда ты ему сегодня просто шаблон порвала! — со смехом говорит он, ставя виски на стойку. — Ты себе даже не представляешь, какой это для таких людей культурный шок. У меня у самого шеф примерно из этой же породы — считает, что любую проблему в мире, включая женское настроение, можно просто закидать баблом или решить приказом. И ведь девять из десяти реально ведутся, молчат в тряпочку и терпят любой характер, лишь бы карточку не отобрали.

Он с уважением и весёлым прищуром поднимает свой стакан в мою сторону:

— А тут на третий день ему говорят: «Оставь свои миллионы при себе, а командуй в другом месте», и уезжают на ночь глядя. Да он сейчас, небось, сидит у себя в пентхаусе, смотрит в стену и вообще не понимает, в какой момент система дала сбой.

Я дотягиваю через трубочку последние ледяные капли второго коктейля. Голова от двух бокалов с джином и игристым уже кружится легко и приятно, щёки горят теплом, а музыка в баре кажется ещё объемнее и ярче.

Бармен за стойкой, заметив мой опустевший бокал, вопросительно переводит взгляд на меня, протирая полотенцем шейкер:

— Повторим для закрепления эффекта или на сегодня хватит?

Артём с улыбкой посматривает на меня:

— Кстати, а чем ты сама занимаешься, раз тебе его миллионы до лампочки и у тебя по вторникам законный выходной? Творческая профессия или свой бизнес? — и кивает на бармена. — Если хочешь ещё один или просто воды со льдом — давай я закажу, чисто по-дружески, за отличный разговор в понедельник ночью. Без всяких попыток закадрить, слово пацана.

— Веду корпоративы, типа того. Покер там провожу. «Обслуга по вызову», как назвала меня его бывшая жена. Да, он ещё и на развод подал, прикинь. Мне пока хватит, спасибо, может, попозже.

Бармен понимающе кивает на мой отказ от третьего коктейля и просто ставит передо мной на салфетку стакан холодной чистой воды со льдом, чтобы освежиться.

А вот у Артёма от моей фразы про бывшую жену и подачу на развод за два дня брови взлетают к самому лбу. Он даже стакан с виски на полпути ко рту тормозит и смотрит на меня с неподдельным восхищением.

— Подожди-подожди.. — протягивает он, переваривая услышанное. — То есть миллионер послал жену, сошёлся с тобой, а ты ему сегодня объяснила, что командовать тобой нельзя, и уехала в бар?!

Он качает головой и смеётся:

— Теперь я вообще не удивляюсь, почему его так кроет и почему он пытается вокруг тебя забор в три метра выстроить. Мужик за два дня всю свою жизнь ради тебя под откос пустил и теперь просто в панике боится, что ты точно так же легко от него упорхнёшь.

Из колонок в этот момент начинает качать знакомый бит Егора Нокса; неоновый свет мягко бликует на стойке, а хмель в голове после двух коктейлей держится на самой приятной, весёлой отметке, когда на всё вокруг смотрится легко и с иронией.

Мой смартфон коротко и одиночно вибрирует.

Экран загорается: пришло сообщение от Дмитрия. Время — ровно двенадцать ночи.

«Полчаса ворочаюсь и не могу уснуть. Понял, что если не напишу сейчас — пролежу так до утра. Прости меня за сегодняшний вечер. Я настолько сильно боюсь тебя потерять, что веду себя как идиот и сам же тебя отталкиваю своим напором. Спи сладко, завтра наверстаем».

Артём, не заглядывая в мой телефон, но заметив, как засветился экран, с понимающей полуулыбкой отпивает свой виски:

— Что, уже пишет? — усмехается он, кивая на мой смартфон. — А насчёт покера — это вообще крутая тема. Ты прямо настоящий техасский холдем ведёшь, со всем оборудованием и фишками? Я просто с друзьями иногда собираюсь поиграть, но вечно кто-то путается в блайндах и банках.

Я не слушаю уже, что говорит Артём, читаю сообщение ещё раз. Перед глазами немного плывёт.

Стратег: Так, собрались. Ситуация! Вот теперь, если мы прикинемся, что дома, или не ответим, — это будет враньё. Собрались, говорю!

Скептик: Я тут. Давайте скажем, как есть.

Психолог: Мне мешает алкоголь, чтобы понять последствия..

Стратег: Мне не мешает. Мы говорим как есть — а он либо принимает нашу свободу, либо срывается с петель, и мы расстаёмся.

Скептик: Оценка самообладания в полевых условиях.

Психолог: Ой, не нравится мне это..

Стратег: Не ссы, мать. Щас разгребёмся.

— Ща посмотрим на его хвалёную выдержку, — произношу я вслух.

Я пишу Диме, поправляя на ходу опечатки от пьяных пальцев:

«Я не дома. Уехала проветриться. Дома тоже душно. Со мной всё нормально».

Показываю последнее сообщение Артёму.

Артём наклоняется чуть ближе, пробегает глазами по тексту Дмитрия и моему короткому ответу под ним и тихо присвистывает сквозь зубы.

— Ого. А он тебе, оказывается, весьма искренние вещи в полночь пишет, — с уважением хмыкает Артём, кивая на строчку «боюсь тебя потерять, веду себя как идиот». — Но твой ответ в двенадцать ночи про «я не дома» — это сейчас для него как граната без чеки. Ставлю свой виски на то, что он тебе перезвонит меньше, чем через десять секунд. Один, два, три..

* * *

Тем временем дома у Дмитрия..

В тёмной спальне на Пресне Дмитрий лежит поверх одеяла, глядя в потолок, когда смартфон в его руке коротко вибрирует.

Он поднимает экран к глазам, ожидая увидеть либо тишину до утра, либо короткое сонное «и ты спи». Вместо этого он читает: «Я не дома. Уехала проветриться. Дома тоже душно. Со мной всё нормально».

Дмитрий резко садится на краю кровати, спуская ноги на паркет. Первые две секунды у него внутри всё буквально взрывается: в десятом часу вечера она уехала от него со словами «хочу переночевать дома одна», написала, что доехала, а в полночь выясняется, что дома её нет! Пальцы сами сжимают корпус телефона так, что побелели костяшки, а большой палец уже

зависает над кнопкой вызова, чтобы набрать её и рявкнуть в трубку: «Где ты, чёрт возьми, в двенадцать ночи?!»

Но прямо за секунду до нажатия он сам себя одёргивает, глядя на две предыдущие строчки на экране — на свои же собственные слова о том, что он сам отталкивает Валери своим напором. И на её слова: «дома тоже душно».

Он понимает: если она написала ему об этом сама, честно и прямо, вместо того чтобы промолчать и сделать вид, что спит, а он сейчас в ответ устроит ей ночной допрос с криками, — он просто похоронит всё, что только что написал.

* * *

Тем временем в баре..

Артём у барной стойки успевает досчитать до пяти, когда экран моего телефона загорается. Прилетает короткое сообщение:

«Ты на машине или где-то сидишь?»

Я уже собираюсь печатать ответ, когда буквально через десять секунд телефон в моих руках всё-таки начинает вибрировать входящим вызовом — на экране высвечивается имя Дмитрия. Вокруг качает музыка, неоновые блики играют на стекле стаканов, а Артём с азартной улыбкой поднимает брови, делая вид «я же говорил».

Я сбрасываю вызов и пишу: «Не могу ответить, тут шумно. Сейчас выйду на улицу».

— Ща я выйду, узнаю, собирается он на меня орать и похоронить наши отношения сегодня или возьмёт себя в руки, — говорю я Артёму.

— Ни пуха, — с улыбкой салютует мне стаканом Артём. — Я пока посторожу твоё место у стойки.

Я снимаю с крючка свою куртку, накидываю её на плечи и иду сквозь полутёмный зал к выходу. Когда я толкаю тяжёлую входную дверь и выхожу на тротуар, плотный грохот басов остаётся позади за толстым стеклом, превращаясь в приглушённый гул. На ночной Покровке свежо и прохладно; ноябрьский воздух приятно остужает разогретые после двух коктейлей щёки, а вдоль пустеющей улицы желтеют огни фонарей и редких проезжающих машин.

Отойдя на пару шагов от крыльца, я перезваниваю ему.

Дмитрий отвечает мгновенно — ещё до того, как в трубке успевает прозвучать первый длинный гудок.

Первые две секунды он молчит: в динамике слышен только его глубокий, медленный выдох. Когда он заговаривает, он не кричит и вообще не повышает тона — наоборот, его голос звучит очень тихо, низко и натянуто, как струна, по которой слышно, каких усилий ему сейчас стоит держать себя в руках.

— Я сейчас очень стараюсь не сорваться и не наговорить лишнего, — глухо и раздельно произносит он в трубку. — Но мне сложно сложить в голове две вещи. Два часа назад ты уехала от меня на ночь глядя, потому что устала и хотела побыть одна в тишине у себя дома. А в двенадцать ночи пишешь мне, что не можешь взять трубку, потому что вокруг слишком шумно.

В фоне слышится тихий шорох — кажется, он встал с кровати.

— Где ты сейчас, Ви? — тем же низким, сдержанным до хрипоты голосом спрашивает он. — Скажи мне прямо, что происходит, пока я сам не накрутил себя до предела.

Стратег: Кажется, сейчас ему предстоит ещё одно испытание на прочность!

Шутница: Я у руля. Развлечёмся.

Я держу телефон у уха, выставив в сторону локоть и начинаю театрально жестикулировать одной рукой. Говорю намеренно с интонациями звонким голосом:

— Говорю прямо: я приехала домой и поняла, что мне нихрена не легче от того, что я зашла в коробку из четырёх стен в тишину. И мне захотелось почувствовать себя.. свободным человеком! Который может взять и уехать.. например в бар! Прошу заметить для прото-

кола, господин Прокурор! Свободным человеком, а не свободной женщиной! И вот я в баре выпила два коктейля, слушаю музыку и чувствую себя охуенно! Не потому что я одна без тебя. А потому что мне не нужно спрашивать ничьё разрешение. И ещё для протокола, господин Прокурор, прошу заметить, что я не стала врать, что я дома сплю. И не стала избегать этого разговора.

В трубке повисает короткая, оглушительная пауза.

Через две секунды в динамике раздаётся его долгий, шумный выдох, который неожиданно переходит в низкий, глуховатый смех. Я буквально слышу, как из его голоса разом уходит то каменно-натянутое напряжение, с которым он снял трубку.

— Два коктейля? — с тёплой усмешкой переспрашивает он. — Учитывая, как вчера за ужином тебе дало в голову от одного бокала сухого вина, я прямо по голосу слышу, насколько тебе сейчас хорошо.

В фоне слышно, как он отходит от окна и берёт с тумбочки ключи или часы, но в его интонации нет ни тени прежнего директорского нажима. Наоборот — в ней звучит смесь облегчения и живого, тёплого азарта.

— Внёс в протокол всё до последнего слова, — негромко говорит он, и в его голосе слышна улыбка. — Особенно поправку про «свободного человека, а не свободную женщину». Признаю, звучит гораздо приятнее, чем то, что я успел нарисовать себе за те две минуты, пока ты выходила на улицу. И за то, что не стала отмалчиваться и делать вид, будто давно спишь дома, — отдельное спасибо. Я это очень ценю.

Он делает короткую паузу, прислушиваясь к шуму ночной улицы и далёким басам за моей спиной, и добавляет уже совсем мягко, почти интимно:

— Знаешь.. Когда ты два часа назад смотрела на меня на кухне тем мрачным взглядом, мне было по-настоящему паршиво от того, что я сам тебя до этого довёл. И если для того, чтобы ты снова смеялась и говорила со мной вот таким живым голосом, тебе нужно было в полночь укатить в бар без всяких отчётов и разрешений — значит, ты всё сделала правильно. Никаких разрешений у меня спрашивать не надо.

На улице мимо крыльца бара проезжает редкое ночное такси, обдавая тротуар светом фар.

— Иди обратно в тепло, а то замёрзнешь на улице после коктейлей, — тепло произносит Дмитрий в трубку. — Слушай музыку и отдыхай сколько захочешь. Только скажи мне одну вещь: когда решишь, что на сегодня хватит, и соберёшься уезжать — позволишь мне подъехать и забрать тебя от входа, или господину прокурору сегодня вечером приближаться к тебе строго запрещено?

Скептик: Звучит как-то подозрительно..

Стратег: Нам послышалось или он собирается?

Скептик: Усыпляет бдительность. Хотя куда уже тут дальше её усыплять.

— Ты звучишь подозрительно для человека, который полтора часа назад втирал мне, что я должна ставить в известность заранее о том, где я собираюсь быть вечером. Насчёт твоего пожелания забрать меня — я подумаю. Мой секретарь вышлет тебе решение, принятое по этому вопросу.. в течение пары часов. В трёх экземплярах.

В трубке раздаётся короткий, глухой смешок — и с этим звуком вся его недавняя показная мягкость слетает как шелуха. В фоне отчётливо слышится шорох ткани и тихий металлический звон пряжки ремня.

Я напрягаюсь.

— Подозрительно? — голос Дмитрия падает на полтона ниже, в нём прорезается густая, натянутая хрипотца. — Ты правда решила, что я тут сижу в полном дзене и умиляюсь тому, как ты в полночь пьёшь коктейли в баре?

Слышно, как он резко застёгивает молнию на куртке и берёт с тумбочки ключи от машины.

— Если хочешь знать, что со мной происходит на самом деле, — меня сейчас кроет так, что скулы сводит, — прямо и жёстко выговаривает он в трубку. — Единственная причина, почему я не сорвался в первую же секунду, — я два часа просидел один в этой пустой квартире и слишком хорошо понял: начни я сейчас снова давить и орать в телефон, ты просто сбросишь вызов и больше не возьмёшь трубку. Вот я и держу себя за горло обеими руками, чтобы снова всё не испортить.

Блять.

Вся моя несерьёзность развеивается от его тона и слов. Я замираю, прислушиваясь к фоновым звукам из телефона.

Раздаётся тяжёлый хлопок двери и гулкие шаги по коридору к лифту — он даже не стал ждать моего ответа, уже выходя из квартиры.

— Но про «пару часов» ты всё-таки не заигрывайся, — продолжает он глухо, пока двери лифта с тихим сигналом закрываются. — Тебе вчера от одного бокала вина голову вскружило, а сейчас в тебе уже два коктейля. Я слышу твой голос — хмельной, тёплый, — представляю, какие у тебя сейчас глаза, как ты там улыбаешься за стойкой, и меня просто выворачивает от одной мысли, что вокруг тебя сейчас вьются какие-то мужики, пока я торчу здесь один. Я по тебе с ума схожу, Ви, а не в демократию играю.

Блять.

Лифт останавливается на подземном паркинге, слышится писк снятой с охраны машины и глухой удар захлопнувшейся водительской двери.

— Так что секретаря своего можешь отпустить, три экземпляра мне не понадобятся, — под рокот заводящегося мотора произносит Дмитрий. — Я уже выезжаю с парковки. Врываться в зал и устраивать сцены я не буду — спокойно посидишь ещё те двадцать минут, пока я еду. Но адрес бара скинь мне прямо сейчас. Не заставляй меня колесить по центру и искать тебя на ночь глядя.

Блять.

Он серьёзно?

Настолько флягу сорвало?

Пиздец.

Меня накрывает паника. Отголоски той самой паники, которая сопровождала меня почти каждый день несколько лет назад, когда я боролась с тревожным расстройством.

Чёрт, конечно, скинуть адрес.

Я отключаю звонок, мои руки немного потрясывает, скидываю ему адрес и возвращаюсь в бар. Прошу бармена налить мне две стопки «Егермейстера».

Бармен без лишних вопросов достаёт из морозилки запотевшую тёмно-зелёную бутылку, до краёв наполняет две тяжёлые ледяные стопки густым, тягучим ликёром и кладёт рядом дольку апельсина, посыпанную корицей.

Я опрокидываю первую стопку, следом сразу вторую. Обжигающий травяной холод мягко прокатывается по горлу, разливаясь в груди плотным, согревающим теплом поверх коктейльного хмеля.

— Он сорвался и едет сюда. Не орал на меня, нет. Притворился, что всё устраивает. А потом сказал скинуть адрес и уже выехал. Дай мне свой номер. Мне нужен хоть кто-то, с кем я могу поговорить об этом тиране в свободное от узурпаторства время. Если ты не против, — говорю я Артёму. А внутри стягивается панический узел, который я пытаюсь прикрыть храбростью.

Артём с неподдельным восхищением провожает взглядом две пустые стопки, опустившиеся на деревянную стойку, и смеётся, качая головой:

— Ну ты даёшь, Валери! Сначала довела мужика до того, что он посреди ночи сорвался с места, а теперь ещё и два шота «Егеря» сверху для храбрости. И ведь я почти угадал: хватило его ровно на две минуты изображать спокойствие, прежде чем инстинкт собственника победил.

На мою просьбу дать номер он без колебаний достаёт свой смартфон из кармана бомбера и протягивает мне открытый экран с цифрами:

— Да вообще с удовольствием. Записывай. Буду твоим личным внештатным психотерапевтом по вопросам укрощения миллионеров-узурпаторов. Тем более ты мне за сегодня такой сериал в прямом эфире показала, что я теперь просто обязан знать, чем дело кончится. И если нам с парнями всё-таки понадобится крутой крупье на покер — буду знать, кому писать.

Я вбиваю его контакт себе в телефон и кидаю короткий дозвон, чтобы у него остался мой номер. Артём тут же сохраняет меня у себя и с лёгким, понимающим прищуром косится на входную дверь бара:

— Слушай, раз твой Отелло уже летит сюда по ночной Москве, давай я тебе как мужик один совет дам: мне-то за стойкой сидеть не страшно, но, если он сейчас зайдёт внутрь и увидит, как ты тут после шотов мило общаешься со мной и обмениваешься телефонами, боюсь у него просто планка упадёт. Или ты специально хочешь проверить его тормоза в полевых условиях?

В этот момент смартфон в моей руке коротко вибрирует. В чате от Дмитрия под отправленным мной адресом появляется короткое сообщение:

«Буду через десять минут».

Я перевожу взгляд на Артёма, стараясь держать лицо, и говорю:

— Не очкуй. Я пойду на улицу сразу. Спасибо, что выслушал. Пойду разбираться с этим.. тираном. Господи, за что мне это?

Артём усмехается в свой стакан, поднимая ладонь на прощание:

— Да ладно тебе, живым я отсюда точно уйду. Удачи с укрощением строптивого, Валери! Будет скучно — пиши, телефон теперь есть.

Я расплачиваюсь с барменом по счёту, забираю куртку и через пять минут выхожу из шумного, пропахшего коктейлями зала на ночную Покровку.

Прислонившись спиной к прохладной кирпичной стене у входа и засунув руки в карманы куртки, я смотрю на дорогу. Два шота «Егермейстера» поверх коктейлей уже окончательно разошлись по крови густым, пряным теплом.

Но вот в голове совещание, очевидно, встряхнулось от произошедшего.

Психолог: Ну и что это было? Зачем мы взяли телефон Артёма? Первый и последний раз, говорили они.

Женщина 30+: Я запаниковала. А Артём пока единственный человек, который знает о Дмитрии в нашей жизни.

Психолог: Это ведь ровно то, что доведёт его до бешенства, если он узнает.

Стратег: Это продолжение разговора о друзьях. Мы не должны идти у него на поводу. Мы не сделали ничего криминального. У нас нет к Артёму никаких таких планов. Границу мы ему обозначили сразу.

Женщина 30+: Да и не обязаны мы поддерживать с ним общение. Это скорее было на всякий случай.

Психолог: У нас паника. Дмитрий вызвал у нас панику. Это по-вашему нормально?

Скептик: Нет.

В это время из-за поворота выныривает знакомый массивный тёмный внедорожник. Огни фар выхватывают мою фигуру у стены; машина плавно прижимается к тротуару, мигнув аварийкой, и щёлкает центральным замком.

Я открываю тяжёлую пассажирскую дверь, поднимаюсь на порог, опускаюсь в глубокое кожаное кресло и с глухим стуком захлопываю дверцу. Складываю руки на груди и с недовольным видом уставляюсь прямо перед собой в лобовое стекло, не глядя на мужчину за рулём.

Дмитрий не трогается с места. Выключив передачу, он поворачивается ко мне всем корпусом, опираясь предплечьем о центральный подлокотник, и несколько секунд молча разглядывает мой гордый, насупленный профиль в полумраке салона.

В закрытом пространстве машины тут же смешиваются запахи кожи, его древесного парфюма и отчётливая сладковато-полынная нотка крепкого травяного ликёра от моих губ.

Дмитрий шумно втягивает носом воздух, и его бровь медленно ползёт вверх.

— Интересные у них тут коктейли, — негромко произносит он низким, чуть хрипловатым голосом. — Пахнут в точности как чистый «Егермейстер». Успела закинуть на посошок за те десять минут, пока я ехал, чтобы не так обидно было уходить?

«Обидно уходить»?! Для него вообще вся эта ситуация нормальная, что ли? Я проводила время так, как хочу я. Он решил, что может приехать и забрать меня. Я не его собственность!

Вслух же я ничего не говорю, лишь сжимаю зубы.

Он продолжает смотреть на моё каменное лицо, и вместо злости в его тёмных глазах постепенно появляется сложная смесь досады, усталой нежности и какого-то обречённого мужского восхищения моей непробиваемой наглостью.

— И сидишь сейчас с таким выражением лица, будто тебя взяли в заложники и везут на каторгу, — качает он головой, протягивая руку и кончиками пальцев касаясь моего подбородка, но не поворачивая мою голову насильно. — Посмотри на меня хотя бы. Я не ругаться с тобой приехал и не конвоировать тебя под арест. Я приехал, потому что, когда ты мне в полночь говоришь таким пьяным, звонким голосом, что тебе хорошо в каком-то баре, я физически не могу лежать один в пустой постели на другом конце города и делать вид, что мне всё равно.

Я не просила его делать вид, что ему всё равно! Я просила всего лишь свободы! Неужели это так сложно понять?!

Впрочем, паника от его мягкого тона никуда не девается. Она лишь перерождается в глухую обиду за его непрошибаемое желание контроля.

Его ладонь опускается с моего подбородка на мою руку, сжатую на груди, и тёплая кожа его пальцев накрывает моё прохладное с улицы запястье.

— Сильно на меня злишься за то, что я сорвался и приехал? — тихо спрашивает он, не отрывая взгляда от моего лица.

— Да. Отвези меня домой, — говорю я, не глядя на него, и добавляю, чтобы не звучать слишком грубо, но, кажется, в моей интонации вообще нет никакого уважения или просьбы. — Пожалуйста.

Пальцы Дмитрия на моём запястье на секунду сжимаются сильнее, по скулам пробегает жёсткая тень задетого мужского самолюбия, но он медленно убирает руку от моей кожи и возвращает ладонь на руль.

— Понял, — глухо произносит он. — Пристегнись.

Не споря и не переспрашивая, в чей именно дом меня везти, он включает кнопку подогрева моего сиденья, переводит рычаг коробки передач в драйв и плавно выруливает от тротуара Покровки на ночное Бульварное кольцо.

Первые десять минут мы едем в полной тишине.

И что, теперь так всегда будет? Мне никуда нельзя ходить? Нельзя самой решать, что мне делать? Что, он всегда будет таскаться за мной ревнивым хвостом? Это. Какой-то. Пиздец.

За тонированными стёклами внедорожника проносятся жёлтые огни фонарей и пустые ночные перекрёстки; от кожи кресла подо мной начинает подниматься мягкое, согревающее тепло, от которого травяной хмель «Егермейстера» и коктейлей ощущается ещё сильнее.

Дмитрий ведёт машину быстро и сосредоточенно, глядя прямо перед собой на дорогу, но по тому, как крепко его пальцы сжимают кожаный обод руля, видно, какое напряжение кипит у него внутри.

На долгом красном светофоре перед выездом на проспект он притормаживает и наконец поворачивает голову ко мне, разглядывая мой упрямый профиль в отсветах приборной панели.

— По телефону ты смеялась и обещала прислать мне решение с секретарём в трёх экземплярах, — негромко, с глухой горечью в голосе произносит он. — А стоило мне реально приехать — отворачиваешься к окну и разговариваешь со мной сквозь зубы, будто я твой личный конвоир.

Загорается зелёный; машина снова плавно набирает ход.

— Думаешь, мне самому в кайф чувствовать себя каким-то тираном, от которого тебе приходится сбегать ночью в бар, чтобы просто свободно вздохнуть? — продолжает он, не глядя на меня и следя за полосой. — Я сорвался и приехал туда не для того, чтобы показать тебе свою власть или испортить тебе праздник. Я поехал, потому что, когда услышал в трубке твой тёплый, пьяный голос, меня просто накрыло. Я безумно по тебе соскучился за эти три часа. Хотел просто забрать тебя оттуда в тепло, обнять, вдохнуть твой запах и увезти спать. А в итоге сижу за рулём и чувствую себя последним идиотом, который обломал тебе хорошее настроение и вызвал только злость.

Соскучился?! Вот как выглядит его тоска — приехать и насильно забрать меня!

Я ничего не отвечаю. Мне просто нечего сейчас сказать, чтобы не наговорить лишнего.

Через десять минут внедорожник сворачивает с шоссе в мой тихий, спящий двор, проезжает мимо припаркованной на стоянке моей машины и мягко останавливается прямо у освещённого фонарём крыльца моего подъезда.

Дмитрий переводит рычаг в паркинг, но глушить мотор не спешит. Он поворачивается ко мне всем корпусом, опираясь рукой о спинку моего кресла, и смотрит на моё лицо тёмным, тяжёлым взглядом — без всякого давления, но с такой неподдельной тоской и усталостью в глазах, какой я у него ещё не видела.

— Приехали, — тихо говорит он, не прикасаясь ко мне, чтобы не злить ещё сильнее, но и не разблокируя сразу дверной замок, словно давая себе последние несколько секунд просто посмотреть на меня. — Так и уйдёшь сейчас наверх, даже не взглянув на меня на прощание?

Психолог: Мы должны сказать хоть что-то. Кажется.. кажется, он не понимает.

Женщина 30+: Мы слишком злимся, чтобы говорить что-то адекватное.

Психолог: Это не важно. Если мы сейчас промолчим и просто уйдём — это не пойдёт на пользу ни нашим отношениям, ни его перевоспитанию.

Женщина 30+: Да в жопу это всё! Мы реально чувствуем себя как под стражей!

Я перевожу на него злой взгляд и говорю:

— Вот именно, что ты хотел забрать меня. А что хотела я — тебя не волнует. Ты просто взял и приказал мне скинуть тебе геолокацию, чтобы забрать меня оттуда, несмотря на то, чего хотела я.

Дмитрий слушает меня в полумраке салона под тихий, ровный рокот мотора на холостых оборотах. Когда я произношу эти слова, он не пытается возразить — только медленно опускает взгляд на свои руки, потом снова поднимает глаза на меня и тяжело, устало выдыхает.

До него наконец доходит вся абсурдность того, что он только что совершил: пять минут назад он искренне оправдывался передо мной тем, что «просто соскучился и хотел забрать меня и обнять», даже не заметив, что в этой фразе снова было только одно сплошное «я хотел». А меня он поставил перед фактом, когда уже сидел в лифте и заводил машину.

— Твоя правда, — тихо и глухо произносит он, качая головой. — Сначала сам красиво наобещал тебе в трубку: «Отдыхай сколько захочешь», — а через минуту, стоило тебе пошутить про пару часов, сам же сорвался с цепи, сел за руль и поставил перед фактом: скидывай

адрес, я выехал. Даже не спросил, хочешь ли ты вообще уезжать оттуда прямо сейчас или тебе было в кайф ещё посидеть и послушать музыку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.